



**Данное издание оцифровано  
в Воронежской областной  
универсальной научной библиотеке  
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>  
<http://vk.com/vounb>  
e-mail: [vounb@mail.ru](mailto:vounb@mail.ru)  
+7 (473) 255-05-91

Кл. Ф 54



—

~~Дис. 1914/99/1~~

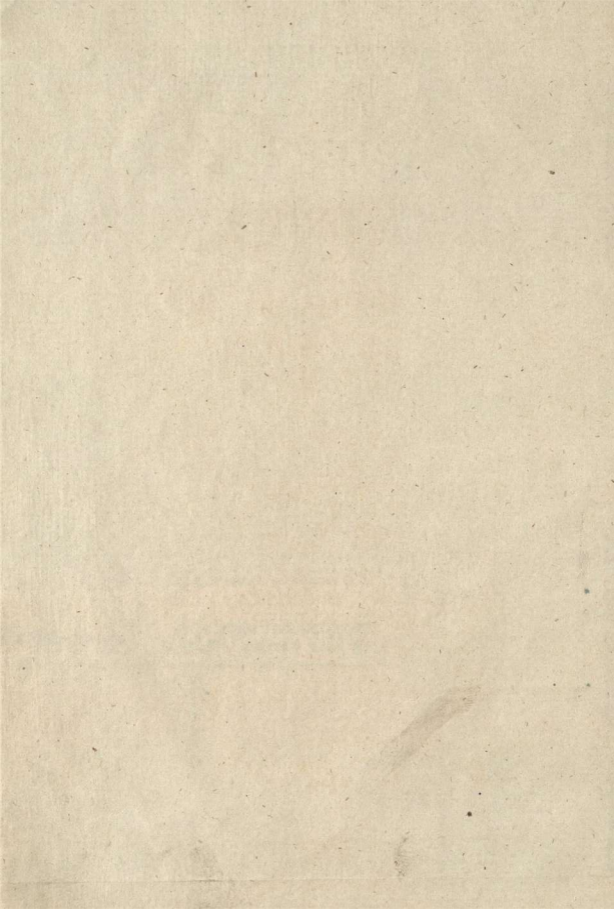
Книга должна быть возвращена  
не позднее указанного здесь срока

59

Колич. предыд. выдачи \_\_\_\_\_

89





2 6

# ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ.

05  
Ф 54  
от  
1889г

ЖУРНАЛЬ,

посвященный изслѣдованіямъ и разработкѣ разныхъ  
вопросовъ по языку, литературѣ и вообще по срав-  
нительному языкознанію и славянскимъ нарѣчіямъ.

Изд. А. Хованскимъ.

— ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ —

ВЫПУСКЪ II.

Воронежъ.

Въ Типографіи В. П. Исеева.

1889.

ж 19792.

## СОДЕРЖАНІЕ II ВЫПУСКА.

---

Изъ лекцій по латинской фонетикѣ. Гл. 16. Чередуваніе гласныхъ по количеству подъ вліяніемъ звуковъ... и пр. Гл. 17. Чередуваніе гласныхъ подъ вліяніемъ положенія въ словѣ... Гл. 18. Чередуваніе гласныхъ по ширинѣ раствора рта въ связи съ ихъ мѣстомъ въ словѣ...

Проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенѣ.

Методика русскаго языка. Съ Предисловіемъ.

А. В. Барсова.

Опытъ объясненія звуковыхъ измѣненій рѣчи измѣненіемъ работъ органовъ. Носовые звуки. (Продолж.).

А. Камскаго.

Отвѣтъ рецензенту на ст. г. Истомина «о преподаваніи русскаго языка въ средне-учеб. заведеніяхъ».

А. В. Барсова.

Отъ редакціи два слова въ отвѣтъ на отзывъ г. Истомина.

Образованіе словъ. (Замѣтка).

Гр. Ем. Линника.

Замѣтка о преподаваніи русскаго языка.

А. Я. Николаевскаго.

Памяти И. П. Котляревскаго по случаю 50-лѣтней годовщины со дня его смерти.

С. Н. Брайловскаго.

Библиографія. Русское правописаніе Иванова.

С. И. Воскресенскаго.

Библіотека греч. и римск. классиковъ. VI. Эпиктетъ.

Z.

СЛАВЯНСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Вукъ Караджичъ и его сборникъ народныхъ сербскихъ пѣсенъ. VIII. (Окончаніе).

Ф. А. Веревскаго.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

---

# ИЗЪ ЛЕКЦІЙ ПО ЛАТИНСКОЙ ФОНЕТИКѢ.

(Продолженіе).

**ГЛАВА 16. ЧЕРЕДОВАНІЯ ГЛАСНЫХЪ ПО КОЛИЧЕСТВУ ПОДЪ ВЛІЯНІЕМЪ ЗВУКОВЪ, ВЪ ДАННОЕ ВРЕМЯ УЖЕ НЕ ИМЬЮЩИХСЯ НА-ЛИЦО. ЗАМѢНИТЕЛЬНОЕ РАСТЯЖЕНІЕ (Ersatzdehnung, productio suppletoria).**

**I. Удлиненіе гласныхъ взамѣнъ за исчезнове-  
ніе согласныхъ.**

Edmundus Goetze: De productione syllabarum suppletoria linguae latinae (Stud. Curt. I. 2, 141—190).

Ср. то же

Carolus Brugman: De graecae linguae productione suppletoria. (Stud. Curt. IV. 59—186).

Собственно можно принять двоякое замѣнительное растяженіе:

- 1) гласныхъ,
- 2) согласныхъ (см. выше, главу 8-ю, стр. 158—161).

**A. Въ серединѣ словъ.**

1) -ŷr C- || ŷC:

per jūrāre || pējērāre .... || perjūro, perjūrūm, perjūrus... Ср. выше, глава 11, въ особенности стр. 181.

2) -ŷm C- || ŷC:

septēni, novēni ... prēmū ...

-ŷn C- || ŷC:

illico изъ in loco.

3) -ŷs C- || ŷC:

Предлогъ dī || dis, dir: dī-dūco, dī-lābor ..., dī-mitto ..., dī-vido ..., dī-jungo ..., dī-rīpio ...

Въ другихъ словахъ:

ŷsm ⇒ Vm: dūmus, pōmēriūm, pōmērdiānus

rēmū

Воронежская областная  
научная библиотека  
имени И. С. Никитина



- 0518679 -



$\check{V}sn \Rightarrow \bar{V}n$ : pōno, pōne ....

ksm (xm), ksn (xn)  $\Rightarrow$  m, n: sē-mestris ..., sēnt, sēnārius ....

sl  $\Rightarrow$  l: quālum, plūm ....

Точно такъ же вѣроятно слѣдуетъ объяснять cānus, pēnis, vēnum, ālea ....

4)  $\check{V}ns$  C ||  $\bar{V}C$ :

trādo, trāno ....

5)  $\check{V}dn \Rightarrow \bar{V}n$ :

fīnis, fūnis ....

$\check{V}ntn \Rightarrow \bar{V}n$ :

vicēnī, tricēnī, quādrāgēnī .... ducēnī, trecēnī, quādrīngēnī ....

$\check{V}ndl \Rightarrow \bar{V}l$ : scāla ....

6)  $\check{V}k(e)$  C ||  $\bar{V}C$ :

Предлогъ ē || e: ē-dīco ..., ē-gēro ..., ē-lābor ..., ē-rumpo, ējicio ....

Въ корняхъ: lāma, līmus, līmes, līmen ...; vānus, dēnī, dēnārius, plānus, pīnus ....

7)  $\check{V}g$  C ||  $\bar{V}C$ .

Сочетаніе gm часто остается gm, но не рѣдки тоже случаи замѣны его однимъ только m съ удлинениемъ предшествующаго гласнаго. Итакъ,

agmen, segmen, fragmentum, augmentum, tegmen ..., но exāmen, contāmināre, flāmen, jūmentum ....

Слово subtēm восходитъ собственно не къ \*subtegmēn, но къ \*subtexmen.

Причиною такого различнаго развитія группы gm, то въ gm, то въ одно m, является, по всей вѣроятности, большая или меньшая степень живой морфологической дѣлимости слова, равно какъ и болѣе или менѣе живое чутье его этимологической связи съ другими словами. Такъ напр. слово ag-men .... поддерживалось въ своемъ фонетическомъ

составѣ живую связью съ ag-o, ag-ere ..., тогда какъ связь слова exāmen съ тѣми же словами, ag-o, ag-ere ..., была уже давно забыта.

Ÿgl = V̄l: exīlis .... || exīgo, exīguus

Ÿgv = V̄v: māvīs, māvult ....

gj = j: mājor, mājus ..., ājō ..., pūlējum ....

8) Ÿnk C || V̄C: nūdīus, quīnī, quīnārius ....

9) Ÿks (Ÿx) C || V̄C:

xl ⇒ l: āla, māla, pālus, tālus, tēla, subtilis, vēlum ....

### Б. Въ концѣ словъ.

1. ŸC s || V̄C, т. е.

второй согласный, s, по видимому, исчезъ.

Lār, pār .... изъ \*Lars, \*pars .... || pars, mons ....

изъ \*parts, \*monts ....

sāl .... изъ \*sals ....

Какъ видно, всѣ эти слова односложны, и долгота свойственнаго имъ гласнаго можетъ зависѣть отъ совершенно другихъ причинъ, и вовсе не отъ замѣнительнаго растяженія.

2. ŸC C' || V̄C', т. е.

первый согласный исчезъ.

t s || s: ābīēs, ārīēs, pārīēs ....

d s || s: pēs ....

3. ŸC C || V̄C, т. е.

оба согласные одинаковы:

arbōs, Cērēs, pulvīs ....

Здѣсь вмѣсто долгаго согласнаго появился согласный краткій, а вмѣсто краткаго гласнаго — гласный долгій.

## Исключенія.

„Замѣнительное растяженіе“ произошло далеко не во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы бы его ожидали. Гласный остался краткимъ, не смотря на исчезновеніе слѣдовавшаго за нимъ согласнаго, въ такихъ напр. словахъ, какъ:

- 1) *cāmēna* ..., *corpulentus*, *sempiternus* ...; въ концѣ перваго члена сложенія: *lapicida*, *homicida* ...;
- 2) въ конечномъ слогѣ безъ ударенія: *milēs*, *compōs*, *obsēs* ...; *vidēn*, *satīn* ...;
- 3) въ односложныхъ съ удареніемъ: *cōr*, *fēl*, *ōs* ... (все существительныя средн. р.)...
- 4) *stimulus* ....

На ряду съ „замѣнительнымъ растяженіемъ“ гласныхъ слѣдуетъ принять тоже „замѣнительное растяженіе“ согласныхъ, ибо такъ наз. „удвоеніе“ согласныхъ есть не что иное, какъ ихъ удлиненіе или растяженіе.

*reddo*, *redduco* .... || *rēdux* ....

*reccido*, *receptus* .... || *rēcido* ....

*flamma* ....

*effari* ..., *effero* ....

См. вообще главу 8 ю, стр. 158—161.

## II. Удлиненіе гласныхъ въ замѣнъ за исчезновеніе другихъ гласныхъ. Стяженіе (*Contractio*).

1. Оба гласные одинаковы.

oo = ō: *prōles*, *cōpīa*, *coperiunt*, *coptato*, *cors* изъ *cohors*, *quorsum* изъ *quovorsum* ....

ee = ē: *dērunt* изъ *deerunt* ..., *nēmo*, *vēmens*, *vēmenter* ... изъ *ne-hemo*, *vehemens* ...

ii = ī: *consilī*, *filī* ..., *dīs*, *īsdem*, *nīl*, *mī* ... изъ *nihil*, *mīhi* ..., *īsti*, *īsse* изъ *ivisti*, *ivisse* ...;

*dītis* изъ *divītis* ..., *sis* изъ *si vis* ...

uu = ū: (во времена Имперіи) *mortūs*, *perpetūs*, *ingēnūs* ....

## 2. Два различные гласные.

o i || ō: cōmo, cōgo, cōgito .... изъ co-imo, co-igo  
(cum ago), co-igito ....

ie = ī: Publī, Cornelī ...., filī ....

e hi || ē: dēbeo, praebeo ....

i ju || ī: bīgae, bīgo, quādrīga ....

o ve || ō: mōtum || mōvēo, nōnāgēnī || novem ....

o ve, vo || ō: prōrsa ....

e vo || ō: nōlo, nōlūi, nolle ...; ср. ne-scio, \*se-luo =  
solvo, \*se-cors = so cors ....

e vo || ū: rūrsum ....

a vi || ā: amāsti ....

o vē || ō: nōrunt ....

## Глава 17. Чередованіе гласныхъ подъ влияніемъ по- ложения въ словѣ. Различіе середины и конца слова.

### 1. Ослабленіе внятности гласныхъ въ конечныхъ словахъ.

Смѣшеніе е съ і въ конечныхъ словахъ.

Въ народной латыни съ 3-го стол. н. Р. X. е вм. im:  
Tebere, sedece .... вм. Teberim, sedecim ....

militare вм. militaris ...

magē, potē .... вм. magis, potis ...

Adverbia : -ti-m || -te-m : praesertim .... || saltem ...

Глагольные формы:

2. s. pass. loquere, amabere ....

Enclitica: ve изъ vis, напр. quibusve ....

3. praes. indic. act. inscribet, quiescet ....

Въ поздней латыни: tibe, sibe, ube, quase, nise ....

## 2. Сокращеніе конечныхъ и вообще послѣднихъ гласныхъ слова.

### а) Сокращеніе конечныхъ гласныхъ.

-о въ спряженіи.

-е въ Ablat. s 3 го склоненія.

mālě, bēně ..., cāvě ..., pūtā ...

### б) Сокращеніе гласныхъ въ конечныхъ словахъ передъ согласными.

Передъ t.

-āt: amāt, cubat, creat, accusat ..., хотя у древнѣйшихъ писателей (Plautus, Ennius, Lucilius ...) и загѣмъ, въ подраженіе имъ, у болѣе позднихъ (Horatius ...) встрѣчаются еще, опредѣлимья размѣромъ стиха, формы съ долгимъ āt: arāt, amāt, manāt, servāt, operāt, erāt, ponebāt, mandabāt, fuāt, praetereāt ...

ēt, ět: (Plautus) iacēt, decēt, lubēt, habēt, egēt, attingēt ..., (Lucretius) fulgēt ..., (Horatius) timēt, ridēt, manēt ..., (Virgilius) vidēt ..., (Ovidius) solēt ...; хотя уже у Плавта имѣются тоже habēt, placēt, solēt, decēt, timēt, lubēt ...

-īt, -īt.

3. s. Praes.: (Plautus) it, adīt ..., (Lucretius) inīt ..., и даже въ 3-мъ спряженіи (Ennius) ponīt, (Plautus) percipīt, (Lucilius) contemnīt, (Virgilius) sinīt, petit, facit ..., (Horatius) legīt, defendit, figit ..., хотя здѣсь i по природѣ короткое и могло сдѣлаться долгимъ только по аналогіи къ 4-му спряженію. — Въ памятникахъ т. наз. „золотого вѣка“ литературы слѣдуетъ предположить въ -i-t чаще всего i короткое.

3. s. Perf.: (древнія написи) fuīt, (Livius Andronicus) docuīt ..., (у другихъ писателей, съ Плавта по Горация, Овидія и Марціалиса) vendidit, vixit, iit, potuit, profuīt, stetīt, despexit, enituīt, petiīt, subiit, pergruīt, adiit, domuīt ... Сокращеніе въ ī произошло здѣсь только послѣ того, когда сократилось i въ ī въ

praesens; тогда встрѣчаетъ perf. dēdīt и т. п. Приблизительно то же замѣчается и въ другихъ глагольных формахъ.

#### Передъ s.

-ī-s, -ī-s. У одного и того же, напр. у Горация, рядомъ съ fuerīs, dederīs, audierīs ... встрѣчаемъ dixerīs, accerērīs, coeperīs ...

-ūs произошло изъ -ūs въ Dat., Abl. pl. -bus и въ 1. pl. act. -mus. Не только у старинныхъ писателей (Naevius, Plautus, Lucilius), но и у болѣе позднихъ (Virgilius, Ovidius) встрѣчаемъ еще capitibūs, omnibūs, aedibūs, pectoribūs ..., venimūs, iacimūs, fatigamūs, negabamūs ...; между тѣмъ какъ нормальныя формы этихъ суффиксовъ-окончаній въ классической латыни были -būs, -mūs.

#### Передъ r.

-ār, ēr, ōr, ūr ⇒ ār, ēr ōr, ūr въ формахъ глагольных и именныхъ: 1. s. Praes. Conj. pass. (loquār ... || loquār ...), Nom. sing. (calcār, exemplār ...), 1 s. Conj. praes. pass. (amēr ...), Imperf. Conj. pass. (amarēr, monerēr ...), 1. s. praes. et fut. ind. pass. (fateōr, sequōr, arbitrōr ..., fatebōr ... || fateōr, sequōr, arbitrōr ..., fatebōr ...), Nom. s. -tor (-sor) (imperator, uxor, praepceptor; у Плавта долгое -tōr, -sōr), -or изъ -os- въ substant. и comparat. (labōr, arbōr ..., longiōr, stultiōr ... || (Ennius, Plautus) clamōr ..., longiōr, stultiōr ...).

#### Передъ l.

-āl ⇒ āl въ Nom. s. основъ средн. рода: animāl, tribūnāl ... || -āl- въ другихъ падежахъ.

#### Передъ m.

-ām, -ēm, -īm, -ōm, -ūm ⇒ -ām, -ēm, -īm, -ōm, -ūm во флексіи глагольной и именной. Сюда относятся

Ass. s. основъ на -ā и -ē: filiām, speciēm ... || ē въ другихъ падежахъ.

Gen. pl. -um основъ на -i, на -u и на согласные: ci-vium, patrūm, inaniūm....

1. s. всѣхъ формъ глагольныхъ съ m: quiescām, effodiebām ....

Общій ходъ развитія всѣхъ этихъ сокращеній былъ вѣроятно слѣдующій:

Долгій первоначально гласный измѣнился вѣроятно прежде всего въ обоудный (anceps), т. е. могъ быть или долгимъ или краткимъ, и наконецъ, онъ сталъ рѣшительно, исключительно краткимъ:

longa → anceps → brevis.

## ГЛАВА 18. ЧЕРЕДОВАНИЕ ГЛАСНЫХЪ ПО ШИРИНѢ РАСТВОРА РТА ВЪ СВЯЗИ СЪ ИХЪ МѢСТОМЪ ВЪ СЛОВѢ ОТНОСИТЕЛЬНО СЛОГА УДАРЯЕМАГО.

Этого вопроса касаются, между прочимъ, слѣдующія сочиненія и статьи:

Corss. Ausspr.<sup>2</sup> II. 1—60, 255—334, 396—435.

Georg Curtius: Das dreisilbengesetz der griechischen und lateinischen betonung. (KZ. IX. 1860, 321—338).—Взглядъ устарѣлый.

H. Ebel: Zur lateinischen lautlehre. 1) ě und i. (KZ. V. 1856, 181—193).

G. E. Erdenberger: De vocalibus in altera compositarum vocum latinarum parte attenuatis. Diss. inaug. Lipsiae 1883.—Ничего существенно новаго.

F. Hartmann: Ein merkwürdiger fall von verbalenklise im lateinischen (KZ. XXVII, 549—558).

—Здѣсь объясняется главнымъ образомъ слово igitur.

Leo Meyer: Zur Lehre vom lateinischen Vocalismus. (Beitr. Bezz. I. 143—162).—Здѣсь имѣется множество примѣровъ, но нѣсколько хаотически расположенныхъ. Собранъ не только весь матеріалъ по данному вопросу, но и кое что лишнее. Выводы тоже не всегда вѣрны.

## I. Индуктивныя сопоставленія и выводы.

## 1. Сопоставимъ:

indiget, indigus, indiges ....	eget, egēre ....,
adimit (dir-, inter-, red-....)	emit,
colligit ..., dīligens ....	legit, legens,
ēnicat (   ēnecat) ....	necat,
apprimit ....	premit,
arrigit ....	regit,
praesicat, dissico ....	secat, seco,
assidet (dē-, per-, pos-....),	sedet,
dēsidem ....	
aspicit, auspicat, auspicor,	specit,
auspicem, haruspicem ....	
abstinet ..., abstinax ....	tenet, tenax;
(Perf.) addidit ....	dedit,
antestitit ....	stetit
.....	.....

Изъ этого сопоставленія получается выводъ:

ě || ' i,

т. е. краткій гласный е, свойственный извѣстной морфемѣ, сохраняется только въ слогѣ ударяемомъ; если же эта морфема въ другихъ этимологически родственныхъ словахъ сочетается съ другими предшествующими ей морфемами, и если, стало-быть, гласному е приходится стоять послѣ ударенія, то тогда мѣсто его занимаетъ краткій гласный i. Иначе:

краткому гласному е въ слогѣ ударяемомъ извѣстнаго слова — въ тожественномъ этимологически мѣстѣ другого однокореннаго слова, но только послѣ слога ударяемаго, соотвѣтствуетъ не е, но краткое i.

## 2. Затѣмъ, сопоставимъ:

abigit (ad-, amb-, ex-, prōd-, trans-, prōsub-, transad- ....), fūmigat ..., clāri-	agit, āgo, agere ....
---	-----------------------



gat ...., inhūmigat ...., rūmigat ...., litigat ...., ābīga, remigem, prōdi- gus ....	
accidit ....	cadit,
accinit ..., cornicinem ..., cuncticinus ..., fidicina ...,	canit, cano, canere ...
accipit (dē-, inter-, con-, ex-, in-, prae-...), anti- cipat, mancipat ..., for- cipem, principem ....	capit, capio, capere ...
occiput, sinciput ..., ancipes (у Плавта) ....	caput,
additus ..., crēditor ...,	datus, dator,
afficit ..., aedificat ..., grā- tificor ..., forficem, arti- ficem ..., beneficus ....	facit, facio, facere ...
difficul (=difficile) ....	facilis
adhibet (co-, in-, prae-, red- ...)	habet,
abjicit = abicit ..., amicit ..., obicem = objicem, subi- cem	jacit, jacio,
allicit	lacit,
displicet	placet,
Juppiter, Diespiter, Marspi- ter	pater,
abripit	rapit,
irritus ....	ratus
absilit	salit,
consipit	sapit,
dēsītum	sātum,
praestitus, institor, anti- stitem ..., dēstinat ....	status, stator, stat, stāre ...
conticet ....	tacet;
(Perf. redupl.)	
a) cecidit, cēcīdī	cadit, cado,
cecinit	canit,

pēpigit  
tetigit  
б) dedit  
stetit

pangit  
tango,  
dat,  
stat.

Изъ этого втораго сопоставленія получается опять выводъ:

ā || ĭ,

т. е. краткому гласному а въ слогѣ ударяемомъ известнаго слова — въ тождественномъ этимологически мѣстѣ другаго однокореннаго слова, но только послѣ слога ударяемаго, соотвѣтствуетъ не а, но краткое ĭ.

## II. Дедуктивныя соображенія и выводы.

### 3. Сопоставимъ:

а) exīmius	ēmo,
colligimus	legimus,
dimidium	medium;
insideo	sēdeo,
conspicio	spēcio, spēcies
contineo	teneo,
remigium	āgo;
б) concilium	cālo,
concīnere	canere,
praecipio, accipere, concipitur	cāpio, cāpere, capitur,
praecipuus	
mancipium	
ancipitem	cāput,
conficio, afficere ... , opificium	fācio, facere,
superficiēs	fācies,
difficilis	fācilis,
inhībeo	hābeo,
illīcio	lācio,
corripio, abripere ...	rāpio, rapere,

(   архаист. <i>su-rupuerit, sub-ruptum, sub-rupere, sur-rupui</i> ..., ср. стр. 193 сл., 224), <i>consilium</i>	 <i>sälío;</i>
в) <i>colligimini</i> .... <i>insidēmus</i> .... <i>contīnēmus</i> ....	 <i>lēgimini,</i> <i>sēdēmus,</i> <i>tēnēmus;</i>
г) <i>inimicus</i> .... <i>adipiscor, -eptus</i> .... <i>cecidisse</i> .... <i>difficiliter, difficultas</i> ....	 <i>āmicus,</i> <i>āpiscor, aptus,</i> <i>cādo,</i> <i>fāciliter, fācultas;</i>
д) <i>infitiāri</i> .... даже	<i>fātēri;</i>
е) <i>inimicissimōrum</i> .... <i>officiōsissimōrum</i> ....	<i>āmicus,</i> <i>fācere.</i>

На основаніи этихъ сопоставленій можно бы на первый взглядъ прийти только къ поверхностному индуктивному выводу, что въ простыхъ безпрефиксальныхъ формахъ глаголовъ и другихъ словъ имѣются въ корнѣ *ĕ*, *ā*, въ сложенияхъ же съ префиксами (представками) или же съ другими основами — *ī*. Но этотъ выводъ, хотя и заключаетъ въ себѣ эмпирической фактъ совпаденія двухъ явленій (сложения и качественного оттѣнка *ī*, въ противоположность простому виду корня въ связи съ *ĕ* и *ā*), все же таки не объясняетъ причины подобнаго различія. Да и причина явленія чисто фонетическаго не можетъ быть первоначально исключительно морфологическою (въ родѣ напр. сложения словъ). Такой морфологическій фактъ долженъ сопровождаться тоже какимъ нибудь особеннымъ фонетическимъ условіемъ.

Если же принять въ соображеніе,

- 1) что простые, безпрефиксальныя *legite, vehitis* .... развились изъ *\*legete, \*vehetis* .... (см. ниже, стр. 220),
- 2) что подвижность латинскаго ударенія не ограничивалась въ прежнія времена „закономъ трехъ слоговъ“,

т. е. что это удареніе не было приковано или къ пред-  
 послѣднему, или же къ третьему съ конца слогу,

3) что въ сложеніяхъ или композитахъ удареніемъ сопро-  
 вождалась первоначально ихъ первая часть (ср. тоже  
 другіе аріоевроп. языки, напр. санскритскій, русскій...),  
 то слѣдуетъ прийти къ заключенію, что во всѣхъ безъ  
 исключенія случаяхъ чередованіе

$$\begin{matrix} \acute{e} \\ \grave{a} \end{matrix} \parallel \begin{matrix} \acute{i} \\ \grave{a} \end{matrix}$$

сводится къ чисто фонетическимъ условіямъ:

$$\begin{matrix} \acute{e} \\ \grave{a} \end{matrix} \parallel \dots \acute{i}$$

точно:  $\begin{matrix} \acute{e} \dots \acute{e} \dots \acute{e} \\ \grave{a} \dots \grave{a} \dots \grave{a} \end{matrix} \parallel \dots \acute{i} \dots \acute{i} \dots \acute{i} \dots$

Послѣ же передвиженія ударенія съ первой части  
 сложенія на третій съ конца слогъ цѣлаго слова, фонети-  
 ческое явленіе, вызванное прежними отношеніями ударенія,  
 осталось, разумеется, безъ измѣненія, какъ вообще послѣд-  
 ствія остаются и послѣ устраненія причинъ вызвавшихъ эти  
 послѣдствія. Ср., между прочимъ, въ русскомъ вызванную  
 вліяніемъ слѣдовавшихъ гласныхъ „мягкость“ согласныхъ или  
 ея дальнѣйшія перерожденія или въ концѣ словъ (кость,  
 бить, путь, ось, мазь...), или же передъ а (мясо,  
 мягкій, рябчикъ, часть...) или о (печь, вель,  
 шель, четко...).

Въ большинствѣ случаевъ можно бы, пожалуй, предпо-  
 ложить „аналогію“ или „морфологическую ассимиляцію“ къ  
 формамъ, сохранившимъ прежнія условія ударенія, „анало-  
 гію“, способствовавшую сохраненію прежняго отношенія

$$\begin{matrix} \acute{e} \\ \grave{a} \end{matrix} \parallel \acute{i}$$

Такъ напримѣръ, коренной гласный  $\acute{i}$  вм.  $\acute{e}$  или  $\grave{a}$  въ  
 словахъ *contineo*, *inhibeo*, *accinere*, *accipere* ... могъ  
 быть поддержанъ уподобляющимъ вліяніемъ такихъ формъ,  
 какъ 2. и 3. sing. и отчасти 3. pl. *contines*, *continet*,  
*continent*, *inhibes*, *accinis*, *accipis* ...

Затѣмъ, colligimus, colligimini, ancipitem, praecipuus, principium, cecidisse ... могли сохраниться подъ вліяніемъ формъ colligo, colligis ..., occiput, praecipis, principis, cecidit, cecidi ....

Но въ difficilis, въ различіи отъ facilis, невозможно уже, кажется, принимать дѣйствіе „аналогіи“ другихъ формъ той же основы, и остается только предположить чередованіе, вызванное древними отношеніями ударенія. Стало-быть, слѣдуетъ предположить одинъ только исторически-фонетическій процессъ

\*ādīpīsci, \*āncīpitem, \*difficilis, \*īnfītīārī, \*īnīmīcus,  
\*praēcipio, \*supērficiēs ....

⇒ adipīsci, ancīpitem, difficilis, infītīārī, inīmīcus,  
praecipio, superficiēs ....

Затѣмъ, само собою разумѣется, что отъ словъ, въ которыхъ развилось *i*, какъ ослабленіе неударяемыхъ *ě* или *ā*, могли образоваться производныя въ родѣ

inīmīcissimōrum, officiōsissimōrum ....

Такимъ образомъ мы получаемъ первый дедуктивный выводъ, касающійся перенесенія ударенія, вызвавшего ослабленіе гласнаго, съ предлога и вообще съ первой части сложенія, въ силу „закона трехъ слоговъ“, на гласный суженный (praecipuus ...), или даже послѣ него, еще ближе къ концу слова (inīmīcus ...)

4. Другіе дедуктивные выводы получаются черезъ слѣдующія сопоставленія:

а) dē hābeo || débeo ⇐ \*dēibeo ⇐ \*dēhibeo,  
prae hābeo || praébeo = \*prēibeo = \*praehibeo,  
eo ago || cōgo = \*cōigo ...

Ср. выше, стр. 210.

caveo || cautus = \*cāvitus,

no moveo || mōtus = \*mōvitus,

ср. bōbus, būbus, bōs ....

б) per rego || pergo = \*pérrigo ....

в) tēla = \*texla || subtilis || \*subtixlis,

ex ago || exigo ..., exilis = \*exiglis = \*exigilis ....

5. Дедуктивные выводы, получаемые черезъ сравненіе съ родственными этимологически словами языка греческаго и другихъ аrioевропейскихъ:

а) Въ виду греческаго *ἄνεμος* ... имѣемъ право предполагать, что *anima*, *animus*, *animal*, *animus*, *animans* ... развились изъ \**ānema*, \**ānēmus* ...

Въ виду греческаго *πέδον* (почва, грунтъ), выводимъ лат. *opridum* изъ \**oppedum*,

въ виду же санскритскаго *damana-* (покоряющій, превозмогающій, „domitor“) — лат. *dominus* изъ \**domenos*.

Греческія *οἰοπόλεων*, *οἰοπόλος*, *αἰπόλος* рядомъ съ *πέλω* ..., равно какъ и словинское *peljati* и даже лат. *pel-lo* ... позволяютъ намъ латинское же *ōpilio* или *ūpilio* (овчарь, овечій пастухъ) выводить изъ \**ōpēlio* = \**ovipelio* ...

б) Что *legimini*, *legis*, *legit*, *legitis*, *legite*, *legito*, *legitur*, *legitor* ..., *vehit*, *vehitis* ... произошли изъ \**legemēni*, \**leges* ..., \**legeto* ..., \**vehet*, \**vehetes* ..., на это наводятъ греч. *λέγομενοι*, \**λεγεσι*, *λέγετε*, *λεγε*, *λεγέτω* ..., слав. *везеть*, *везете* ...

в) Сравнимъ тоже *legimus*, *dīcimus*, *inquimus* ..., *legimur* ..., *amābimus* ..., съ одной стороны, съ *volumus*, *quaesumus*, *possumus* ..., съ другой же, съ греч. *λέγομεν*, *φέρομεν*, *τίθεμεν*, *δείζομεν* ...

г) Затѣмъ, сравнимъ *annōtinus*, *crastinus*, *diūtinus*, *pristinus* ...

съ санскр. *nūtana* (теперешній, везанный), *prātana* (прежній, древній), *śvāstana* (завтрашній), *hyāstana* (вчерашній) ...

*citimus*, *extimus*, *dextimus* (= *citimus*, *extimus*, *dextimus*), *ultimus*, *infimus* (|| *infumus*), *intimus* ...

съ санскр. *adhamaś* (самый низкій, нижайшій), *āntamas* (ближайшій) ...

суффиксъ *-timus* ... въ *lēgitimus*, *maritimus* (|| *maritimus*), *vicēsimus*, *trīcēsimus* ..., *proximus*, *maximus* (|| *maximus*), *dulcissimus*, *celerrimus*, *simillimus* ...

съ санскр. суф. -tama- въ maháttamas (очень большой),  
dyumáttamas (самый блестящій), purútama- (очень  
много) ....

### III. Вліяніе разныхъ согласныхъ, нарушающее выше ука- занное чередованіе гласныхъ

ě, ā || ' i.

Ср. выше, глава 13 , стр. 193—197.

#### 1. Вліяніе согласнаго h.

věho, věhit .... || ad-věho, ā-věhit ...., а не \*ad-viho,  
\*ā-vihit  
trāho, trāhit .... || con-trāho ...., at-trāhit ...., а не  
\*contriho, \*attrihit ....

„Согласный“ h есть собственно „глухой гласный“, vi-  
sarga-, придыханіе, т. е. перерывъ дрожанія голосовыхъ  
связокъ, съ сохраненіемъ раствора рта, свойственнаго пред-  
шествующему гласному, такъ что въ ěh, āh можно видѣть  
сочетаніе звонкаго гласнаго ě или ā съ тождественнымъ по  
раствору „гласнымъ“ глухимъ,

звонкое ě + глухое ě,  
„ ā + „ ā,

а такія сочетанія можно считать, по количеству, эквивален-  
тами долгихъ ē и ā. Долгія же ē и ā не были вовсе под-  
вержены подобному измѣненію въ i.

#### 2. Вліяніе согласнаго v.

levat ....	ē-lēvat ...., не *ēlivat ....
gravis, lavat, cavus,	in-gravat, prae-gravat ....
cavat, pavet, avus	ē-lavat ...., con-cavat ....
....	ex-pāvet ...., ab-āvus ....
....	а не *ingrivat ...., *ēlivat,
....	*conciwat, *expivet, *abi-
....	vus ....

Ср. тоже novus, vomo, dūco ...; см. выше, стр. 194—195.

Согласный *v* никогда не сопровождается „ослабленіемъ“ предшествующаго ему гласнаго; напротивъ того, передъ *v* имѣемъ обыкновенно „усиленіе“ гласнаго.

3. Вліяніемъ согласнаго *g* обусловливается появленіе гласнаго *ĕ* въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, согласно выше изложенному, ожидаемъ гласнаго *i*:

*ĕ* *g* || *i* *g* || *ĕr*.

Здѣсь различаемъ слѣдующіе частные случаи:

1) *g* первичное или, по крайней мѣрѣ, *g*, для котораго нельзя указать другаго источника.

*ĕ* *g* || *i* *g* || *ĕr*:

*affĕro*, *signiferum* ..., *commĕret*, *dĕmĕret* ..., *conserit* ..., *atterit*, *ferriferum* ...

а не *\*affiro*, *\*signifirum*, *\*commiret* ..., *\*consirit*, *\*attirit*, *\*ferrifirum* ...

|| *fero* ..., *mĕret*, *serit*, *terit*, *terere* ...;

*aggerem*, *anserem*, *mulierem*, *piperis*, *cadaveris*, *papaveris*, *iteris* (старинное вм. *itineris*), *celerem*, *pauperem*, *ūberem* ..., *generum*, *socerum*, *vesperum* ..., *puerum* ..., *numerus*, *umerus*, *uterus* ..., *jūgerum* ..., *asperum*, *miserum*, *liberum*, *tenerum* ..., *dexterum*, *iterum*, *posterum* ..., *hederam*, *litteram*, *cameram* ..., *cumerum*, *adulterum* ..., *Tiberim* ..., *temere* ..., *aggerat*, *asperat*, *liberat*, *verberat*, *celerat*, *numerat*, *recuperat* ..., *miseret* ..., *interim* ...;

а не *\*aggirem*, *\*ansirem*, *\*muliirem*, *\*pipiris*, *\*cadaviris* ..., *\*celirem* ..., *\*genirum* ..., *\*puirum* ..., *\*numirus* ..., *\*jūgirum* ..., *\*hediram* ..., *\*cumirum* ..., *\*Tibirum* ..., *\*temire* ..., *\*aggirat* ..., *\*misiret* ..., *\*intirim* ...

*ĭ* *g* | *i* *r* || *ĕr*:

*imperat*, *vituperat* ..., *aperio*, *operio* ..., а не *\*impi-rat* ..., *\*apirio* ... || *pārat*, *pārio* ...;



— 0578679 —



Perfectum: p̄p̄r̄ī ... || parere || c̄c̄idī ...;  
 p̄uerpera, v̄iperā (? = \*viviperā, v̄ivus + pario) ...,  
 а не \*p̄uerp̄ira ... || p̄ario, p̄arere ...;  
 n̄iper, n̄iperus ..., не \*n̄ip̄irus ...

2) r, происшедшее изъ s (см. выше, глава 12, стр. 182—189).

ĕ r || ĭ r || ěr.

conquerī ..., poteram ..., Cererem, p̄berem ..., foederis, generis ..., Venerem, veterem ..., op̄eram ..., veterat, generat, m̄nerat, ponderat, considerat ..., venerat, tolerat, moderat ..., operor, veneror, moderor ..., ḡn̄er̄atim ..., Imperat. pass. legere, ūtere ..., 2. s. pass. legeris, d̄iceris, caperis, scriberis ..., am̄beris ..., Infinit.: legere, dicere, capere ..., Condition.: legerem, legerēs, legeret ..., Plusquamperf.: l̄egeram, legeras ..., Perf. optat.: l̄egerim ..., Perf. futuri: ōderunt, locāverunt ...

а не \*conquirī, \*potiram ..., \*Cerirem ..., \*foediris ..., \*Venirem ..., \*opiram ..., \*vetirat ..., \*opiror ..., \*geniratum ..., \*legire ..., \*legiris ..., \*legirem ...

ā r || ĭ r || ěr:

addere, ēdere ..., не \*addire ... || dare ...

3) Ср. тоже первоначальное -ĭr- (= -is-), перешедшее въ -ěr-: cinerem, cucinerem, v̄omerem ... || cinis, cucumis, v̄omis или v̄omer ...

4. Влїяніемъ согласнаго l объясняется -ul- вм. ожидаемаго -il-:

i l || ūl.

(Ср. выше, стр. 197).

Ср. Gustaf Eschmann: Consulere, consul, exsul, praesul (KZ. XIII 106—112).

Сюда относятся сложения въ родѣ

consulo, exsulat, abstulat, opitulor ..., а не \*consilo, \*abstilat, \*opitilor ...

Что же касается *facultas, desultum, insultare, insulsus, sepulcrum ...*, то ср. тоже ниже, стр. 226—228, гдѣ говорится о вліяніи положенія въ закрытомъ слогѣ.

Ср. L. Meyer, «Beitr. Bezz. I. 155—156».

Въ сочетаніи *li l* было вѣроятно „мягкое“ и поэтому передъ нимъ нѣтъ *u*, но *i*, совместно *-ili-*, не *-uli-*:

*absilit, assilit, prōsilit ... || salit,*

*consilium* вм. *\*consūlium, exsilium ... || consul,*

*consulo ... || sal,*

*facilis ... || facul,*

*familia ... || famulus ...*

Ср. Corssen „KZ. V. 448—449“.

### 5. Вліяніе согласныхъ губныхъ.

а В || ѵ В.

Напр. *oc-sūpo, contūbernālis ...*, не *\*occipo, \*contibernalis ... || cāpio, tāberna ...*

Поздне-латинскія *dissipat ...*, *mancipem ...*, *abriperere, deripere, surripere ...* появились вѣроятно вслѣдствіе морфологической ассимиляціи къ цѣлому типу подобныхъ словъ или же къ словамъ родственнымъ съ кореннымъ гласнымъ *i*, гдѣ этотъ гласный развился путемъ чисто фонетическимъ. Раньше же вм. этихъ формъ употреблялись *dissipat ...*, *mancipem ...*, *dēripere, subrupere, subruptum, surrupui ... || car-, gar- ...*

Объ окончаніи, писавшемся то *-umus*, то *-imus*, напр.

или *extumus, maritumus, optumus, minumus, decumus, septumus ...*,

или же *extimus, maritimus, optimus, minimus, decimus, septimus ...*,

и вѣроятно произносившемся съ гласнымъ, среднимъ между *u* и *i* ( $\frac{u+i}{2}$ ), что - то въ родѣ *ū*), см. стр. 32, 107—110.

6) Вліяніе согласнаго q ( $k^u$ ).

qā (quā) || cu (qu)  
 concutere ..., incutiens, percussio ..., не \*concutere  
 или \*conquiterere .... || quātere ....

IV. Аккомодирующее, «уподобляющее» или «расподобляющее» вліяніе извѣстныхъ гласныхъ, нарушающее выше указанное чередованіе гласныхъ

ē || ĩ  
 ā || ĩ

Ср. выше, стр. 202—203.

Сюда относятся

1) такіе случаи „уподобленія“, какъ  
 pāĕo, habĕo, monĕo, āĕo (или haveo), praebĕo,  
 placĕo ... а не \*pario, \*avio ... || habitus, monitus ...,  
 avidus, praebitum, placitum ...,  
 гдѣ, стало-быть, ĩo = ēo;

2) такіе случаи „расподобленія“ (диссимиляціи), какъ  
 arĕtis, abietis ..., piĕtas, societas, anxietas, satietas,  
 ebrietas ..., hietare, variegare ...,  
 а не \*ariitis ..., \*piitas ..., \*hiitare ..., на подобіе  
 equitis, limitis, gurgitis ..., veritas, dignitas,  
 auctoritas ..., clāmitāre, levigare, clarigare ...,  
 гдѣ ĩ = ĩĕ;

или же какъ

convĕnio, collĕgium ..., dĕfĕtĭgo ..., dĕpĕciscor ...,  
 genĕtrix (|| gĕnitor) ..., perpeti ..., ingrĕdi, pro-  
 grĕdiar, regrĕdiar ..., а не \*convinio, \*colligium ...,  
 \*defitigo ..., genitrix \*), ..., \*perpiti ..., \*ingridi,  
 \*progridior ...,  
 гдѣ ĩ ... ĩ = ĕ ... ĩ.

\*) Форма genitrix появилась поздне, вѣроятно подъ вліяніемъ аналогіи къ genitor.

V. Вліяніе положенія въ закрытомъ слогѣ, т. е. вліяніе поствокальныхъ консонантовъ (согласныхъ).

1. Въ серединѣ слова, т. е. въ среднихъ, не конечныхъ слогахъ.

Рядомъ съ

accipio, corrumpo, conficio, perficio, allicit ...

имѣемъ не

\*acciptus, \*corruptus, \*confictus, \*allicitum ...;

но, благодаря положенію въ закрытомъ слогѣ,

acceptus, correptus, confectus, perfectus, allectum ...

Затѣмъ, имѣемъ не \*de-trictare, но

detrectare || de tractare ...;

не \*repipidi, но rependi || pendeo, pendo ...;

не \*incindo ..., но

incendo, concentum, ascendere ... || cando, accanto,

scandere ...;

не \*fefilli ..., но fefelli ... || fallo, falsum ...;

не \*agintis, \*labintia ..., \*asillus ..., \*fēmilla ..., но

agentis, labentia ..., asellus, gemellus ..., fēmella ...

pāgella ...

|| agitat ..., asinus, geminus ..., femina, pagina ...

2. Въ конечныхъ слогахъ:

auspex, haruspex ..., princeps, anceps ..., rēmex ...

artifex, aurifex, signifex, opifex, carnifex ..., objex

= ōbex, subjex = sūbex ..., dēses, obses ..., anti-

stes ..., cornicen, fidicen ..., agens ..., caelebs ...,

apex, caudex, cōdex, cīmex, cortex, culex, mūrex,

pōdex, pollex, vertex, vītex ..., comes ..., āles,

caespes, dives, eques, hospes, pedes, miles ...,

dives ..., flāmen, glūten, inguen, unguen, pollen,

sanguen, pecten, termen ..., nōmen, fulmen, sē-

men ..., nōvem, decem, septem \*)....

\*) Строго говоря, такія слова какъ nomen, fulmen, semen ..., novem, decem, septem ..., сюда не относятся, такъ какъ ихъ конечныя en, em развились изъ древняго общеевропейскаго носоваго сонанта ŋ или m.

|| *auspicem ... principem, ancipes, ancipitis ...; rē-  
migem ... artificem, significo ...; obicem или  
objicem ...; dēsidem ...; antistitem ...; cornici-  
nis ...; agitat ...; caelibem ...; apicem ...; comi-  
tis ...; ālitis ...; divitis ...; flāminem ...; nōmi-  
nis ...; decimus, septimus ...*

Латинское *i*, восходящее къ первоначальному *i*, не подвергается этому вліянію закрытаго слога и остается *i*. Поэтому имѣются

*appendix, cālix, fornix, vārix ...; rādix ...; avis,  
vestis ...; dulcis, suāvis, tālis ...; magis ...; tus-  
sim, turrim ...; а не  
\*appendex, \*rādex ..., \*aves ..., \*dulces ..., \*ma-  
ges ...*

Если же вмѣсто ожидаемыхъ *\*jūdex, \*index, \*vindix ...* имѣются

*jūdex, index, vindex ... || jūdicem ...;*

такъ это произошло вѣроятно вслѣдствіе морфологи-  
ческаго уподобленія къ преобладающему типу склоненія  
*caudex. codex. podex ...; auspex ...; hospes ...*

|| *caudicis, codicis ...; auspiciis ...; hospitis ...*

Труднѣе объяснить, почему остается *i*, восходящее къ  
прежнему *e*, въ конечныхъ закрытыхъ слогахъ окончаній  
склоненія и спряженія, какъ то въ

*Gen. s. -is : hominis, nōminis, patris, vocis ...; ma-  
ris, pontis ...;*

*2. 3. sing. -is, -it : legis, cadis, agis ...; legit, ca-  
dit, agit ...*

и т. д.

Въ этихъ случаяхъ слѣдуетъ, по всей вѣроятности, до-  
пустить дѣйствіе морфологической ассимиляціи или „анало-  
гій“ къ другимъ флексивнымъ типамъ.

Примѣчаніе 1. Въ такихъ словахъ, какъ

*inermis, imberbis ...; coercere, exercitus ...; repérci,  
[изъ прежняго \*réperci] ...; expers, iners ...*

|| *arma, barba ...; arcere ...; parco ...; pars, ars ...;*

имѣется *er*, не *ir*, благодаря совокупному дѣйствию двухъ факторовъ: вліянію слѣдующаго согласнаго *r* (см. стр. 222—223) и положенію въ закрытомъ слогѣ (см. стр. 226—227). Появленію же *e*, не *i*, въ словѣ

*bi-ennis* .... || *annus*

овок С . I

способствовали два условія: диссимиляція съ обоими гласными *i*, какъ въ предшествующемъ, такъ и въ слѣдующемъ слогѣ (стр. 225), и, затѣмъ, тоже положеніе въ закрытомъ слогѣ.

Примѣчаніе 2. Только что изложенному дѣйствию закрытаго слога на развитіе гласнаго *e*, не *i*, изъ первоначально неудареннаго гласнаго *e* или *a* противодѣйствуетъ нахождение въ концѣ этого закрытаго слога согласнаго заднеязычнаго *n*. При этомъ условіи встрѣчаемъ и въ закрытомъ слогѣ *i*, не *e*, напр.

*compingo* ..., *atingo*, *contingo* ..., *confringo*, *effringo* ..

|| *rango* ..., *tango* .., *frango* ... (ср. стр. 197).

Если же имѣется тоже *orango*, такъ его слѣдуетъ считать новобразованіемъ, возникшимъ изъ элементовъ *ob* и *rango* въ то время, когда измѣненіе *a* и *e* въ *i* или *e* принадлежало уже только давно минувшимъ періодамъ развитія языка и не могло уже вновь повторяться.

Ср. тоже

*cicindela* (ивановъ червячокъ) || *incendere* ... || *candēla*,  
*candēo*, *candēre* ...

*pectunculus* || *pecten* ....

## VI. Вліяніе положенія въ концѣ слова

проявилось въ

*marē*, не *\*marī*,

*lege*, *legere* ... || *legitis* ... (см. выше, стр. 210),

въ частицѣ-энклитикѣ *-que*,

въ *quinque* ..., *unde*, *inde* ..., *hīce*, *haecē*, *hōce*,

*hūce* ..., *\*nūnce*, *sicce* ...

|| *undique*, (*indidem* ...), *hīcine*, *haecine*, *hōcine*,

*hūcine* ..., *nūcine*, *siccine* ...

VII. Мнимыя исключенія изъ выше изложенныхъ «звуковыхъ законовъ». Сохраненіе кореннаго гласнаго даже во вступной части сложенія.

1. Слово

sat-āgo, не \*sat-igo || āgo ... не есть настоящее сложеніе (compositum), а только простое сопоставленіе, слитіе (juxtapositio), такъ что обѣ части сохраняли свойственное имъ удареніе, т. е. оба а, и въ sat и въ ago, произносились съ удареніемъ.

Точно такъ же patēficere, не \*pateficere, представляетъ собственно сочетаніе двухъ словъ съ двумя отдѣльными удареніями.

Сюда же относятся вѣроятно centimanus, centipeda, не \*centiminus, \*centipidem ...

2. Только что мы привели слово oppingo, не \*oppingo, считая его новообразованіемъ (стр. 228). Точно такими же новообразованіями, составляющими новый слой сложеній (композитовъ), сложеній, или обновленныхъ или же вновь созданныхъ, уже по совершеніи и окончательномъ завершеніи выше разобраннаго процесса ослабленія ě и ā въ слогахъ послѣ ударенія,

$\left. \begin{array}{l} \text{ě} \\ \text{ā} \end{array} \right\} \Rightarrow \text{I,}$

и вмѣстѣ съ тѣмъ по измѣненіи отношеній ударенія и его закрѣпленіи за тремя послѣдними слогами, точно такими же новообразованіями, повторяю, являются слова въ родѣ de-tēgo, sepelit, congelat, ēgelat ..., interemat, intellegere, competere ...;

de-fatigare, prae parare, circumarat ..., rēgrādātus ..., prōpalat ..., con-sacrare, de tractare ..., re-manere ..., ad-iacere, convalescere, redarguere ..., concari ..., compactus, con-tactus (отъ tango, тогда какъ contectus отъ tēgo) ..., aequivalet, concalet ..., prae-jacere, compati, praestaturus, bicapite ...

О влияніи h (abstraho, contraho ...) и о влияніи v (atavus ...) см. стр. 221.

**МЕТОДИКА РУССКАГО ЯЗЫКА.****ПРЕДИСЛОВІЕ.**

Приступая къ печатанію методики русскаго языка по нашему взгляду, для 1 класса гимназіи, мы считаемъ нужнымъ высказать слѣдующія соображенія, какъ вести дѣло преподаванія русскаго языка.

Предполагается, что ученики этого класса уже имѣютъ значительныя свѣдѣнія по грамматикѣ: они должны знать члены предложенія, части рѣчи, склоненія и спряженія, что даетъ возможность учителю латинскаго языка безъ особыхъ затрудненій начать свои занятія; а русскій языкъ получаетъ самостоятельность, преслѣдуя свои, главнымъ образомъ, воспитательныя цѣли.

Въ своей „Методикѣ“ я стараюсь дать, возможно, большую разработку каждой статьи, чтобы у преподавателя былъ выборъ; но при искусствѣ преподавателя, при счастливомъ составѣ класса, при хорошей предварительной подготовкѣ есть возможность овладѣть всѣмъ даннымъ матеріаломъ. Въ виду обилія матеріала, сообщаемого при разработкѣ статей, я думаю—32-хъ статей, предложенныхъ въ этомъ выпускѣ, вполне достаточно для 1-го класса, особенно, если принять въ расчетъ, что ученики должны имѣть еще домашнее, самостоятельное, чтеніе, къ которому хрестоматія только готовится.

Многіе, безъ сомнѣнія, не согласятся съ порядкомъ сообщенія свѣдѣній, принятымъ мною; но сущность не въ немъ, а въ методѣ и пріемахъ, развивающихъ умственно, и особенно въ принципѣ—съ самыхъ первыхъ классовъ заниматься собственно языкомъ и литературою, какъ предметомъ, имѣющимъ громадное вліяніе на нравственное развитіе.

Методъ и пріемы сначала вездѣ обозначены, а потомъ эти указанія встрѣчаются рѣже. Тотъ, кто вздумаетъ слѣдовать рабски данной „Методикѣ“, ошибется, обезцвѣтитъ



свое дѣло: малѣйшее недоразумѣніе, вопросъ ученика, какая-нибудь выходка, самое ничтожное обстоятельство необходимо вліяютъ на веденіе урока при живомъ отношеніи къ дѣлу. Пусть каждый преподаватель изъ моего многолѣтняго усиленнаго труда извлечетъ все доброе, и ведетъ дѣло свободно, самостоятельно, тѣмъ болѣе, что въ моемъ трудѣ найдется кое-что и кабинетное, до чего я дошелъ теоретически. Примѣненіе, напр., къ жизни учениковъ въ Методикѣ и невозможно сдѣлать вполнѣ жизненнымъ—это скорѣе формула, намекъ. На практикѣ, чтобы примѣненіе сдѣлать удачно, нужно уловить какое-нибудь явленіе въ жизни учениковъ въ данный моментъ или, по крайней мѣрѣ, въ недалекомъ прошломъ; къ этому явленію и дѣлается примѣненіе идеи, извлеченной изъ читаемаго сочиненія; если удастся сдѣлать это хорошо, то примѣненіе имѣетъ паразитическое дѣйствіе, тогда оно теряетъ характеръ холоднаго нравоученія. Я увѣренъ, что многіе—противъ всякихъ примѣненій; но примѣненія необходимы. Общее горе у насъ въ томъ, что наши слова часто не ладятъ съ идеями—одно думаемъ, другое говоримъ; еще чаще дѣла расходятся съ идеями и словами: изъ книгъ и разговоровъ мы выносимъ массу прекрасныхъ идей, можемъ говорить съ умиленіемъ и самообольщеніемъ о добродѣтели—и сейчасъ же дѣлать нѣчто, совсѣмъ противоположное нашимъ идеямъ. Такое явленіе происходитъ оттого, что съ дѣтства мы не привыкли ловить себя на отступленіяхъ отъ идей; высокія идеи представляются намъ на недостижимой высотѣ, будто бы для осуществленія ихъ нужна особая обстановка, а наша жизнь съ ея мелочами, будто бы, вовсе не пригодна для осуществленія идей. Мальчику рассказываютъ, напр., что Александръ Македонскій, въ пустынѣ вмѣстѣ съ войскомъ томясь жаждою, не захотѣлъ одинъ пить принесенную ему въ шлемѣ воду и вылилъ. Мальчикъ въ восторгѣ отъ величія Александра; у него мелькаетъ мысль: „на мѣстѣ Александра и я сдѣлалъ бы то же“. Но въ томъ-то и дѣло, что, вѣроятно, ему никогда не придется быть въ положеніи Александра; а вотъ сейчасъ голодный, неимущій ничего мальчикъ попросилъ у него кусочекъ булки изъ его обильнаго запаса и получилъ

грубый отказъ. Очевидно, что мальчикъ и не подозрѣваетъ противорѣчія своего поступка съ идеею, не подозрѣваетъ, что всякое хорошее стремленіе можно осуществить сейчасъ же, что для этого не нужно ждать, пока онъ сдѣлается Александромъ Македонскимъ, не нужно никакихъ декораций. Примѣненіе идей къ будничной жизни ученика необходимо, какъ необходимы практическія занятія, чтобы сдѣлаться техникомъ.

Въ нашей Методицѣ даются краткія, не имѣющія литературнаго достоинства, біографіи авторовъ; онѣ представляютъ только канву, которая будетъ расцвѣчиваться по мѣрѣ изученія сочиненій автора: нужно умѣть каждое вновь прочитанное сочиненіе автора примѣнуть къ біографіи такъ, чтобы оно служило иллюстраціей къ біографіи или привносило нѣчто новое въ нее.

Теоретико-литературныя свѣдѣнія сообщаются отрывочно, по преимуществу, тѣ, которыя могутъ вести къ сознательному анализу языка. Этихъ свѣдѣній дается для 1 класса очень немного.

Процессы мысли при разборѣ названы присвоенными имъ терминами не для учениковъ, а для преподавателей. Конечно, всякій мыслящій человекъ совершаетъ безсознательно тѣ же процессы; но преподаватель долженъ дѣлать это вполнѣ сознательно, долженъ сознательно переводить учениковъ отъ одного процесса къ другому, одну и ту же мысль разрабатывать различными способами. Но есть возможность постепенно, не торопясь, пріучить къ терминамъ и учениковъ сперва хоть наглядно. Въ началѣ Методики эти процессы обозначены вездѣ, а потомъ только иногда дѣлаются указанія на нихъ.

Каждый урокъ долженъ представлять шагъ впередъ, но возвращеніе къ старому обязательно, только это не вездѣ обозначено. Невозможно также вносить и всѣ грамматическія мелочи: на многія изъ нихъ дѣлаются указанія мимоходомъ.

Разныя оговорки и общія указанія печатаются мелкимъ шрифтомъ.

## I. Молитва дитяти (Никитина).

Стихотвореніе это, сравнительно, трудное; но оно напоминает о томъ, съ чего нужно начинать всякое дѣло, напоминает о молитвѣ, указываетъ, къ чему дѣтямъ нужно стремиться («мужай съ лѣтами»), что нужно не растерять, сберечь къ «порѣ позднихъ лѣтъ». Стихотвореніе не покажется труднымъ, если примемъ во вниманіе требованія, предъявляемая поступающимъ въ первый классъ. Объясненія, предлагаемая здѣсь, на практикѣ нѣсколько обширнѣе и доступнѣе по языку: я забочусь о краткости.

1) Сначала учитель самъ читаетъ все стихотвореніе безъ перерыва, чтобы произвести цѣлостное впечатлѣніе и дать образецъ надлежащаго чтенія.

Художественное (артистическое) чтеніе, конечно, можетъ содѣйствовать усиленію впечатлѣнія, придать колоритъ и тѣмъ освѣтить содержаніе, можетъ воспитывать эстетическій вкусъ; но, если учитель, не имѣя артистическаго таланта, будетъ читать «театрально», онъ легко можетъ впасть въ фальшивый тонъ, что послужитъ къ искаженію вкуса. Во избѣжаніе ошибки нужно заботиться о слѣдующемъ: а) слова нужно читать нѣсколько растянуто и послѣ cadaго предложенія дѣлать значительныя паузы, чтобы ученики могли остановить вниманіе на каждомъ словѣ, на каждомъ предложеніи: въ 1-мъ классѣ читается медленнѣе, чѣмъ во 2-мъ, во 2-мъ медленнѣе, чѣмъ въ 3-мъ и т. д. б) при чтеніи главное вниманіе обращается на самое отчетливое произношеніе cadaго звука; в) рѣзко дѣлается логическое и фразное удареніе, т. е. удареніе на цѣлыхъ словахъ и на цѣлыхъ предложеніяхъ; удареніе должно быть серьезно обдуманно заранѣе. Учитель же, непремѣнно желающій прочитать художественно, пусть, чтобы не впасть въ ложный тонъ, старается читать такъ, какъ говоритъ, для чего требуется наблюденіе надъ собой и умѣнье поставить себя въ положеніе изображаемаго лица. Не слѣдуетъ изображать другихъ, а читать, или лучше — го-

ворить отъ себя; тогда чтеніе будетъ согрѣто истиннымъ чувствомъ, чуждо дѣланности, безъ выкрикиваній, что благоприятно отзовется на нравственности учениковъ, потому что въ рѣчи учителя будетъ слышиться правда. Только при такомъ условіи художественное чтеніе въ классѣ умѣстно, иначе оно дѣйствуетъ извращающимъ образомъ, приготавливаетъ лже-актеровъ для сцены и актеровъ для жизни.

2. Анализъ. Послѣ учителя читають ученики по частямъ. По прочтеніи перваго предложенія учитель можетъ остановить ученика и спросить: понятно-ли, что здѣсь сказано?—Понятно, значитъ есть мысль. Читайте вторую мысль, третью.. Такъ читается первая часть стихотворенія, при чемъ объясняются непонятныя слова. Части обозначены въ текстѣ хрестоматіи.

Я теперь думаю, у меня есть мысль въ головѣ; можете ли вы ее угадать? что нужно сдѣлать, чтобы вы узнали мою мысль?—Сказать, написать ее—выразить словами устно или письменно. Какъ же можно передать свою мысль, предложить ее другимъ?—Выразить словами.

Индукція. Мысль, выраженная словами, называется предложениемъ (терминъ всегда выписывается на доскѣ).

Анализъ. При чтеніи слѣдующихъ частей говорится уже такъ: читайте первое предложеніе, второе и т. д. Это можно читать хоромъ по предложеніямъ. Хоромъ можно читать и не по предложеніямъ, смотря по цѣли: а) Для раздѣленія словъ на слоги и для отчетливаго произношенія звуковъ ученики читають по слогамъ подъ тактъ учителя. б) Если учитель имѣетъ въ виду части рѣчи, то заставляетъ выдѣлять, напр., существительныя, прилагательныя и проч. и произносить ихъ хоромъ.

Катехизация. При катехизации полезно ставить почти тождественные вопросы, но въ различной формѣ: какъ называется мысль, выраженная словами? что такое предложеніе? Можетъ-ли предложеніе быть безъ словъ? безъ мысли? что есть въ предложеніи кромѣ словъ? что кромѣ мысли? изъ чего же, изъ какихъ элементовъ образуется предложеніе? что въ немъ внѣшнее, которое можно видѣть или слышать? что—внутреннее?

3. Анализъ. Выбирается для анализа болѣе удобное предложеніе, пишется на доскѣ: „Тебѣ внимаеть Творецъ безчисленныхъ міровъ“. Что говорится въ этомъ предложеніи?—Говорится, что кто-то внимаеть—это сказуемое. Чтобы узнать, о комъ или о чемъ говорится, нужно поставить вопросы: кто? что? (здѣсь слѣдуетъ: кто? потому что внимать можетъ только кто-нибудь). Кто внимаеть?—Творецъ—это подлежащее. Творецъ чего?—Міровъ.—Какихъ міровъ?—Безчисленныхъ.—Кому внимаеть?—Тебѣ.

Индукція. а) Слово, показывающее, что говорится въ предложеніи, называется сказуемымъ.

б) Предметъ, о которомъ говорится въ предложеніи, называется подлежащимъ.

в) Остальные слова, объяснительныя, служатъ для объясненія или подлежащаго, или сказуемаго.

г) Подлежащее, сказуемое и объяснительныя слова называются членами предложенія.

Можно начинать разборъ и съ подлежащаго, что и полезно иногда, но нужно приучить начинать со сказуемаго: а) тогда легче разбирать безличные предложенія; б) легче понять органическую связь всѣхъ членовъ предложенія.

4. Анализъ. „Внимаеть“—означаетъ дѣйствіе, „Творецъ“—предметъ.

Индукція. Слова, означающія дѣйствіе предмета, называются глаголами. Названія предметовъ—имена существительныя. Глаголь и имя существительное—части рѣчи.

Дедукція. Найдите въ прочитанномъ нѣсколько глаголовъ и именъ существительныхъ.

Синтезъ. Скажите отъ себя имя существительное на вопросъ: кто? или—что? Сдѣлайте его подлежащимъ, подбравъ сказуемое—глаголь. Скажите глаголь на вопросъ: что дѣлаеть? сдѣлайте его сказуемымъ, подбравъ подлежащее—имя существительное.

Катехизація. Что такое сказуемое? подлежащее? какъ называется предметъ, о которомъ говорится въ предложеніи? какъ называется слово, показывающее, что го-

ворится въ предложеніи? Какою частію рѣчи выражается подлежащее? сказуемое? Чѣмъ бываетъ въ предложеніи имя существительное? на какой вопросъ тогда оно отвѣчаетъ? чѣмъ бываетъ въ предложеніи глаголъ? Если я скажу просто— „столь“, будетъ ли это подлежащее? сдѣлайте это слово подлежащимъ. Будетъ-ли сказуемое слово „внимать“?

5. Анализъ значенія словъ и выраженій идетъ одновременно съ чтеніемъ по предложеніямъ.

Главныхъ способовъ объясненія непонятнаго два:

а) словесное объясненіе и б) предметное.

а) Словесное объясненіе состоитъ въ подборѣ къ слову или выраженію синонима—это самый простой и потому самый употребительный способъ; вслѣдствіе этого ученики на первомъ же урокѣ узнаютъ, что такое синонимъ. Синонимы подбираются къ тропамъ, къ фигурамъ, къ варваризмамъ, провинціализмамъ, къ литературнымъ словамъ, къ неологизмамъ, архаизмамъ и славянизмамъ. Подспорьемъ къ этому способу, для болѣе глубокаго пониманія языка, служитъ сопоставленіе слова съ другими подобными, т. е. со словами того же корня, и морфологическій разборъ (объясняется значеніе корня, суффикса, флексій и приставки).

б) Предметное объясненіе состоитъ въ раскрытіи содержанія даннаго понятія (опредѣленіе) или объёма (дѣленіе). вмѣсто полнаго опредѣленія на практикѣ чаще бываетъ просто подчиненіе даннаго вида роду или указывается только видовой признакъ. вмѣсто «дѣленія» въ младшихъ классахъ лучше дѣлать указанія на частности: на конкретные предметы и явленія. Иногда дѣлается «описаніе» предмета (краткое) или «расчлененіе», или указывается одинъ—два признака («объясненіе»), и наконецъ можно сдѣлать и «наглядное разъясненіе» (о предметныхъ объясненіяхъ см. въ логикѣ).

а) Что значитъ „внимаетъ“?—Слушаетъ.—„Внимаетъ“ и „слушаетъ“—по звукамъ разныя слова, а означаютъ одно и то-же.

Индукція. Слова однозначачія называются синонимами.

Дедукція. Подобрать синонимы къ словамъ: Творецъ, обитель, надзвѣздная обитель, въ пору позднихъ лѣтъ, очами, свѣтлыми (радостными), Божій свѣтъ.

б) Что это за „безчисленные міры“?—Солнце, луна и звѣзды (расчлененіе).

в) Какъ Богъ отвѣчаетъ на молитву?—Исполняетъ просьбу, посылаетъ радости, просвѣщаетъ умъ, дѣлаетъ насъ добрѣе.

Это объясненіе общаго частнымъ, но здѣсь сказано все-таки общо; на практикѣ должно быть нѣсколько иначе, напр. для тебя урокъ труденъ; въ молитвѣ ты просишь Бога о помощи—и онъ исполняетъ просьбу и т. п.

г) Кто такой Ангель-хранитель?—Къ каждому человѣку приставленъ Ангель, добрый духъ, который оберегаетъ человѣка отъ зла и несчастія, ведетъ человѣка къ добру и счастью (краткое описаніе).

д) „Къ престолу Бога отнесеть“. Что такое престолъ?—Стулъ, на которомъ сидитъ царь (опредѣленіе). Развѣ Богъ сидитъ на престолѣ?—Богъ представленъ похожимъ на человѣка (на царя); представлено, какъ будто Богъ—царь всего міра, подобно земному царю, сидитъ на престолѣ.

е) Что значитъ „мужать“?—Дѣлаться взрослымъ, здоровымъ, сильнымъ не только тѣломъ, но и душою. Кто силенъ душою?—Тотъ, кто уменъ и имѣетъ сильный характеръ. „Сильный характеръ“—объясняется частными случаями проявленія характера, дѣлается примѣненіе къ жизни учениковъ: во время урока хочется поговорить съ товарищемъ, но ты принуждаешь себя заниматься дѣломъ; не хочется идти въ гимназію, а ты все-таки идешь и т. д.

ж) „Мужай съ лѣтами“; здѣсь лѣта вмѣсто годовъ, значитъ: „мужай съ годами“. Названа часть (лѣто) вмѣсто цѣлаго (годъ); почему? тебѣ 12 лѣтъ, а зимъ?

Мы разоблачили метафору (д) и синекдоху (ж), указали явленія, но не назвали ихъ, чтобы не обременять память множествомъ терминовъ сразу: пусть ученики немного присмотрятся къ явленіямъ, а потомъ можно назвать ихъ—тогда усвоеніе терминовъ не будетъ обременительно.

з) Смотрѣть свѣтлыми очами. Кто радуется, кто счастливъ, у того глаза дѣлаются веселыми, „свѣтлыми“. Если будете здоровы, умны, останетесь добрыми, то будете счастливы, будете на все смотрѣть свѣтлыми очами.

Здѣсь разоблачена метонимія: свѣтлые глаза—наружный знакъ радости; термина не дается.

6. Анализъ содержанія. Для первой части ставятся вопросы: Что нужно дѣлать дитяти? будетъ ли польза отъ молитвы? Для второй части: Какъ молитва доходить до Бога? Для третьей части: О чемъ нужно молиться?

Полный пересказъ дѣлается послѣ чтенія ученикомъ всего стихотворенія безъ перерыва.

Для извлеченія существеннаго содержанія ставится вопросъ: Чего желаетъ писатель (авторъ) Никитинъ?—Желаетъ, чтобы дѣти молились (о чемъ?) о томъ, чтобы возмужать и быть счастливыми въ старости.

Авторъ одновременно высказываетъ, по видимому, три отдѣльныя желанія: 1) молись, 2) мужай, 3) смотри въ старости свѣтлыми очами. Является сомнѣнiе, стоятъ-ли они въ такой связи, въ какой они поставлены мною. Трудно предположить, что бы въ поэтическомъ произведеніи авторъ высказалъ три желанія безъ связи—необходимо связь должна быть. Возьмемъ первое желаніе отдѣльно: молись; невольно является вопросъ: о чемъ же молиться? или такъ-себѣ, ни о чемъ? такое наставленіе безъ связи съ дальнѣйшимъ будетъ слишкомъ отвлеченно (слѣдовательно—и не поэтично). Въ свою очередь второе и третье желаніе безъ перваго являются чѣмъ-то страннымъ: «мужай и будь счастливъ»; да развѣ это вполнѣ отъ меня зависитъ? Самъ Никитинъ прибавляетъ: «дай Богъ», значитъ, и по его мнѣнію, это зависитъ отъ помощи Божіей: объ этомъ нужно помолиться.

Простой связный пересказъ представляетъ собою синтезъ; развитіе же рассказа изъ идеи будетъ генезисъ произведенія: является у автора мысль (идея)—это зерно, потомъ мысль облекается образами.

Генезисъ. „Дитя должно молиться о томъ, чтобы



возмужать и быть счастливымъ“—это зерно; далѣе работаетъ воображеніе (фантазія): Ангелъ собираетъ слезы молящагося дитяти и несетъ въ надзвѣздную обитель къ престолу Бога; Богъ внимаетъ и отвѣчаетъ на молитву.

7. Чѣмъ отдѣляется одна часть стихотворенія отъ другой?—Точками.—Части состоятъ изъ предложеній, отдѣляющихся разными знаками; предложенія состоятъ изъ словъ. Читайте каждое слово (можно хоромъ), раздѣляя на части, легко произносимыя.

Индукція. Части слова, легко произносимыя, называются слогами.

Сопоставляются слова съ различнымъ количествомъ слоговъ и говорится (индукція): слова бываютъ односложныя, двусложныя и т. д.

Анализируя звуки, изъ которыхъ составляются слоги, находимъ, что одни изъ нихъ, отдѣльно взятые, произносятся ясно—гласные,—другіе не ясно—согласные; Ъ, Ь, Й отдѣльно не произносятся.

Сопоставимъ: Счастіе—счастье.

Сѣсть—сѣсть.

Мои книги—мой отецъ.

Ъ, Й произносятся какъ сокращенное И, Ъ—какъ короткое О; Ь, Ъ, Й полугласные, Ъ и Ь иначе называютъ просто знаками—твердымъ и мягкимъ.

Старый терминъ для ъ и ь—«полугласные»—я предпочитаю. Полугласность ихъ видна изъ приведенныхъ примѣровъ; она обнаруживается и въ концѣ слова, если далѣе слѣдуетъ слово, начинающееся мягкою гласною («ѣхалъ извощикъ», а не «ѣхал—извощикъ»); наконецъ—этотъ терминъ годится и для славянскихъ ъ и ь, что тоже представляетъ значительное удобство.

На письмѣ звуки выражаются буквами, поэтому можно говорить: буквы бываютъ гласныя, согласныя и полугласныя (метонимія).

При вопросахъ я ставлю предполагаемые отвѣты, которые могутъ и не получиться отъ учениковъ; тогда отъ искусства преподавателя зависитъ измѣнить форму вопроса и разбить его на нѣсколько

второстепенныхъ вопросовъ съ тѣмъ, чтобы привести къ желательному отвѣту. Бываетъ, что учитель повторяетъ все одинъ и тотъ же вопросъ и въ той же формѣ, раздражительно возвышая голосъ и пересыпая вопросы укоризнами за недогадливость,—это, безъ сомнѣнія, не педагогично: причина— не въ ученикѣ, а въ недогадливости учителя, что вопросъ не годится. При недостаткѣ умѣнья навести ученика можетъ отвѣтить и самъ учитель; если это дѣлается изрѣдка, дѣло мало страдаетъ. Желательно, чтобы на вопросы могли отвѣчать и худшіе ученики; немного хуже, если могутъ отвѣчать только средніе ученики; еще хуже, если на всѣ вопросы отвѣчаютъ одни лучшіе ученики; совсѣмъ дурно, когда самъ учитель говоритъ за всѣхъ; а, такъ называемый, акроаматическій способъ съ полны мъ отсутствіемъ вопросовъ совсѣмъ не годится: вопросы должны быть намѣчены, по крайней мѣрѣ, въ началѣ урока и представлять собою программу урока; тогда они выписываются на доску. При искусной постановкѣ вопросовъ ученики могутъ отвѣчать приблизительно на всѣ вопросы, конечно, безъ тѣхъ терминовъ, которые еще не сообщены. «Еслибы, говорить съ нѣкоторымъ преувеличеніемъ Пинеагоръ,—семилѣтняго мальчика стали разумно спрашивать о вопросахъ всей философіи, то онъ могъ бы на все дать отвѣты».

8. Это стихотвореніе ученики выучиваютъ наизусть и переписываютъ въ тетради.

Всю предложенную здѣсь работу продѣлать въ одинъ часъ, конечно, невозможно. Въ виду этого въ первый урокъ можно сдѣлать анализъ выражений; къ слѣдующему уроку ученики выучиваютъ стихотвореніе наизусть, а на урокъ выпрашивается выученное, катехизуется добытое на прошломъ урокъ и продолжается разработка. Къ третьему уроку ученики переписываютъ стихотвореніе въ тетради, а на урокъ начинается разработка слѣдующей статьи. Такимъ образомъ—я полагаю, что двухъ часовъ достаточно для разработки этого стихотво-

ренія; если же и этого недостаточно, то можно еще предложить ученикамъ подчеркнуть подлежащія, напр., одною линією, сказуемыя—двѣма, написать часть стихотворенія съ раздѣленіемъ на елоги, съ подчеркиваніемъ гласныхъ и проч. Кромѣ того за стихотвореніемъ, требующимъ большой разработки, слѣдуетъ легкій рассказъ, для работы надъ которымъ удѣляется очень мало времени: надъ такими рассказами ученики работаютъ почти самостоятельно, а разработка труднаго произведенія можетъ занять часть урока, къ которому ученики приготовляли легкій рассказъ. Дѣлаю это потому, что не могу согласиться съ тѣми педагогами, которые стремятся къ тому, чтобы совсѣмъ не задавать уроковъ на домъ: учащіеся не должны быть постоянно на помочахъ, а должны пріучаться къ самостоятельному труду, только трудъ нужно давать посильный. По моему мнѣнію, ученикъ къ каждому уроку долженъ имѣть работу; отсутствіе работы—педагогическая ошибка. По Стоюнину—нужно давать доброкачественный матеріалъ, на этомъ матеріалѣ развивать душевныя силы и наконецъ—пріучать къ труду. Этотъ взглядъ чуждъ крайностей. Вредно обремененіе знаніями вообще, а тѣмъ болѣе не доброкачественными; вредно и одно формальное развитіе безъ знаній; нужно давать всесторонне развивающія знанія и сообщать ихъ развивающимъ методомъ; не слѣдуетъ обременять учениковъ, но въ то же время нужно пріучать ихъ къ труду—самостоятельному, а также подъ руководствомъ учителя. Чѣмъ болѣе ученикъ можетъ поработать самостоятельно, тѣмъ болѣе получится развитія; но, чтобы развитіе шло правильнымъ путемъ и не было одностороннимъ, чтобы изъ каждой статьи извлекался весь и а д л е ж а щ і й матеріалъ, устанавливался правильный взглядъ, необходимъ трудъ и подъ руководствомъ учителя. На урокъ ученикъ учится работать методически, пріучается къ вниканію въ сущность, а дома работаетъ такъ, какъ научился на урокъ.

## II. Ворона и ракъ (народная сказка).

1. Ученики прочитываютъ дома и пересказываютъ въ классѣ; при пересказѣ отыскиваются два элемента: а) фактъ, замѣченный народомъ, и б) сказочный элементъ, вымыселъ.

2. Дѣлается это такъ: ученикъ говоритъ первое предложеніе — „летѣла ворона по-надъ моремъ“. Могло-ли это случиться? правда-ли это? Такъ дѣлается съ каждымъ предложеніемъ; потомъ ученики излагаютъ дѣйствительныя явленія: ворона могла летѣть надъ моремъ и поймать рака; могла также, сѣвши на вербу, упустить его; да, должно быть, народъ замѣтилъ, что съ вороною это бываетъ чаще, чѣмъ съ кѣмъ-нибудь другимъ: не даромъ вороною называютъ всякаго, кто зазѣвается.

Теперь у народа является вопросъ: отчего ворона уронила рака? — Какъ бываетъ съ людьми, такъ, вѣроятно, случилось и съ вороною: ракъ хвалить сначала братьевъ, сестеръ, мать и отца вороны, наконецъ похвалилъ и ее; ворона обрадовалась, крикнула и уронила рака. Правда-ли это? могъ-ли ракъ разговаривать съ вороною? — Конечно, не могъ; но народъ вѣритъ, что, если теперь животныя не разговариваютъ, то было время, когда они разговаривали и между собой и съ людьми. Весь разговоръ рака съ вороною выдуманъ — это сказочный вымыселъ.

Индукція. Разказы, въ которыхъ есть сказочный вымыселъ, называются сказками; сказки, въ которыхъ говорится о животныхъ, называются сказками о животныхъ.

3. Рассказываетъ сказки простой неграмотный народъ. Есть ли въ сказкахъ правда? что еще есть? Вѣрить-ли народъ вымыслу?

4. Для выясненія художественной стороны сказки (т. е. для выясненія того, что въ ней все на своемъ мѣстѣ, все кстати) предлагаются слѣдующіе вопросы: Не лучше-ли было бы представить, что ворона поймала какую-нибудь рыбку? — Воронѣ трудно это сдѣлать: она слишкомъ неповоротлива, а рыбка увертлива; это могла бы сдѣлать, напр.,

чайка.—Отчего-же вмѣсто вороны не представлена чайка? Чайка очень внимательная птица—она бы не прозѣвала; ворона же прозѣвала: совсѣмъ „ворона“!— Не лучше-ли представить, что ворона поймала какое-нибудь сухопутное животное?—Тогда бы ворона, уронивъ его, могла немедленно опять поймать.—Зачѣмъ ворона представлена на вербѣ надъ моремъ?—Съ вербы ракъ упадаетъ въ воду, иначе ему не спастись бы. Итакъ здѣсь все придумано хорошо, красиво, художественно.

5. Выводъ идеи. О комъ здѣсь говорится? Хорошо-ли поступилъ ракъ?—Онъ льстилъ, защищая свою жизнь отъ сильнаго врага, защищалъ, чѣмъ могъ: сильный защищается силою, слабый—хитростію; каждый имѣетъ право защищать свою жизнь. Кто напослѣдокъ остался въ убыткѣ?—Ворона.—Отчего?—Оттого, что повѣрила лъстеду.—Значить, чего ворона не должна была дѣлать, чтобы не показаться глупою?—Не нужно было вѣрить лъстеду. Это и будетъ идея; она выводится обобщеніемъ (индукціей): вмѣсто „ворона“ поставимъ „всякій“, вмѣсто рака будемъ разумѣть всякаго лъстеца; выйдетъ: всякій, кто слушаетъ лъстеца, попадаетъ впросакъ.

Примѣненіе къ ученической жизни могутъ сдѣлать сами ученики.

### III. Перелетная птичка (Пушкина).

1. Стихотвореніе читается въ классѣ по частямъ, выясняются слова и выраженія.

а) Подбираются синонимы къ словамъ: свиваетъ, встрепенется, знойное; къ славянизмамъ: гласу, внемлетъ; къ архаизму: „красное“ (свѣтлое, огненное). Термины—„славянизмъ“ и „архаизмъ“—сообщаются ученикамъ.

«Красное» я считаю архаизмомъ, потому что въ такомъ смыслѣ это слово теперь уже не употребляется: красное—одного корня съ глаголомъ «крѣсити» (дѣлать—лазять); того же корня слово «искра».

б) „Птичка гласу Бога внемлетъ“. Развѣ Богъ гово-

рить что-нибудь птичкѣ?—Встаетъ солнце (Богъ посылаетъ солнце); этимъ Богъ, какъ будто, говоритъ: „пора вставать“! восходъ солнца—это голосъ Божій: птичка внемлетъ, встрепенется и поетъ.

Здѣсь разоблачена метафора, но терминъ еще не сообщается; указывается только, что восходъ солнца представленъ похожимъ на пробуждающій голосъ Божій. Чѣмъ похожъ?—Будятъ голосомъ, а здѣсь—восходомъ. Послѣ ознакомленія съ явленіемъ легко приспособить къ нему терминъ. Обыкновенно, многіе боятся терминовъ; но для ученика усвоеніе ихъ очень легко; несравненно труднѣе анализъ явленій, обозначаемыхъ ими; между тѣмъ учителю волею—неволею придется считаться съ этою трудностію при объясненіи.

в) Весна названа красой природы, потому что весною все красиво.

Здѣсь дается неточное объясненіе, такое, какое дадутъ и ученики. Этимъ можно и удовлетвориться, такъ какъ здѣсь метониміи, трудно поддающаяся объясненію.

г) Гдѣ находится „синее“ море?—Всякое море называется синимъ по цвѣту.

Здѣсь поставленъ парадоксальный вопросъ для того, чтобы сдѣлать для ученика сознательнымъ то, что ему уже извѣстно, но только вниманіе его остановилось на словѣ, а не на значеніи его: каждый ученикъ бессознательно, механически можетъ къ слову «море» прибавить эпитетъ «синее», ничуть не вдумываясь, что этимъ означается.

д) Гдѣ теплый край?—На югѣ (вызываются свѣдѣнія по географіи—предметное объясненіе).

1. Анализъ содержанія. Какъ живетъ птичка весной и лѣтомъ? чего она не дѣлаетъ и что дѣлаетъ?—Птичка ни о чемъ не заботится, не трудится и т. д.

Синтезъ содержанія первой части. Скажите однимъ словомъ, какъ живетъ птичка.—Беззаботно.—Въ первой части говорится о беззаботности птички (такой синтезъ можно назвать суммированіемъ содержанія).

Анализъ 2-й части. Что слѣдуетъ за весной? за

знойнымъ лѣтомъ? Хорошо-ли людямъ осенью?— „Людямъ скучно, людямъ горе“. — Не ожидаетъ ли и птичку скука и горе? „Птичка въ дальнія страны“ и проч.

Синтезъ. Сказать короче, о чемъ говорится во 2-й части?—Говорится о перелетѣ птицы.

Суммирование содержанія всего стихотворенія. Птичка живетъ беззаботно, на зиму улетаетъ въ теплыя страны.

Полный связный пересказъ тоже представляетъ синтезъ словъ и предложений.

3. Идея. Нравится ли Пушкину жизнь птички?—Замѣтно нравится.—Изъ чего это видно? Здѣсь необходимъ анализъ тона, какимъ рассказываетъ авторъ о птичкѣ: онъ называетъ ее не „птица“, а „птичка“—ласкательно, представляетъ ласкательное „Божія“; жизнь птички представляется веселою: „встрепенется и поетъ“; весела жизнь птички и сравнительно съ жизнью людей: „людямъ скучно“ и т. д.; живетъ птичка согласно съ волею Божіею: птичка гласу Бога внемлетъ“ и проч. Слѣдуетъ ли человѣку жить такъ, какъ птичка, безъ заботы и труда?—Конечно, нѣтъ. Можетъ быть, весело?—Очень скучно. Почему же Пушкину нравится? Должно быть, у Пушкина въ то время было очень много труда, заботы, горя,—ему и захотѣлось пожить поспокойнѣе: желаніе свойственное человѣку, законное.

Обобщеніе. Когда у человѣка много труда, заботъ, горя, ему хочется избавиться ото всего этого.

Примѣненіе. Избавится человѣкъ отъ труда, заботъ—будетъ ли онъ доволенъ?—Нѣтъ, нуженъ новый трудъ, заботы, безъ этого нельзя жить. Кончить человѣкъ свое дѣло—счастливъ; но тотчасъ же, послѣ отдыха, нужно начинать новое, иначе онъ несчастливъ. Вамъ заданы уроки, вы выучили и счастливы, что же, послѣ этого будете весь свой вѣкъ бездѣльничать? вы перешли въ первый классъ—сложите книги? окончите курсъ, что тогда? и т. д.

4. Грамматика. Анализъ. „Птичка Божія не знаетъ ни заботы, ни труда“. Здѣсь слито въ одно два предложенія: а) птичка Божія не знаетъ заботы, б) птичка Божія не знаетъ труда.

Сопоставляя эти предложенія, находимъ, что въ нихъ слова одни и тѣ-же, разница только въ одномъ словѣ.

Индукція. Предложенія, состоящія изъ нѣсколькихъ одинаковыхъ словъ, обыкновенно, соединяются въ одно слитное предложеніе.

Дедукція и анализъ. Разложить на отдѣльные предложенія: „уединеніе и праздность губятъ молодыхъ людей“. — „Въ лѣсу ночной порой и дикій звѣрь, и лютой человѣкъ, и лѣшій бродитъ“. — „Въ комнату шумъ ворвался, и благовѣсть ближняго храма, и говоръ народа, и стукъ колесъ“. — „Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ.“

Дедукція и синтезъ. Соединить въ одно слитное предложеніе: а) подъ окошками ходитъ много старцевъ, б) подъ окошками ходитъ много вдовъ, в) подъ окошками ходитъ много сиротъ.

Анализъ (продолженіе). Въ приведенномъ предложеніи найти подлежащее и сказуемое. Какими частями рѣчи они выражены? Какое объяснительное слово прибавлено къ подлежащему—Божія? оно показываетъ, кака я птичка.

Индукція. а) Слова, показывающія, какой предметъ, называются именами прилагательными.

б) Имена прилагательныя въ предложеніи, будучи объяснительными словами, называются опредѣленіями.

Дедукція. Отыскать въ стихотвореніи всѣ опредѣленія—прилагательныя.

Синтезъ. Сказать предложеніе, въ которомъ бы подлежащимъ было существительное, сказуемымъ—глаголь, при подлежащемъ поставить опредѣленіе—имя прилагательное.

5. Сопоставленіе. Знаю. Знаемъ.

Знаешь. Знаете.

Знаетъ. Знаютъ.

Индукція. Общая часть во всѣхъ этихъ словахъ— „зна“ называется основаніемъ, остальное—окончанія. Это одинъ и тотъ же глаголь, измѣняетъ свое окончаніе.

Синтезъ. Подберите къ даннымъ выше словамъ подлежащія. Къ подлежащимъ: я, ты, онъ, она, оно, мы, вы, они, онѣ—подберите сказуемыя, измѣняя глаголь—„свивать.“

Индукція. а) Измѣняется окончаніе сказуемаго—



глагола, измѣняется и подлежащее. б) Измѣняются подлежащія—измѣняется и окончаніе глагола. в) Измѣненіе окончанія глагола называется спряженіемъ. г) По окончанію глагола можно догадаться о подлежащемъ.

Оконч. ю —подлж.: я. Оконч. емъ—подлж. мы.  
и — ешь — ты. — те — вы.  
— етъ — онъ, она, оно. — ютъ — они, онѣ.

д) Слова: я, ты, онъ, она, оно, мы, вы, они, онѣ — не названія предметовъ, а употребляются только вмѣсто именъ предметовъ—это части рѣчи—мѣстоименіе. Я, мы—1-е лицо; ты, вы—2-е лицо; онъ, она, оно, они, онѣ—3-е лицо. Я, ты, онъ, она, оно—указываютъ на одинъ предметъ—единственное число; мы, вы, они, онѣ—множественное число.

Катехизація. Какіе вамъ извѣстны члены предложенія?—части рѣчи? Что извѣстно о глаголѣ?

6. Раздѣлить (анализъ) слова перваго предложенія на слоги. Сколько въ каждомъ слогѣ гласныхъ? есть-ли слоги безъ гласныхъ? есть ли слоги безъ согласныхъ и полугласныхъ?

Индукція. Въ каждомъ слогѣ не болѣе одного гласнаго. Безъ гласнаго звука нѣтъ слога; но безъ согласныхъ и полугласныхъ бываютъ слоги. Сколько звуковъ нужно для слога?

7. Анализъ. Преподаватель произноситъ каждое слово, рѣзко дѣлая удареніе; ученики указываютъ ударяемые слоги. Сколько въ каждомъ словѣ удареній?

Индукція. Въ каждомъ словѣ одно удареніе. Односложныя слова могутъ терять свое удареніе (нѣ знаётъ).

8. Анализъ стихотворной формы. Каждая строка представляетъ стихъ; напишемъ первыя два стиха и обозначимъ ударяемые и неударяемые слоги, оставивъ односложныя слова безъ ударенія:

Птичка Божія нѣ знаётъ.

Нй зѣботы, нй труда.

Если въ стихахъ три слога рядомъ безъ ударенія, то на среднемъ изъ нихъ можно поставить стихотворное удареніе—выйдетъ:

Птичка Божія не знаетъ.

Ни заботы, ни труда.

Вездѣ удареніе черезъ слогъ, только въ началѣ второго стиха два слога безъ ударенія; поставивъ удареніе на односложномъ словѣ „ни“, получаемъ стихи, въ которыхъ удареніе вездѣ черезъ слогъ.

Индукція. Такіе стихи дѣлятся на части по два слога въ каждой; части эти называются стопами.

Обозначимъ схематически: | - - | - - | - - | - - |

По этой схемѣ ученики скандуютъ все стихотвореніе.

Сопоставляются окончанія стиховъ: знаетъ—сви-  
ваетъ, труда—гнѣзда; здѣсь есть созвучіе, называемое риф-  
мою.

Дедукція. Указать всѣ рифмы въ стихотвореніи.

9. Это стихотвореніе можетъ быть выучено наизусть, потому переписано въ тетради съ раздѣленіемъ на слоги, на стопы, съ обозначеніемъ ударяемыхъ и неударяемыхъ слоговъ (такъ какъ переписка этимъ значительно усложняется, то можно переписать въ два приема).

#### IV. Журавль и цапля (народная сказка).

1. а) „Ноги долги“—ноги длинны; „по сю пору“—до этого времени. Выраженія: ноги долги и по сю пору—простонародныя, называются провинціализмами.

б) „Не солоно хлебавши“—народная поговорка; говорится про того, кому что-нибудь не удалось, кому такъ неприятно, какъ будто его накормили безъ соли.

2. Пересказъ дѣлается легко, безъ вопросовъ и дѣленія на части.

3. Указаннымъ выше („Ворона и рак“ 2) способомъ отыскиваются элементы: а) подмѣченные народомъ явленія и б) сказочный вымыселъ.

а) Дѣйствительныя явленія: длинноногій, голенастый, худо летающій журавль постоянно ходитъ по болоту; то-же дѣлаетъ, съ сердитымъ видомъ, цапля.

б) Народъ видитъ это и спрашиваетъ себя: зачѣмъ они ходятъ? — Должно быть, свататься, отвѣчаетъ онъ. Это отвѣтъ сказочный, вымыселъ. Вымышлено, что журавль сватается, будто бы цапля соображаетъ, что журавль худо летаетъ, не можетъ ее кормить, дурно одѣвается; вымышлено, что журавль обижается, цапля плачетъ отъ обиды и т. п. Такъ поступаютъ только люди, а не животныя. Какъ называются такіе рассказы?

4. Чтобы найти идею, нужно сдѣлать обобщеніе.

Въ сказкѣ говорится о журавлѣ и цаплѣ, что ихъ сватовство не состоялось по капризу. Обобщаемъ: вмѣсто „журавль и цапля“ ставимъ „всѣ“ или „многіе“, вмѣсто „сватовство“ — „всякое дѣло“, вмѣсто „каприза“ — „можемъ разумѣть вообще „неумѣнье“ пользоваться, вслѣдствіе какихъ-нибудь побужденій, тѣмъ, что само дается („что имѣемъ — не жалѣемъ, потеряемъ — плачемъ“). Выйдетъ: „многіе не достигаютъ цѣли, не могутъ дѣлать дѣло — по своей винѣ, не умѣютъ пользоваться тѣмъ, что дается въ руки“. Въ положительной формѣ это выразится такъ ( „нужно умѣть пользоваться обстоятельствами, чтобы послѣ не жалѣть“. Народная поговорка: „куй желѣзо, пока горячо“.

Въ сказкѣ употреблена поговорка, а въ моихъ объясненіяхъ — пословицы; но что такое поговорка и пословица, не опредѣлено. Это обыкновенный приѣмъ, когда приходится имѣть дѣло съ трудными явленіями: нужно, чтобы учащіеся сначала познакомились съ употребленіемъ поговорокъ и пословицъ, приглядѣлись къ явленію; потомъ легко и объяснить, особенно — если ученики немного попривыкнутъ къ общенію, къ раскрытію аллегоріи и троповъ. Мы видимъ явленіе и можемъ назвать его; тогда явленіе уже извѣстно намъ, но еще не вообще, а только въ данной формѣ и при данныхъ условіяхъ, извѣстенъ частный случай; чѣмъ болѣе накопится частныхъ случаевъ, тѣмъ легче будетъ обобщеніе, опредѣленіе явленія.

5. Примѣненіе. а) Товарищи поссорились между собою; спустя нѣсколько времени, одинъ изъ нихъ говоритъ: „давай-помирился!“ но другой отказывается, а потомъ бы и

радъ помириться, да уже первый не хочетъ. б) Ученикъ по лѣности не ходилъ на уроки; потомъ онъ схватился за умъ: захотѣлъ учиться; но такъ какъ много пропущено уроковъ, то многое становится для него уже не понятнымъ.

6. Сопоставленіе. На какое изъ читанныхъ произведеній болѣе всего походить эта сказка?—На сказку „Ворона и ракъ“.—Въ чемъ ихъ сходство?—Въ той и другой сказкѣ два элемента: а) дѣйствительныя явленія въ жизни животныхъ, б) вымыселъ: животныя представлены похожими на людей. Такъ-ли напечатаны эти сказки, какъ Молитва дитяти и Перелетная птичка?—Послѣднія напечатаны стихами, а сказки не стихами; мы говоримъ: сказки написаны прозой, или—прозаическимъ языкомъ.

Что мы замѣтили въ языкѣ народа?—Провинціализмы. А какія особенности замѣчены въ стихотвореніи „Перелетная птичка“?—Славянизмы и архаизмы.

Чѣмъ отличается стихотворный языкъ отъ прозаическаго?—Мы замѣтили, что въ стихахъ удареніе слѣдуетъ въ извѣстномъ порядкѣ, чрезъ слогъ, и бываетъ риѐма; въ провѣ этого не замѣчается.

## У. Жаворонокъ (Жуковского).

1. а) Синонимы: зардѣлъ—покраснѣлъ, паръ—гуманъ, лазурь—голубое небо, голосисто—громко, радушно—радостно, безпредѣльно—не видно конца, воздушно—свѣжо.

б) „Тонкій паръ“. Тонкая матерія (напр., кисея) прозрачна; паръ не тонокъ, но онъ прозраченъ, какъ тонкая матерія: паръ похожъ на тонкую матерію. Прилагательное „тонкій“ перенесено отъ существительнаго „матерія“ къ существительному „паръ“. Почему?—Потому что паръ похожъ на матерію.—Чѣмъ? Своею прозрачностію.

Наглядно это представляется такъ: на доскѣ пишется:

- а) въ верхней строкѣ: Тонкая матерія.  
б) въ нижней — — паръ.

Потомъ въ верхней строкѣ стирается прилагательное и переносится въ нижнюю—выходить:

а) въ верхней строкѣ: — матерія.

б) въ нижней — тонкій паръ.

Мы сдѣлали перенесеніе, вслѣдствіе сходства предметовъ. Чѣмъ они сходны? Что перенесли? Откуда? куда?

Перенесеніе, основанное на сходствѣ, называется метафорой. Метафора слово греческое, значитъ—перенесеніе.

Генезисъ. Паръ прозраченъ, какъ тонкая матерія: Здѣсь паръ сравнивается съ тонкою матеріею—это называется сравненіемъ, или уподобленіемъ; изъ этого сравненія и образовалась метафора.

Дедукція. Образовать метафору изъ сравненія: У него сердце, какъ камень.

Открыть метафоры и обратить въ сравненія: Надъ нами повисли свинцовыя тучи.—У насъ въ саду огненный кустъ настурцій.—Отецъ твой, старый воинъ, закаленъ въ бою.—Красавица-зорька въ небѣ загорѣлась.—Зернышку сготовимъ колыбель святую.

Какія слова прибавляются въ сравненіи?

в) „Молодая весна“. Можно сказать: молодой чело-вѣкъ, молодая женщина, молодое животное. Человѣкъ, женщина, животное—предметы живые.

Индукція. Такіе предметы принято называть одушевленными, другіе же называются неодушевленными.

Для наглядности пишется на доскѣ:

Молодая женщина.

... .. весна.

Дѣлается перенесеніе отъ одушевленнаго предмета къ неодушевленному; указывается пунктъ сходства (годъ начинается съ весны).

Индукція. Такое перенесеніе называется не метафорой, а олицетвореніемъ.

Дедукція. Найти въ стихотвореніи другія олицетворенія. Обратитъ въ олицетворенія слѣдующія сравненія:

Буря то, какъ звѣрь, завоетъ, то заплачетъ, какъ дитя, то, какъ путникъ запоздалый, къ намъ въ окошко застучитъ.

Сводъ. Особенности въ выраженіяхъ: славянизмы, архаизмы, провинциализмы, сравненія, метафоры и олицетворенія.

Метафора и олицетвореніе называются тропами.

Предметы у меня раздѣлены на одушевленные и неодушевленные; потомъ уже изъ неодушевленныхъ можно выдѣлить отвлеченные: объ этихъ предметахъ дать понятіе труднѣе, чѣмъ дать понятіе о лирикѣ, эпосѣ и проч., хотя у преподавателей сложилось мнѣніе о непреодолимой трудности послѣдняго и легкости перваго; а это въ свою очередь породило односторонность постановки русского языка въ низшихъ классахъ.

2. Анализъ стихотворной формы. Разставляются ударенія, при чемъ односложныя слова оставляются безъ ударенія: „На солнцѣ темный лѣсъ зардѣлъ“.

Въ серединѣ стиха рядомъ три слога безъ ударенія: на среднемъ ставимъ удареніе; тогда выходитъ удареніе черезъ слогъ. Обозначаемъ схематически и сопоставляемъ съ прежнюю схему:

а) | ˘ ˘ | ˘ ˘ | ˘ ˘ | ˘ ˘ | : На солнцѣ темный лѣсъ зардѣлъ.

б) | ˘ ˘ | ˘ ˘ | ˘ ˘ | ˘ ˘ | : Птичка Божія не знаетъ.

Въ томъ и другомъ стихѣ по четыре стопы и каждая стопа въ два слога; но въ первомъ стихѣ въ каждой стопѣ первый слогъ безъ ударенія, второй съ удареніемъ; во второмъ стихѣ—наоборотъ.

Индукція. Первый стихъ называется ямбическимъ, или ямбомъ, второй—хореическимъ, или хореемъ.

Дедукція. Какой стихъ: „Молись, дитя! тебѣ внимаешь“?... Скандовать все стихотвореніе „Жаворонокъ“; указать различіе перваго и втораго стиха по количеству; указать приемы. То-же сдѣлать съ стихотвореніемъ „Молитва дитяти“.

3. Анализъ содержанія. Въ началѣ представлена картина весенняго утра; въ этой картинѣ—лѣсъ, солнце, туманъ, поющій жаворонокъ. Это первая часть.

То, что передъ глазами, для насъ или пріятно, или непріятно, пробуждаетъ чувство. Какое же пробуждается чувство—пріятное или непріятное?—Объ этомъ говорится во второй части: жаворонку легко, радостно, за что онъ и славить Бога.

4. Обобщеніе. а) Въ прекрасное весеннее утро все живое (человѣкъ, птица и всякое другое животное) радуется и славить Бога.

б) Еще общѣе: весною пробуждается радостное чувство.

Индукція. Стихотворенія, въ которыхъ говорится о томъ, что чувствуется, называются лирическими; въ лирическихъ стихотвореніяхъ также говорится о желаніяхъ.

Дедукція. Не читали-ли вы еще лирическихъ стихотвореній? О чемъ говорится въ стихотвореніи „Молитва дитяти“—о чувствѣ или желаніи? а въ стихотвореніи „Перелетная птичка“?

На эти вопросы не трудно отвѣтить, если припомнить идею cadaго.

Анализъ. О какихъ, именно, чувствахъ говорится въ стихотворен. „Жаворонокъ“?—а) О чувствѣ радости, б) о чувствѣ благодарности къ Богу.—За что благодарить Бога?—За радость, которую онъ намъ доставляетъ весною; это—лучшая радость.

5. Примѣненіе. Есть-ли у васъ какія-нибудь другія радости?—Дѣтямъ покупаютъ игрушки, хорошія книги; дѣтей водятъ въ театръ, въ циркъ; бываютъ игры съ товарищами. Но игрушка можетъ сломаться—это непріятность, игрушка скоро надоѣдаетъ; прочитанная книга уже мало занимаетъ; театромъ и циркомъ можно не всегда пользоваться—дорого стоитъ; игры часто ведутъ къ слезамъ. Природа же постоянно доставляетъ новыя радости,—у ней „сегодня“ не похоже на „вчера“; доставляетъ радости даромъ всѣмъ, начиная человѣкомъ и кончая самымъ малымъ животнымъ: наслажденіе природою—лучшее наслажденіе; имъ мы и должны пользоваться преимущественно предъ другими удовольствіями.

Сравнительная оцѣнка удовольствій, думаю, очень полезна для дѣтей, потому что они часто ищутъ

удовольствій, или не свойственныхъ возрасту, или низменныхъ. При случаѣ возможны и указанія на тѣ удовольствія, которыми дѣти не должны пользоваться, а между тѣмъ они воспользовались, только нужно въ этомъ случаѣ указывать на факты—по «горячимъ слѣдамъ». Нужно регулировать не только трудъ дѣтей, но и удовольствія ихъ; къ сожалѣнію, наши педагоги слишкомъ много употребляютъ усилій для перваго, почти забывая о второмъ.

6. Стихотвореніе это состоитъ изъ двухъ частей: въ первой части рассказывается о томъ, что находится передъ глазами, картина, изображающая то, что внѣ насъ, снаружи; эта картина пробуждаетъ чувство; во второй части говорится о самомъ чувствѣ: это картина, изображающая, что внутри насъ, въ душѣ.

Индукція. Въ лирическихъ стихотвореніяхъ два элемента: а) рассказъ о томъ, чѣмъ пробуждается чувство или желаніе, б) рассказъ о чувствахъ и желаніяхъ.

Сопоставленіе. Есть-ли такіе-же элементы въ стихотвореніяхъ: „Молитва дитяти“ и „Перелетная птичка“? Раскрывается это при помощи вопросовъ: Что передъ глазами у Никитина?—Дитя.—Какое желаніе пробуждается у Никитина?—Что передъ глазами у Пушкина?—Перелетная птичка.—Какое чувство и желаніе у него?—Чувство недовольства своимъ положеніемъ („Людымъ скучно, людымъ горе“) и желаніе быть такъ свободнымъ, какъ птичка. Много-ли говорится о каждомъ элементѣ?

7. Синтезъ стихотворенія представляется связнымъ рассказомъ. Для выясненія связи частей можно рассказать, напр., такъ: „Когда весною на солнцѣ зардѣетъ темный лѣсъ, когда заблѣетъ въ долинѣ туманъ и жаворонокъ запоетъ пѣсню о приходѣ весны, тогда на душѣ становится легко и радостно—и пѣсню прославляется Богъ“.

Такой пересказъ (съ обобщеніемъ) можетъ сдѣлать самъ преподаватель для уясненія смысла стихотворенія и связи частей; ученики же рассказываютъ попроще.

Грамматика. 8. Сопоставленіе.

а) Запѣлъ раннюю пѣсню жаворонокъ звонкій.



б) Слышна ранняя пѣсня жаворонка звонкаго. Индукція. Имена существительныя могутъ измѣнять свои окончанія, склоняться,—могутъ измѣняться по падежамъ; вмѣстѣ съ существительными склоняются и прилагательныя. Какъ называется измѣненіе глагола?

Всѣхъ падежей шесть; каждый изъ нихъ отвѣчаетъ на вопросы:

Именительный падежъ—на вопросы: кто? что? Слышна ранняя пѣсня птички.

Родительный пад.—на вопросы: кого? чего? Зимой не было слышно ранней пѣсни.

Дательный: кому? чему? Мы внимаемъ ранней пѣснѣ.

Винительный: кого? что? Слушайте раннюю пѣсню.

Творительный: кѣмъ? чѣмъ? Люди наслаждаются раннею пѣснею.

Предложный: о комъ? о чемъ? Мы читали о ранней пѣснѣ.

Дѣлается это нѣсколько иначе: сначала даются приведенные примѣры и рядомъ съ ними ставятся другіе, въ которыхъ вмѣсто «ранняя пѣсня» ставится «ранняя птичка»; потомъ индуктивно говорится, что всѣхъ падежей шесть; вопросы также получаютъ изъ примѣровъ, только названія падежей говоритъ учитель.

Во всѣхъ этихъ предложеніяхъ упоминается объ одной ранней пѣснѣ; это единственное число; поставить во всѣхъ предложеніяхъ множественное число.

Отыскать во всѣхъ предложеніяхъ подлежащія. Въ какомъ они падежѣ? Именительный падежъ (подлежащее) называется прямымъ; всѣ остальные—косвенными.

Объяснительныя слова, отвѣчающія на вопросы косвенныхъ падежей, называются дополненіями. Сказать эти вопросы. Чѣмъ служатъ въ предложеніи имена прилагательныя?

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что имена прилагательныя согласуются съ существительными въ числѣ и падежѣ.

Сопоставленіе. Звонкій жаворонокъ запѣлъ.

Звонкая пѣсня слышна.

Звонкое эхо раздалось.

Индукція. Имена существительныя бываютъ трехъ родовъ: жаворонокъ (можно сказать: одинъ жаворонокъ)— мужскаго рода, пѣсня (одна)—женскаго рода, эхо (одно)—средняго рода. Имена прилагательныя согласуются съ существительнымъ и въ родѣ. Сказать все правило о согласованіи именъ прилагательныхъ.

9. Сопоставленіе. Бѣлѣтъ, т. е. теперь—настоящее время.

Бѣлѣлъ, т. е. прежде—прошедшее время.

Будеть бѣлѣтъ, т. е. послѣ—будущее время.

Индукція. Глаголь можетъ измѣняться по временамъ.

Дедукція. Какія времена: зардѣлъ, запѣлъ, запоетъ? бѣлѣтъ, бѣлѣлъ, будетъ бѣлѣтъ?

„Жаворонокъ запѣлъ утромъ“. Здѣсь означено время еще отдѣльнымъ словомъ (утромъ) точнѣе.

Индукція. Хотя самимъ глаголомъ обозначается время, но оно точнѣе обозначается отдѣльнымъ объяснительнымъ словомъ, которое называется обстоятельствомъ времени.

Сопоставленіе. Запѣлъ жаворонокъ. — Запѣла птичка. — Запѣло дитя.

Индукція. Прошедшее время въ единственномъ числѣ согласуется съ существительнымъ въ родѣ. Поставьте то-же самое во множественномъ.

Синтезъ. Берите личныя мѣстоименія подлежащими и ставьте при нихъ сказуемыя въ различныхъ временахъ, избравъ для этого глаголь „бѣлѣтъ“.

Индукція. Глаголы въ настоящемъ и будущемъ времени измѣняются по лицамъ; въ прошедшемъ же времени лицо обозначается личнымъ мѣстоименіемъ.

Какъ глаголь измѣняется, спрягается?

## VI. Лисичка-сестричка и волкъ (народная сказка).

1. Чтеніе сказки задается на домъ по частямъ, при чемъ ученики должны попытаться выразить каждую часть кратко—въ одномъ, двухъ и т. д. предложеніяхъ, по требованію преподавателя; напр: содержаніе первой части можетъ быть выражено однимъ предложеніемъ: Лисица обманываетъ мужика. Въ нѣсколькихъ предложеніяхъ: Баба печетъ пироги; мужикъ наловилъ рыбы; лисица воруетъ рыбу; баба ругаетъ мужика. Вторая часть: Лисица учитъ волка ловить рыбу и т. д.

Такое упражненіе можетъ быть сдѣлано и письменнo; оно приучаетъ дѣтей записывать читаемое конспективно, выдѣлять существенное. Чѣмъ короче выражено содержаніе каждой части, тѣмъ легче обзорнѣе содержанія всего произведенія; чѣмъ подробнѣе запись, тѣмъ легче воспроизвести детали: нужно приучать дѣтей и къ тому и другому. Полезно поступать и такъ: сдѣлавши самый подробный пересказъ, постепенно сокращать до выраженія всего произведенія однимъ предложеніемъ—это будетъ суммирование всего содержанія. Вся сказка выразится такъ: Лисица обманываетъ мужика и волка. Можно идти и обратнымъ путемъ: начавъ съ краткаго выраженія всего содержанія, постепенно распространять рассказъ: это будетъ анализъ, потому что здѣсь общее разбивается на частности. Можно начать съ идеи—лисица хитра, и потомъ разсматривать, какъ народъ постепенно одѣлвалъ эту идею, иллюстрировалъ ее. Въ чемъ выражается хитрость? нужно поставить лисицу въ какое-нибудь отношеніе съ человѣкомъ, какъ хитрѣйшимъ существомъ, а также съ другими животными—для этого въ сказкѣ является волкъ. Потомъ учитель шагъ за шагомъ слѣдитъ за всѣми проявленіями хитрости лисицы.

2. Выдѣляются два элемента. а) Факты, подмѣченные народомъ—аа) изъ жизни людей: баба печетъ пироги, мужикъ ловитъ рыбу и т. д. бб) изъ жизни животныхъ: хитрая лисица способна на разныя продѣлки: можетъ притво-

ряться мертвою, любитъ полакомиться рыбою, не брезгуетъ и другимъ съѣдобнымъ—и все приобрѣтаетъ хитростію, воровски; волкъ же просто, легко попадаетъ впросакъ. б) Сказочный элементъ: лисица вступаетъ въ сношеніе съ волкомъ, разговариваетъ съ нимъ, учитъ волка и проч.

Дедукція. Какъ называются народные рассказы о животныхъ?

Сопоставляются всѣ прочитанныя сказки. Какое сходство?

Грамматика. 3. Избирается предложеніе и сопоставляется съ другимъ подобнымъ: Ты, баба, пеки пироги.

Ты пеки пироги.

Во второмъ предложеніи неизвѣстно, къ кому обращаются; въ первомъ же есть особое слово, которое и называется обращеніемъ. Обращенія отдѣляются запятыми.

Дедукція. Найти обращенія въ слѣдующихъ предложеніяхъ: Сосѣдка, перестань срамиться!—Сосѣдушка, мой свѣтъ, пожалуй-ста, покушай!—Эхъ, пріятель, и ты, видно, горе видалъ, коли плачешь отъ пѣсни веселой!

Послѣ разбора предложенія: „ты, баба, пеки пироги“—синтаксическаго и этимологическаго, что послужитъ вмѣсто катихизаціи, обращается вниманіе, что форма „пеки“ показываетъ просьбу, приказаніе, повелѣніе.

„Мужикъ велѣлъ бабѣ печь пироги“.

Индукція. а) Форма глагола, отвѣчающая на вопросъ: что дѣлать? (печь), называется неопредѣленнымъ наклоненіемъ.

б) Формы настоящаго, прошедшаго и будущаго времени называются изъявительнымъ наклоненіемъ. Произвести всѣ времена отъ глагола „печь“.

в) Форма, выражающая просьбу или повелѣніе, называется повелительнымъ наклоненіемъ.

Дедукція. Найти въ сказкѣ еще нѣсколько глаголовъ, и сказать, въ какомъ они наклоненіи, чѣмъ служатъ въ предложеніи.

Индукція. Формы изъявительнаго и повелительнаго наклоненій въ предложеніи бываютъ сказуемыми.

Дается образецъ спряженія глагола „говорить“; пре-

подаватель пишетъ на доскѣ, подчеркивая окончанія; ученики то-же вписываютъ въ тетради.

Вѣрно-ли народъ понялъ характеръ лисицы, можно узнать, сопоставивъ сказку со слѣдующимъ описаніемъ.

## VII. Лисица (извлеченіе изъ Брема).

Наружность лисицы красива, но обманчива; умна лисица, но очень хищна и воровата.

1. а) Одыта лисица чистенько: шубка у ней мягкая, густая, золотистая; на груди бѣлый галстучекъ: но цвѣтъ шерсти мѣняется: онъ подходитъ къ цвѣту лѣса—хвойнаго или лиственнаго, къ цвѣту поля, скаль, ущелій—и вообще того мѣста, гдѣ она живетъ. б) Голова у лисицы широкая; лобъ плоскій; мордочка длинная, вытянутая: она постоянно, какъ будто, приплюсывается; желто-зеленые глаза поставлены косо; уши торчатъ прямо, всегда на-сторожѣ. в) Туловище ея кажется толстымъ отъ длинной густой шерсти, но на самомъ дѣлѣ оно тонко, а между тѣмъ очень сильно и приспособлено ко всякимъ движеніямъ. г) На своихъ коротенькихъ тоненькихъ ножкахъ лисица быстро убѣгаетъ отъ соборы собакъ, дѣлаетъ большіе прыжки, неожиданно прилегалетъ къ землѣ и даетъ собакамъ перепрыгнуть черезъ себя, а потомъ бѣжитъ въ другую сторону; гдѣ нужно, ползаетъ по землѣ, прекрасно плаваетъ. д) Свой пушистый хвостъ на ходу она волочитъ по землѣ, а во время бѣга держитъ на отлетѣ.

2. Живетъ лисица въ норѣ, которую не всегда сама выкапываетъ, а большею частію отнимаетъ у другого животнаго, напр., у барсука. Въ норѣ у нея нѣсколько корридоровъ со многими выходами. При опасности лисица бросается къ одному изъ входовъ; но бѣжить не прямо, а кругами, чтобы спутать слѣдъ.

3. Въ сумерки или ночью лисица выходитъ на охоту.

Идетъ она на разбой, все обнюхивая и оглядывая кругомъ; осторожно крадется между камнями, въ кустарникѣ, въ высокой травѣ; она замѣчаетъ все, встрѣчающееся на пути, прекрасно видитъ, слышитъ и обоняетъ; на каждомъ шагѣ подстерегаетъ добычу.

4. Мыши составляютъ главную пищу лисицы; но она преслѣдуетъ также зайцевъ и кроликовъ, разоряетъ гнѣзда птицъ—пожираетъ яйца, птенцовъ и старыхъ птицъ; нападаетъ на дикаго козленка и молодого оленя, хотя знаетъ, что не сдобровать ей, если догонитъ мать этихъ животныхъ. Лисица таскаетъ домашнихъ птицъ; плаваетъ и плетется по болотамъ, чтобы добраться до водяныхъ птицъ; бродитъ по берегамъ рѣкъ, чтобы изловить жирную форель или глупаго рака; опоражниваетъ сѣти рыболововъ и силки охотниковъ; любитъ груши, сливы, виноградъ; ѣсть—наконецъ жуковъ, кузнечиковъ, осъ, пчелъ и мухъ.

5. Лиса, привыкши ко всякимъ продѣлкамъ, сама попадаетъ не такъ-то легко. Чтобы изловить ее, на то мѣсто, гдѣ хотятъ поставить капканъ, долго кладутъ приманку; потомъ уже ставятъ капканъ, совершенно скрывъ его и обмазавъ желѣзо чѣмъ-нибудь вкуснымъ. Если лисица попадетъ одной ногой въ неподвижный капканъ, то отгрызетъ ногу и убѣжитъ. Иногда подстрѣленные лисицы, считающіяся мертвыми, неожиданно вскакиваютъ и убѣгаютъ; случается, что полумертвая лисица въ рукахъ охотника очнется и кусаетъ его. Въ лисицу стрѣляютъ, ставятъ для нея всевозможныя ловушки, выкапываютъ ее изъ норы, травятъ собаками, даютъ отраву, преслѣдуютъ всячески, чтобы пожитья ея прекрасною шкуркою и избавиться отъ вреднаго сосѣдства съ нею: но съ хитрыми людьми она борется хитростію. Не будь лисица такъ хитра, давно бы не было на свѣтѣ ни одной лисицы.

## П л а н ъ.

I. Какова лисица вообще (суммирование всего послѣдующаго).

## II. 1. Наружность.

- |   |                          |
|---|--------------------------|
| { | а) Одежда.               |
|   | б) Голова съ ея частями. |
|   | в) Туловище.             |
|   | г) Ноги.                 |
|   | д) Хвостъ.               |

## 2. Жилище лисицы.

## 3. Промыселъ.

## 4. Пища.

## 5. Хитрость и рѣшительность при самозащитѣ.

Статья эта не имѣетъ самостоятельнаго значенія; она должна служить только комментариемъ къ сказкамъ о лисицѣ, а также къ баснямъ, въ которыхъ упоминается о лисицѣ. Свѣдѣнія, взятые изъ Брема, изложены по плану, усвоеніе котораго я считаю полезнымъ для учениковъ. Въ началѣ высказано положеніе, развивающееся по частямъ въ «изложеніи». Въ первой части, какъ обыкновенно, говорится о видѣ всего тѣла; потомъ описываются всѣ части его, начиная съ головы, какъ болѣе важной части. Эта часть развиваетъ первую половину положенія: «наружность лисицы красива, но обманчива». Въ самомъ изложеніи упомянуты признаки, указывающіе на обманчивость. Остальныя части развиваютъ вторую часть положенія: въ ней говорится объ умѣ, хитрости и хищности лисицы. Прежде всего, во второй части, послѣ наружности, описано жилье, потому что оно исходный пунктъ, отъ котораго лиса отправляется на промыселъ; а о промыслѣ говорится въ слѣдующей третьей, части. На промыселъ отправляется лисица для добыванія себѣ пищи—это цѣль, конечный пунктъ: естественно сказать объ этомъ въ слѣдующей, четвертой, части. Наконецъ, добывая пищу воровски, лисица встрѣчаетъ противодѣйствіе—особенно со стороны человѣка—объ этомъ говорится въ пятой части. Этотъ логическій порядокъ частей долженъ быть, по возможности, сообщенъ ученикамъ.

Теперь уже можно ученикамъ рекомендовать са-

мостоятельно читать сказки о животныхъ. Полезно параллельно со сказками читать описанія всѣхъ животныхъ, упоминаемыхъ въ сказкахъ; для этого отчасти пригоденъ «Дѣтскій міръ» Ушинскаго. Само собой разумѣется—домашнимъ чтеніемъ учениковъ долженъ руководить учитель; онъ указываетъ сказки, предлагаетъ вопросы, уже намѣченные при чтеніи въ классѣ; требуетъ конспективнаго записыванія. Послѣ того, какъ всѣ ученики прочтутъ указанное, начинается общій контроль; онъ не долженъ состоять только въ пересказываніи сказокъ: общими силами долженъ быть выработанъ надлежащій конспектъ, указаны элементы—вообще выясненъ смыслъ. Если ученики подготовлены къ этому основательно, то для контроля потребуется немного времени. При такой постановкѣ домашнего чтенія ученики прочтутъ, конечно, сравнительно мало, но за-то все прочитанное будетъ проработано и прямо направлено къ изученію литературы.

2. Сопоставляя данную статью со сказкою о лисицѣ, мы замѣчаемъ, что въ ней рассказано только о дѣйствительныхъ фактахъ, замѣченныхъ людьми, безо всякаго вымысла—это проза, или—прозаическое сочиненіе, описаніе лисицы; въ сказкѣ же мы находимъ и вымыселъ—сказка поэтическое сочиненіе.

Нѣтъ-ли вымысла въ стихотвореніи „Жаворонокъ“? указать этотъ вымыселъ. Какое это произведеніе поэтическое или прозаическое? Чѣмъ сказка отличается отъ „Жаворонокъ“ по языку? Сказка написана не стихами, а „Жаворонокъ“—стихами.

Указана только одна черта для отличія прозы отъ поэзіи; этого, конечно, не достаточно: въ дальнейшемъ будутъ указаны и другія черты. Таковъ, по моему мнѣнію, долженъ быть педагогическій пріемъ въ затруднительныхъ случаяхъ: сначала получается силуэтъ, набросокъ, потомъ постепенно отдѣлываются детали. Нужды нѣтъ, что даются не-



полныя свѣдѣнія, лишь бы они были истинны: Съ полными, вполне точными свѣдѣніями ученику низшихъ классовъ не справиться; это концентрическое сообщеніе свѣдѣній, признанное цѣлесообразнымъ въ дѣлѣ преподаванія. Когда можно сдѣлать сводъ и систематизацію, получится и надлежащая полнота; но систематизаціей не зачѣмъ торопиться: курсъ 1-го класса можно назвать «эпизодическимъ» въ томъ смыслѣ, что ученики приобрѣтаютъ отрывочныя свѣдѣнія о разныхъ предметахъ—это кирпичи, которые мы можемъ сначала примѣрно складывать, а строить будемъ впоследствии, когда будетъ запасенъ матеріалъ для цѣлаго зданія. Что такое описаніе—не объяснено, данъ только терминъ; въ дальнѣйшемъ будетъ анализъ описанія, будутъ указаны элементы описанія, потомъ послѣдуетъ сопоставленіе его съ повѣствованіемъ и наконецъ съ разсужденіемъ.

3. Анализъ. а) Неопредѣленное наклоненіе: говорить, нести, печь.

Индукція. Неопредѣленное наклоненіе имѣетъ только одну неизмѣняемую форму на **ть**, **ти** или **чь**.

Строго говоря «чь»—не окончаніе; оно вмѣсто **ить** или **ить**, гдѣ **и** и **г** относятся къ корню: **пек-у**, **пек-ть**—печь; **мог-у**, **мог-ть**—мочь.

Изъявительное наклоненіе:

настоящее время:

Нес-у.	Кол-ю.	Слыш-у.	Говор-ю.
Нес-е-шь.	Кол-е-шь.	Слыш-и-шь.	Говор-и-шь.
Нес-е-ть.	Кол-е-ть.	Слыш-и-ть.	Говор-и-ть.
Нес-е-мъ.	Кол-е-мъ.	Слыш-и-мъ.	Говор-и-мъ.
Нес-е-те.	Кол-е-те.	Слыш-и-те.	Говор-и-те.
Нес-у-ть.	Кол-ю-ть.	Слыш-а-ть.	Говор-я-ть.

Въ первомъ лицѣ единств. ч. находимъ: **у** или **ю**.

Во второмъ—**шь** } съ предшествующимъ **е** или **и**.

Въ третьемъ—**ть** } Глаголы съ предшествующимъ

Множ. ч. въ первомъ—**мъ** } **е** называются глаголами 1-го

Во второмъ—**те** } спряженія, съ **и**—2-го спряж.

Въ третьемъ—тъ съ предшествующимъ у или ю въ первомъ спряженіи, а или я—во второмъ.

Всѣ эти окончанія указываютъ на подлежащее—лицо, а также на время. Сказать подлежащія, соотвѣтствующія окончанія. На какое время эти окончанія указываютъ?

Прошедшее время: Я говорилъ, говорила, говорило.

Ты — — —

Онъ говорилъ, она говорила, оно говорило.

Мы говорили.

Вы — —

Они, онѣ — —

Въ прошедшемъ времени лица указываются личными мѣстоименіями, а не окончаніями; но за то въ единственномъ числѣ окончаніями указывается родъ; во множественномъ числѣ одно окончаніе. Звукъ л указываетъ на прошедшее время; иногда онъ выбрасывается: я несъ (вмѣсто: я неслъ; сравн.: несла, несло).

Будущее время: Я буду говорить.

Ты будешь говорить и т. д.

Для образованія будущаго времени берется глаголь въ неопредѣленномъ наклоненіи и къ нему прибавляется другой вспомогательный глаголь: буду, будешь и т. д.; онъ указываетъ на время, и онъ же, измѣняясь, показываетъ лицо подлежащаго.

Повелительное наклоненіе: Неси. Мѣняй. Кинь.

Несите. Мѣняйте. Киньте.

Въ повелительномъ наклоненіи 1-го лица нѣтъ, потому что никто самъ себѣ не повелѣваетъ. Во 2-мъ лицѣ единств. числа—показатели повелительнаго наклоненія: и, ѣ, ь (въ одномъ словѣ—ъ: лягъ). Во множ. ч. для 2-го лица къ этимъ окончаніямъ прибавляется „те“.

А. Барсовъ.

(Продолженіе будетъ).



## ОПЫТЪ ОБЪЯСНЕНІЯ ЗВУКОВЫХЪ ИЗМѢНЕНІЙ РЪЧИ ИЗМѢНЕНІЕМЪ РАБОТЪ ОРГАНОВЪ.

Полное отр. (Продолженіе).

**Носовые звуки: н, м, л, ж.**

Артикуляціи звуковъ *н* и *м*, какъ было уже сказано, равняются артикуляціямъ *д* и *б* вмѣстѣ съ одновременной артикуляціей носового гласнаго звука, при чемъ изъ артикуляцій *д* и *б* здѣсь имѣютъ самое важное значеніе ихъ средины, а не экскурсіи и рекурсіи. Звуки *л* и *ж* равняются приблизительно *э* и *о* съ тотчасъ же слѣдующимъ за ними и затемняющимъ ихъ тѣмъ же самымъ носовымъ гласнымъ; слѣдовательно, вопросъ о носовыхъ звукахъ сводится просто къ вопросу о появленіи и исчезновеніи носового гласнаго звука.

Появленіе носового оттенка звуковъ *н*, *м*, *л*, *ж* можно объяснить такимъ образомъ: когда дно полости рта приподнято и корень языка опирается о небо, такъ-что и мягкое небо придавливается и закрываетъ носовую полость, то понятно, что носового звука при этомъ получиться не можетъ; такъ бываетъ, напр., при задне-язычныхъ согласныхъ и въ особенности взрывныхъ; это видно изъ того, что такіе звуки не только не сопровождаются, но и не могутъ сопровождаться носовымъ звукомъ, т. е. не можетъ быть носового задне-язычнаго согласнаго, какъ бываютъ носовыми *д* и *б* (*н*, *м*). Очевидно этого не можетъ быть потому, что при уложеніи, напр., *г*-воздухъ пройти чрезъ носъ не можетъ, такъ какъ небной занавѣскѣ опуститься книзу мѣшаетъ языкъ. Когда же дно полости рта послѣ уложенія задне-язычнаго согласнаго будетъ опускаться къ артикуляціи слѣдующаго гласнаго или согласнаго, то вмѣстѣ съ этимъ, при болѣе слабой артикуляціи, мягкое небо (небная занавѣска, язычокъ) вслѣдствіе давленія на него наружнаго воздуха изъ носа если не опустится, то все таки не будетъ попрежнему плотно закрывать носовыя отверстія; кромѣ того, мягкое небо можетъ опуститься еще само собою вслѣдъ за опускающимся языкомъ, тѣмъ болѣе, что при движеніи его книзу будутъ напрягаться мускулы языко-небныхъ дугъ (*glossostaphylini*), которыя вмѣстѣ съ глоточно-небными дугами отдѣляютъ полость рта отъ полости глотки. Такимъ образомъ полость

носа откроется. Къ этому надобно прибавить, что небная занавѣска можетъ даже просто не подыматься во время простого подготовительнаго раствора рта, такъ какъ при закрытомъ ртѣ она бываетъ опущена, потому что это необходимо для дыханія; въ такомъ случаѣ полость носа будетъ также открыта. Но въ томъ и другомъ случаѣ воздухъ хотя и будетъ проходить чрезъ носъ, онъ также будетъ проходить чрезъ ротъ, и гласный звукъ рта будетъ слышаться сильнѣе и яснѣе; даже если допустить, что носовой гласный слышится ничуть не хуже ртоваго, все-таки мы обратили бы вниманіе и стали бы вслушиваться главнымъ образомъ въ послѣдній, такъ какъ онъ можетъ быть различенъ вслѣдствіе того, что полость рта можетъ принимать различныя уложенія для гласныхъ, т. е. гласные рта могутъ быть различными, чего не можетъ быть съ носовымъ. Отсюда слѣдуетъ, что указанныхъ причинъ еще недостаточно для образованія чистаго носоваго звука съ совершенно отдѣльной собственной артикуляціей.

Положимъ теперь, что вслѣдъ за гласнымъ слѣдуетъ согласный взрывной, язычный передній или же губной (*д*, *б*); въ такомъ случаѣ воздуху нельзя будетъ проходить чрезъ ротъ, и онъ сильнѣе пойдетъ чрезъ носъ, — носовой гласный усилится и, кромѣ того, выдѣлится, значить, сдѣлается яснѣе. Въ словѣ „арманка“, напр., звукъ *а* (*ы*) между *м* и *н* также сопровождается носовымъ отгѣнкомъ, однако его почти совсѣмъ не слышно, или, вѣрнѣе, мы его не замѣчаемъ, а обращаемъ главное вниманіе на гласный рта. Вслѣдствіе того, что носовой звукъ усилится и выдѣлится, то же самое случится и съ его артикуляціей, она будетъ сопровождать артикуляціи *д* или *б* уже независимо отъ ихъ собственныхъ артикуляцій, а также и независимо отъ подъема или опущенія дна полости рта, — заднеязычный согласный, т. е. его артикуляція, можетъ измѣниться, напр., въ переднеязычный или же исчезнуть, а артикуляція носоваго останется; это тѣмъ болѣе возможно, что указанное измѣненіе будетъ происходить постепенно. Такимъ образомъ и могли явиться отдѣльные взрывные согласные съ носовымъ отгѣнкомъ звуки *н* и *м*.

Такъ какъ работа опущенія мягкаго неба стоитъ въ сторонѣ отъ большинства другихъ главнѣйшихъ работъ органовъ рѣчи, то она легко можетъ забѣгать, и, кромѣ того, мускулы при этомъ легко могутъ переработывать; отсюда можетъ произойти то, что носовой звукъ будетъ артикулироваться и слышаться раньше согласнаго взрывнаго язычнаго или губнаго и почти одновременно съ предшествующимъ имъ гласнымъ (или согласнымъ), а переработка мускуловъ можетъ заставить мягкое небо и язычекъ опуститься на столько, что въ ротъ воздуха будетъ проходить очень мало, а потому взрывные ослабнуть, гласный же носовой усилится и можетъ уже только сопровождаться оттѣнкомъ гласнаго рта; кромѣ того, далѣе мы увидимъ, что согласные взрывные язычные или губные могутъ ослабнуть, совсѣмъ исчезнуть или же измѣниться въ какой либо другой звукъ и помимо усиленія носоваго звука, что, однако, почти совсѣмъ не будетъ дѣйствовать на артикуляцію носоваго, слѣдовательно и въ этомъ случаѣ носовой звукъ можетъ остаться, какъ оттѣнокъ гласнаго рта. Такимъ образомъ и могутъ получиться звуки *а* и *ж* (французскіе: *en, em, on, om*).

Разница между *а* и *ж*, а также и между другими подобными звуками, заключается не въ носовомъ ихъ оттѣнкѣ, а въ томъ, который получается чрезъ ротъ, такъ какъ носовой гласный измѣняется, какъ измѣняются гласные рта, не можетъ; вслѣдствіе этого поколѣніе, которое слышитъ носовой гласный съ оттѣнками гласныхъ рта, обратить главное вниманіе на эти оттѣнки и будетъ ихъ выдѣлять яснѣе, а потомъ они сдѣлаются сходными съ гласными рта; слѣдующее поколѣніе можетъ сдѣлать это потому, что ему нѣтъ фізіологической необходимости артикулировать носовой, и есть возможность ослабить опущеніе мягкаго неба, а какъ только оно ослабнетъ хотя немного, изъ носоваго, по указаннымъ уже причинамъ, легко можетъ получиться гласный рта, тѣмъ болѣе, что носовой возможенъ только при значительномъ удлиненіи артикуляціи гласнаго. Все это можетъ случиться постепенно само собою по причинамъ, выясненнымъ въ предъидущихъ отдѣлахъ этой статьи. Особенно скоро и легко могутъ ослабнуть работы опущенія небной занавѣски,

такъ какъ онѣ мало или почти совсѣмъ не связаны съ работами главнѣйшихъ мускуловъ органовъ рѣчи, т. е. артикуляція носового не будетъ вызываться и поддерживаться общимъ ходомъ артикуляціи, какъ это было первоначально при возникновеніи носового гласнаго, а потому въ концѣ концовъ носовой отдѣнокъ можетъ исчезнуть, а останутся простые гласные звуки рта. Такимъ образомъ на мѣстѣ ж и ж могутъ явиться э и о или же другіе гласные рта.

Примѣрами измѣненій носовыхъ гласныхъ и согласныхъ могутъ служить нѣкоторыя падежныя окончанія именъ существительныхъ и прилагательныхъ, и вообще окончанія словъ, такъ какъ въ такихъ условіяхъ, какъ увидимъ далѣе, звуки исчезаютъ скорѣе, чѣмъ въ другихъ частяхъ слова.

Весьма важнымъ доказательствомъ всего сказаннаго можетъ служить тотъ фактъ, что носовой гласный звукъ у насъ совсѣмъ не встрѣчается въ членораздѣльной рѣчи, т. е. никогда не произносится въ связи съ другими звуками, образующими слово; онъ встрѣчается только какъ отдѣнокъ гласнаго или согласнаго звука рта, или же совершенно отдѣльно отъ другихъ звуковъ; напр., онъ иногда произносится въ такомъ случаѣ, когда кто либо не слышитъ сказаннаго ему и желаетъ, чтобы оно было повторено.

Другимъ важнымъ доказательствомъ можетъ служить то, что если предъ н и м находятся звуки д и б, то эти послѣдніе исчезаютъ; очевидно, причина этого заключается въ захожденіи работъ опущенія небной занавѣски, а также при этомъ имѣютъ значеніе и другія причины, вслѣдствіе которыхъ являются н и м.

### Дрожащіе звуки.

Дрожащими звуками называются такіе, которые получаются при дрожаніи какого либо органа рта; такое дрожаніе, однако, не образуетъ тона, потому что при этомъ происходитъ слишкомъ незначительное число колебаній въ данную единицу времени, а образуетъ просто шумъ, какъ и артикуляціи другихъ звуковъ, хотя этотъ шумъ и можетъ сопровождаться тономъ, который является при дрожаніи го-

лосовыхъ связокъ, т. е. можетъ быть также звонкимъ. Къ числу такихъ звуковъ относится прежде всего звукъ *p*, такъ какъ только онъ одинъ встрѣчается въ нашей членораздѣльной рѣчи, потому что только его артикуляція наиболѣе связана съ общимъ ходомъ развивающихся артикуляцій звуковъ. Кромѣ *p*, получающагося при дрожаніи конца языка, встрѣчаются еще: звукъ дрожанія язычка (небной занавѣски) и звукъ дрожанія губъ.

Звукъ *p*, какъ извѣстно, получается изъ *л*; но онъ можетъ измѣниться и обратно въ *л*. Такое особенное чередованіе обоихъ этихъ звуковъ зависитъ оттого, что здѣсь являются факторами не тѣ причины, на которыя мы чаще указывали выше, а скорѣе извѣстныя отношенія силы давленія выдыхаемаго воздуха на языкъ—къ той силѣ, съ какою онъ опирается на нѣбо, т. е. главнымъ образомъ та же причина, вслѣдствіе которой усиливается, развивается носовой звукъ. Положеніе языка при *л* совершенно сходно съ положеніемъ язычка въ органной трубѣ (съ свободнымъ язычкомъ \*)), а потому кончикъ языка при извѣстныхъ условіяхъ и можетъ прійти въ дрожаніе, т. е. можетъ образовать звукъ *p*.

Вслѣдствіе такихъ причинъ чередованія звуковъ *p* и *л* трудно сказать что либо общее и болѣе опредѣленное насчетъ ихъ чередованія, такъ какъ отношеніе силы выдыхаемаго воздуха къ силѣ давленія языка на небо можетъ зависѣть отъ различныхъ причинъ; да, кромѣ того, нельзя и сказать, что только въ этомъ надо искать причину чередованія *p* и *л*; хотя все же едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что первоначально *p* получилось изъ *л*, а не наоборотъ; это видно отчасти также и изъ того, что *p* получается и изъ другихъ переднеязычныхъ согласныхъ (*d*, *m*) \*\*), но только гораздо рѣже, такъ какъ при нихъ воздуху гораздо труднѣе отстранить языкъ отъ нѣба, а при *л* легче, потому что при артикуляціи этого звука воздухъ проходитъ по бокамъ языка и потому скорѣе можетъ отодвинуть и его конецъ.

\*) Гано. Физика. Изд. 5. Стран. 248.

\*\*) Ө. Буслаевъ. Историческая грамматика. Изд. 2. Стр. 65.



Звукъ *н* представляетъ результатъ почти такой же опоры передней части языка о нѣбо, какъ и звукъ *д* (*m*), и слѣдовательно *н* надо бы измѣняться въ *р*, а между тѣмъ въ словѣ „ярмарка—ярманка“ мы видимъ обратное явленіе; это происходитъ вслѣдствіе того, что воздухъ при произношеніи слова „ярмарка“ проходитъ чрезъ носъ не только при артикуляціи *м*, но и во время краткаго *а* (*ы*), потому во время *р*—почти до *к* (смычка въ задней части рта) и потому не можетъ собраться во рту въ количествѣ, достаточномъ для того, чтобы отодвинуть кончикъ языка отъ нѣба и заставить его дрожать.

Точно также звукъ *р* можетъ измѣниться и въ *л* при тѣхъ же условіяхъ; это можетъ быть скорѣе между гласными, такъ какъ при этомъ воздухъ не успѣваетъ скопиться въ достаточномъ количествѣ, особенно когда артикуляція ускоряется, и, наоборотъ, *л* скорѣе измѣняется въ *р*, когда впереди его находится сильный затворъ (согласный взрывной или стеченіе согласныхъ), такъ какъ при этомъ воздуху скопляется больше, и онъ сильнѣе давитъ на языкъ, и потому скорѣе можетъ заставить его дрожать. Сюда, однако, не относится такой фактъ, какъ: „секретарь—секлетарь“, потому что здѣсь *к* не вызываетъ большое скопленіе воздуха предъ *р*, такъ какъ воздухъ скопляется при этомъ не во рту, а только въ глоткѣ и послѣ образованія *к* разряжается на столько, что уже не можетъ давить на языкъ достаточно сильно; между тѣмъ, здѣсь артикуляція *л* совершается съ силою, потому что глухіе мгновенные звуки, какъ *к*, артикулируются наибольшимъ напряженіемъ мускуловъ, а *к* артикулируется работой задней половины второй группы и затѣмъ передней, которою артикулируется и *л* (рекурсія *к* составляетъ экскурсію *л*), слѣдовательно и при *л* языкъ также съ силою обопрется о нѣбо. Что это дѣйствительно такъ, можно видѣть и изъ примѣровъ, обратныхъ указанному; такъ напр., „флигель—флигирь“, (фл'иг'л'—фл'иг'р'); здѣсь звонкое *г* артикулируется слабѣе, слѣдовательно при *л* языкъ слабѣе опирается о нѣбо, а потому воздухъ скорѣе приводитъ его въ дрожаніе.

Отчасти подтвержденіемъ сейчасъ сказанному служатъ

такіе факты: нравится—идравится, носъ—ноздри, срамъ—страмъ и друг.; *д* и *т* въ такихъ примѣрахъ явились потому, что до нихъ воздухъ не могъ скопиться въ достаточномъ количествѣ, чтобы образовать *р*; *д* и *т* составляютъ начало артикуляціи этого звука. Впрочемъ, причиной этого явленія могъ быть переходъ артикуляціи одного переднеязычнаго (проточнаго) въ другой (взрывной), что, однако, къ первому примѣру не относится, и его можно объяснить только первою причиною.

Къ числу дрожащихъ звуковъ относятся еще, какъ выше уже сказано, звукъ дрожанія небной занавѣски (и язычка) и звукъ дрожанія губъ (больше нижней губы). Другихъ органовъ, которые могли бы образовать дрожащіе звуки, еще нѣтъ. Оба эти звука, звукъ небной занавѣски и звукъ губъ, вслѣдствіе того, что они артикулируются органами, почти вовсе не связанными съ главными органами артикуляціи, потому что имѣютъ свои совершенно отдѣльные мускулы, не входятъ въ нашу членораздѣльную рѣчь, а представляютъ чисто-случайныя и отдѣльныя явленія, чѣмъ былъ, вѣроятно, и первоначальный звукъ простого раскрытія рта. Они не входятъ даже какъ часть какого либо звука, какъ входитъ носовой гласный звукъ, потому что артикуляція послѣдняго, какъ мы уже видѣли, все же имѣетъ связь съ общимъ ходомъ развитія артикуляціи нашей членораздѣльной рѣчи и вызвана ею же. Но носовой звукъ, когда онъ не вызванъ артикуляціею другихъ звуковъ, представляетъ такое же случайное и отдѣльное явленіе, какъ и дрожащіе звуки небной занавѣски и губъ: и потому онъ въ рѣчи стоитъ также совершенно отдѣльно.

Хотя кромѣ дрожащаго звука губъ встрѣчаются и другіе губные звуки, которые не стоятъ отдѣльно, а встрѣчаются въ членораздѣльной рѣчи даже очень часто, но дѣло въ томъ, что артикуляція такихъ „губныхъ“ звуковъ вызвана движеніемъ нижней челюсти, такъ что они собственно на столько же губные, на сколько и нижне-челюстные; поэтому противорѣчій въ томъ, что говорилось о губныхъ звукахъ, нѣтъ.

Звукъ дрожанія небной занавѣски встрѣчается у нѣко-

торыхъ людей большею частью на мѣстѣ звука *р* \*). Отдѣльно же у всѣхъ людей не встрѣчается и потому отдѣльнаго собственнаго значенія не имѣетъ.

Звукъ дрожанія губъ у насъ употребляется „для остановки лошадей“ \*\*). Обозначается онъ обыкновенно буквами „тиру“, и такое обозначеніе довольно вѣрно передаетъ тѣ работы, которыя необходимы для артикуляціи губного дрожашаго звука; для его произношенія требуется сильное скопленіе воздуха, а такое скопленіе всего болѣе можетъ быть при артикуляціи *т*, такъ какъ при этомъ воздуху совершенно преграждается выходъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ему дана возможность наполнить весь ротъ; артикуляція *п* въ этомъ случаѣ имѣетъ такое же значеніе, какъ *д* и *т* предъ *р*; звукъ *р* означаетъ дрожаніе, но уже, конечно, не языка, а губъ; употребляется же эта буква, очевидно, потому, что другого знака, означающаго дрожаніе, у насъ нѣтъ. Звукъ же *у* представляетъ ближайшее по артикуляціи гласное окончаніе всего слога.

### Глухіе звуки.

Артикуляція глухихъ согласныхъ существенно отличается отъ артикуляціи соответствующихъ звонкихъ, какъ выше уже было сказано, тѣмъ, что при артикуляціи глухихъ дрожанія голосовыхъ связозъ не бываетъ.

\*) Назадъ тому лѣтъ 50 въ Саратов. губ. мы имѣли возможность наблюдать произношеніе звука *р* у одного духовнаго лица, — это какое-то особенное, замѣчательное произношеніе: звукъ этотъ съ какимъ-то трескомъ выходилъ изъ горла говорящаго, дрожалъ, дробился, растягивался какъ *р-р-р-р* и придавалъ слову особый оттѣнокъ выговора и ударенія на подобіе дрожашей струны (напр. вѣр-р-р-но, пр-р-р-ава). Подобнымъ недостаткомъ страдаютъ нѣкоторые субъекты и при произношеніи звука *г*; напр., вм. правда выговариваютъ пг-г-г-ава.

Ред.

\*\*) Не смотря на то, что этотъ звукъ употребляется часто, о немъ упоминается, на сколько мнѣ извѣстно, только въ «Россійской грамматикѣ Михайла Ломоносова». Стран. 16, 17. Тамъ же говорится и о дрожашемъ звукѣ язычка.

Авт.

Образованіе глухихъ согласныхъ можетъ быть двумя путями: они могутъ получиться прямо глухими, когда ихъ артикуляція будетъ вызвана другими артикуляціями безъ дрожанія голосовыхъ связокъ, или же они могутъ получиться изъ звонкихъ, когда ихъ артикуляція не будетъ сопровождаться дрожаніемъ голосовыхъ связокъ.

При усиленной артикуляціи сочетанія *гъ* корень языка можетъ на столько сильно и долго опереться о нѣбо, что дрожаніе голосовыхъ связокъ можетъ прерваться совершенно, и тогда *гъ* превратится въ глухой звукъ *к* или *х*. Такое измѣненіе звонкаго въ глухой въ данномъ случаѣ не только возможно, но даже произойдетъ скорѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ случаяхъ артикуляціи, потому что при уложеніи органовъ на *гъ* между голосовыми связками и точкой опоры языка о нѣбо мѣста остается немного, и воздухъ скоро наполнить это пространство и перестанемъ колебать голосовыя связки. Въ другихъ случаяхъ артикуляціи пространства между голосовыми связками и преградой выходящему воздуху больше, и онъ будетъ наполнять это пространство; между тѣмъ преграда ему можетъ прекратиться, а потому воздухъ снова будетъ свободно выходить изо рта, такъ что движеніе его чрезъ голосовую щель не прекратится, — слѣдовательно не прекратится и звонкость.

Такъ какъ артикуляція заднеязычныхъ согласныхъ составляетъ одну изъ первоначальныхъ артикуляцій, слѣдовательно глухіе согласные могли получиться почти одновременно съ звонкими; этимъ и можно объяснить то обстоятельство, что глухіе согласные встрѣчаются почти такъ же часто, какъ и соотвѣтствующіе звонкіе, потому что они должны развиваться тѣмъ же путемъ, какъ и звонкіе. Развитіе глухихъ должно быть еще шире, полнѣе развитія соотвѣтствующихъ звонкихъ, такъ какъ глухіе получаютъ изъ звонкихъ при усиленной артикуляціи; кромѣ того, артикуляція ихъ должна быть усиленнѣе еще потому, что глухіе звуки, находясь рядомъ съ звонкими, будутъ менѣе ясно слышимы, чѣмъ эти послѣдніе, поэтому ихъ артикуляція или должна будетъ усиливаться, или же совсѣмъ исчезнетъ, когда звукъ будетъ недостаточно ясно слышенъ; изъ нѣсколькихъ рядомъ

стоящихъ артикуляцій при равенствѣ другихъ условій вѣрнѣе всего исчезнетъ та, которая или совсѣмъ не образуетъ звука, или же образуетъ менѣе другихъ слышимый звукъ.

Кромѣ усиленной артикуляціи звонкіе согласные могли измѣниться въ глухіе еще и при другихъ условіяхъ; такъ, они могли явиться тогда, когда бываетъ нужно произнести ихъ не столько во время раскрытія, сколько во время закрытія, сближенія органовъ (экскурсія), потому что тогда преграда для выходящаго изъ легкихъ воздуха, который производитъ дрожаніе голосовыхъ связокъ, будетъ продолжительнѣе. Отъ большей или меньшей силы, съ какою производится затворъ, а также и отъ продолжительности его и будетъ зависѣть скорѣйшее или болѣе тихое измѣненіе звонкихъ въ глухіе, такъ какъ при такихъ условіяхъ воздухъ останавливается и перестаетъ колебать голосовыя связки. Хотя вслѣдъ за затворомъ при артикуляціи звуковъ обыкновенно тотчасъ же слѣдуетъ раздвиженіе органовъ, и воздухъ снова будетъ свободно выходить изъ рта, все же раздвиженіе органовъ будетъ обязательно глухимъ, такъ какъ при этомъ будетъ выходить не тотъ воздухъ, который выходитъ изъ легкихъ и колеблетъ голосовыя связки, а тотъ, который собрался во рту и пересталъ быть звонкимъ. Отсюда слѣдуетъ, что коль скоро при сближеніи органовъ воздухъ, набирающійся въ глоткѣ и во рту, хотя немного ослабитъ дрожаніе голосовыхъ связокъ, это ослабленіе съ теченіемъ времени будетъ все болѣе и болѣе увеличиваться, и глухимъ слѣдается не только одно раздвиженіе и самое смыканіе органовъ, но и сближеніе органовъ не будетъ сопровождаться дрожаніемъ голосовыхъ связокъ; произойдетъ это потому, что простое прекращеніе дрожанія голосовыхъ связокъ можетъ постепенно измѣняться въ ослабленіе голосовыхъ связокъ, т. е. неспособность ихъ колебаться даже при усиленномъ проходѣ воздуха чрезъ голосовую щель.

Такъ какъ изъ всѣхъ трехъ моментовъ артикуляціи согласнаго, т. е. экскурсіи, затвора и рекурсіи, только послѣдній производитъ наиболѣе ясно слышимую часть артикуляціи, и такъ какъ эта часть, какъ мы сейчасъ видѣли,

скорѣе другихъ лишается звонкости, поэтому образованіе глухихъ согласныхъ изъ звонкихъ находится въ самыхъ благопріятныхъ для того условіяхъ, потому что условія артикуляціи дѣйствуютъ при этомъ вмѣстѣ съ акустическими условіями, которыя также имѣютъ большое значеніе при измѣненіяхъ звуковъ.

Вслѣдствіе того, что глухіе произносятся не тѣмъ воздухомъ, который непосредственно выходитъ изъ легкихъ, и колеблетъ голосовыя связки, а тѣмъ, который миновалъ уже ихъ и наполнилъ глотку и ротъ, поэтому рекурсія глухихъ будетъ усиленнѣе рекурсіи соотвѣтствующихъ звонкихъ, потому что скопившійся въ глоткѣ и во рту воздухъ, по прекращеніи преграды, будетъ выходить сильнѣе, чѣмъ тогда, когда преграда была менѣе и воздухъ не былъ сгущенъ такъ сильно. Это будетъ новая причина, по которой глухіе произносятся усиленнѣе звонкихъ, при чемъ усиленно произносится именно та часть звука, которая и слышится яснѣе.

Выше мы говорили, что глухіе согласные получаютъ изъ звонкихъ при болѣе усиленной и продолжительной артикуляціи согласнаго, потому что при этомъ воздухъ, наполнивъ полость рта и глотки, перестаетъ выходить изъ легкихъ и колебать голосовыя связки. Усиленная и продолжительная артикуляція можетъ быть вызвана также условіями артикуляціи смежныхъ звуковъ, а не является произвольно; такъ, напр., она можетъ явиться тогда, когда находится рядомъ съ такимъ звукомъ, рекурсія котораго составляетъ экскурсію даннаго звука, и когда этотъ переходъ будетъ продолжительнымъ вслѣдствіе дальняго разстоянія мѣста образованія одного звука отъ мѣста другого, — размахъ органовъ при этомъ будетъ больше, а слѣдовательно и затворъ будетъ сильнѣе и продолжительнѣе. Хотя мы имѣемъ возможность сильнѣе выдыхать воздухъ и нагонять его въ полость рта и глотки и тѣмъ заставить дрожать голосовыя связки и при болѣе сильномъ и продолжительномъ затворѣ, однако нельзя допустить, чтобы мы безъ причины усиливали выдыханіе; — оно также зависитъ отъ общаго хода артикуляціи; такъ, напр., при болѣе широкомъ и продолжительномъ растворѣ рта воздухъ будетъ выходить сильнѣе не

потому, чтобъ мы его сильнѣе выдыхали, а потому, что проходъ ему сдѣлался свободнѣе; если же послѣ такого раствора будетъ затворъ, то онъ, понятно, вызоветъ быстрое и усиленное скопленіе воздуха во рту и глоткѣ. Такимъ образомъ, если размахъ органовъ при артикуляціи согласнаго будетъ относительно большой, а растворъ рта передъ нимъ былъ незначительный, то звонкій согласный въ этомъ случаѣ скорѣе измѣнится въ глухой, чѣмъ въ обратныхъ условіяхъ. Кромѣ этого, усиленная артикуляція можетъ явиться и при другихъ условіяхъ, напр., при логическомъ удареніи, когда требуется усиленная работа мускуловъ, чего въ первомъ случаѣ не было.

Изъ всего сказаннаго о глухихъ звукахъ можно хотя въ общихъ чертахъ вывести, въ какомъ мѣстѣ слова согласный звонкій скорѣе можетъ измѣниться въ глухой; если онъ находится ближе къ началу слова (до ударенія) и между гласными, то онъ не скоро измѣнится въ глухой, потому что при этомъ опоры бываютъ слабѣе и короче, а потому и безъ напряженія выдыханія воздухъ при этомъ не успѣетъ остановиться, и дрожаніе голосовыхъ связокъ можетъ не прекратиться, хотя и можетъ нѣсколько ослабнуть. Точно также, хотя тотчасъ послѣ ударенія согласные должны артикулироваться сильнѣе и затворъ при нихъ бываетъ продолжительнѣе, но за-то при нихъ обыкновенно и воздухъ выходитъ сильнѣе, а потому его не такъ легко бываетъ остановить. Всего труднѣе звонкому согласному сохранить свою звонкость тогда, когда онъ будетъ находиться ближе къ концу слова и дальше отъ ударенія.

Чаще всего звонкій согласный измѣняется въ глухой на концѣ слова. Главная причина этого заключается въ томъ, что при этомъ согласный произносится во время экскурсіи, а затворъ и растворъ, если они есть, бываютъ продолжительны, потому что органы приходятъ при этомъ въ покойное положеніе; кромѣ того, экскурсіею этого согласнаго и кончается собственно артикуляція звуковъ слова, а потому звонкость по ассоціаціи можетъ кончиться вмѣстѣ съ окончаніемъ слова, т. е. голосовыя связки могутъ прійти въ покойное состояніе вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ и органы рта бу-

дутъ приходить въ такое же положеніе, и даже еще скорѣе, потому что для ихъ ослабленія нужны незначительныя работы, незначительныя движенія органовъ; вслѣдствіе этого затворъ и раскрытіе конечнаго согласнаго могутъ не сопровождаться звонкостью, тогда какъ эта именно часть артикуляціи звука, какъ мы уже видѣли, и составляетъ наиболѣе ясно слышимую его часть. Отсюда видно, что условія артикуляціи конечнаго согласнаго звонкаго будутъ отодвигать его звонкость, а акустическія условія будутъ выдвигать его уже безъ звонкости.

Если въ словѣ встрѣтятся рядомъ два звука,—одинъ звонкій, а другой глухой, то звонкій предъ глухимъ обыкновенно дѣлается также глухимъ. При такомъ сочетаніи звонкость будетъ прекращаться раньше, потому что мы будемъ яснѣе произносить глухой, и тотъ именно, который стоитъ предъ слѣдующимъ гласнымъ, такъ какъ въ такихъ условіяхъ онъ слышится лучше; если же мы станемъ прекращать звонкость для послѣдующаго согласнаго, то предшествующій будетъ также задерживать воздухъ и будетъ все болѣе и болѣе отодвигать звонкость назадъ, что въ данныхъ условіяхъ можетъ произойти скорѣе, чѣмъ тогда, когда согласный находится между гласными, такъ какъ предъ глухимъ онъ будетъ заставлять забѣгать ослабленіе голосовыхъ связокъ, а не ослаблять ихъ вновь собственной артикуляціей. Тоже самое относится и до обратнаго стеченія согласныхъ: если второй звонкій, то и предшествующій ему также дѣлается звонкимъ, потому что при этомъ мы также будемъ стараться произнести яснѣе второй, который находится предъ гласнымъ и потому слышится яснѣе; такъ какъ второй здѣсь звонкій, то слѣдовательно забѣгать здѣсь будетъ не ослабленіе, а напряженіе голосовыхъ связокъ.

Невозможность раздѣльнаго произношенія двухъ или нѣсколькихъ рядомъ стоящихъ звонкихъ и глухихъ согласныхъ обуславливается тѣмъ, что они обыкновенно произносятся скоро одинъ за другимъ, такъ что воздухъ между ихъ артикуляціями успѣваетъ выходить въ самомъ незначительномъ количествѣ, такъ что съ этой стороны ихъ артикуляція весьма сходна съ артикуляціею одного согласнаго;



между тѣмъ, если у одного согласнаго затворъ будетъ глухой, т. е. не будетъ сопровождаться дрожаніемъ голосовыхъ связокъ, то и растворъ тоже будетъ глухой, или наоборотъ, если затворъ звонкій, то и растворъ звонкій; происходитъ это потому, что при растворѣ выходитъ тотъ воздухъ, который находится во рту, а не тотъ, который заставляетъ дрожать голосовыя связки, и это дрожаніе (звонкость) ни въ какомъ случаѣ не можетъ послѣдовать къ самому раствору; слѣдовательно, если мы будемъ имѣть въ виду сдѣлать растворъ глухимъ, то у насъ дрожаніе голосовыхъ связокъ прекращается еще до раствора,—значить, звонкій предъ глухимъ превратится въ глухой; если же мы захотимъ растворъ сдѣлать звонкимъ, то и затворъ у насъ выйдетъ звонкимъ,—значить, глухой предъ звонкимъ измѣнится въ звонкій.

Сказаннымъ сейчасъ можно объяснить такіе факты, когда приблизительно въ одинаковыхъ условіяхъ приравнивается то слѣдующій къ предшествующему, то наоборотъ, такъ, напр., поддакивалъ—пощачивалъ, хвоста—збою, Тферь\*)—Богу; все здѣсь зависитъ оттого, который звукъ намъ нужно произнести точнѣе; въ большинствѣ же случаевъ, какъ выше уже замѣчено, потому второй, что онъ стоитъ предъ гласнымъ, и потому слышится яснѣе, а слѣдовательно его и произнести стараются точнѣе.

Указанныя здѣсь измѣненія согласныхъ, какъ выше уже было сказано, могутъ быть скорѣе тогда, когда согласные очень близки другъ другу по времени произношенія и мѣсту артикуляціи; если же этого нѣтъ, то измѣненія можетъ и не быть; если произнести различно, напр., слова: „свой хвостъ“,—то при протяжномъ произношеніи будетъ ясно слышаться: „свой хвостъ“, а при быстромъ не менѣе ясно будетъ также слышаться: „свой хвостъ“. Здѣсь разница лучше замѣтна, чѣмъ въ другихъ случаяхъ, потому что здѣсь переходъ отъ одного звука къ другому можно сдѣлать то много больше, чѣмъ при обыкновенномъ произношеніи, то много короче. Кромѣ того, въ данномъ случаѣ согласные

\*) Ө. Буслаевъ. Историческая грамматика. Изд. 2. Стран. 60.

не имѣютъ полнаго затвора, слѣдовательно при этомъ воздуху все-таки остается проходъ, который можетъ быть еще и удлиненъ.

Быстрота произношенія можетъ быть вызвана также общимъ ходомъ артикуляціи; такъ, напр., въ словѣ „квартира—квѣтера“\*),—*к* звукъ взрывной и вторая группа послѣ его произнесенія ослабляется быстрѣе, а потому и при *в* нижняя губа сильнѣе обопрется о верхній рядъ зубовъ и промежутокъ между *к* и *в* будетъ короче, чѣмъ въ другихъ подобныхъ случаяхъ сочетанія.

Относительное положеніе мѣстъ образованія двухъ или нѣсколькихъ рядомъ стоящихъ согласныхъ въ отношеніи къ выходящему воздуху имѣетъ также большое значеніе при измѣненіяхъ звонкихъ въ глухіе и глухихъ въ звонкіе. Если предъ звонкимъ переднимъ (губнымъ) стоитъ глухой задній (заднеязычный), то онъ не скоро уподобится переднему, потому что незначительное скопленіе воздуха предъ заднимъ, послѣ произнесенія этого послѣдняго, направится въ ротъ, и прежде, чѣмъ образуетъ передній звукъ, успѣетъ сдѣлаться звонкимъ вслѣдствіе быстрого выхода воздуха изъ легкихъ и колебанія голосовыхъ связокъ. Если же предъ заднимъ стоитъ передній, то уподобленіе произойдетъ скорѣе. Въ словѣ „хвостъ“, напр., разница между *х* и *в* можетъ лучше сохраниться, потому что первый звукъ задній, а второй передній,—первый произносится глухо, а ко второму можетъ подоспѣть и звонкость; возьмемъ теперь наоборотъ,—напр., слово „ловко“; если *в* произносить здѣсь звонко, то *к* уже обязательно при обыкновенныхъ условіяхъ произношенія поспѣетъ подъ звонкость; если же произносить *в* глухо, то и *к* будетъ глухое. Если произнести нѣсколько разъ то и другое слово, то не трудно еще убедиться въ томъ, что вообще произнести *вк*, вмѣсто *фк*, очень трудно, а *хв*, наоборотъ, иногда слышится даже какъ *хф*.

Тѣмъ, что выше мы говорили о глухихъ звукахъ вообще, можно также объяснить, почему въ славянскомъ языкѣ не было *г* (г, взрывного заднеязычнаго), не было *фш* и *фж* (иногда *фш* и *фж* слышались въ стародавнихъ языкахъ, но въ славянскомъ не сохранились). И. Водуанъ-де-Куртенэ. Отрывки изъ лекцій. Стран. 39.

нѣтъ теперь глухихъ звуковъ, соотвѣтствующихъ звонимъ: *й, н, м, л* и *р*.

О взрывномъ заднеязычномъ звукѣ *г* мы уже говорили, что онъ скорѣе, чѣмъ всякіе другіе звуки, можетъ измѣниться въ *к*, т. е. въ соотвѣтствующій глухой; а потому, если въ языкѣ звонкіе звуки вообще могутъ измѣняться въ глухіе, то понятно, что такое измѣненіе будетъ происходить чаще тамъ, гдѣ и условія для того болѣе благоприятны. Въ славянскомъ языкѣ взрывное *г* могло вездѣ измѣняться въ *к*, и только съ теченіемъ времени съ бѣльшимъ развитіемъ артикуляціи стало возможно существованіе рядомъ того и другого звука.

Если сравнить условія образованія *г* съ условіями образованія *в*, то не трудно замѣтить, что они совершенно обратны; при *в* и воздухъ можно нагонять въ ротъ и глотку, и нѣтъ для воздуха полного затвора, такъ какъ онъ можетъ проходить между нижнею губою и зубами. Вслѣдствіе этого, какъ *г* необходимо измѣнялось въ *к*, такъ *в* не могло измѣниться въ *ф*.

Звукъ *й* не можетъ быть глухимъ по тѣмъ же причинамъ, по которымъ онъ не можетъ быть и чисто-взрывнымъ. Для его артикуляціи работаетъ вторая группа мускуловъ, которая съ приближеніемъ къ уложенію *й* все болѣе и болѣе приближается къ направленію прямой линіи, и слѣдовательно для болѣе точной артикуляціи взрывного *й* ей нужны особенныя усилія; между тѣмъ, если она будетъ усиливаться, то результаты этого усиленія проявятся и на нижней челюсти, такъ какъ нижняя челюсть опускается работою той же второй группы; выходитъ, что вмѣсто поднятія языка до *й* вторая группа будетъ опускать нижнюю челюсть, что еще болѣе будетъ осаждать дно полости рта съ языкомъ, и еще болѣе вторая группа будетъ приближаться къ направленію прямой, т. е. образованіе *й* сдѣлается еще болѣе труднымъ и даже невозможнымъ. Работа второй группы мускуловъ при обыкновенныхъ условіяхъ артикуляціи на столько слабо придвигаетъ языкъ къ нѣбу, что того воздуха, который выходитъ изъ легкихъ, вполне достаточно, чтобы отстранить языкъ отъ нѣба на достаточное для его

прохода разстояніе. Языкъ при этомъ даже не отрывается, а просто отодвигается отъ нѣба, а потому взрывного *й* быть не можетъ. Если уложить органы на *й* и произнести его слабымъ выдыханіемъ, потомъ уложить снова и произнести сильнымъ выдыханіемъ, то не трудно будетъ замѣтить, что въ первомъ случаѣ *й* болѣе приближается къ взрывному *й*, а во второмъ къ гласному *и*. По той же причинѣ не можетъ получиться и глухого *й*. Если мы будемъ произносить очень тихо, напр., слово „пой“, — то *й* здѣсь будетъ больше походить на согласный глухой, если же наоборотъ, то *й* будетъ также приближаться къ *и*.

Звуки *н* и *м* не могутъ измѣниться въ глухіе, такъ какъ при нихъ воздухъ свободно можетъ проходить чрезъ носъ, да ему, кромѣ того, есть возможность наполнять ротъ, а потому дрожаніе голосовыхъ связокъ прекратиться не можетъ. Да если бы оно и прекратилось, то *н* и *м* лишились бы носового оттънка, а слѣдовательно измѣнились бы въ *т* и *н*, которые вслѣдствіе слабости артикуляціи, которая была при *н* и *м*, скоро исчезли бы.

Звуки *л* и *р*, когда становятся глухими, дѣлаются очень слабы акустически, т. е. слышатся очень плохо, а потому скоро исчезаютъ. Вслѣдствіе этого *л* и *р* встрѣчаются глухими очень рѣдко, тѣмъ болѣе, что при ихъ артикуляціи воздуху остается свободный выходъ (особенно при *л*) и требуется усиленное выдыханіе (особенно при *р*), а потому измѣниться въ глухіе они скоро не могутъ. Что для *р* требуется усиленное выдыханіе, это мы видѣли выше, а что при *л* воздухъ свободно проходитъ по бокамъ языка, въ этомъ можно убѣдиться, если сравнить легкость дыханія при уложеніяхъ различныхъ длительныхъ согласныхъ; окажется, что при уложеніи *л* мы всего долѣе и свободнѣе можемъ дышать даже въ томъ случаѣ, когда носъ будетъ закрытъ. Кромѣ того, еще то обстоятельство, что при *л* получается незначительный шумъ, показываетъ также, что воздухъ при этомъ выходитъ болѣе свободно, чѣмъ при другихъ согласныхъ длительныхъ, которые и безъ звонкости слышатся довольно ясно.

А. Камскій.



## ОТВѢТЪ РЕЦЕНЗЕНТУ

на ст. г. Истомина «О преподаваніи русскаго языка въ средне-учебныхъ заведеніяхъ».

(Р. Ф. Вѣстн. 1888 г., № 2).

По нѣкоторымъ обстоятельствамъ я не имѣлъ возможности своевременно прочесть указанную въ заглавіи статью, а потому и опоздалъ отвѣтомъ.

Ст. г. Истомина, правда, не заслуживаетъ серьезнаго вниманія, такъ какъ въ ней нѣтъ возраженій на мои взгляды, нѣтъ и собственныхъ взглядовъ г. Истомина: все построено на томъ, что въ моей ст. «Новый взглядъ на преподаваніе русскаго яз.» (Фил. Зап. 1888 г. 1 вып.) «все хорошее не ново, а новое не хорошо».

Первая половина положенія—«все хорошее не ново» — повтореніе стараго анекдота «Яйцо Колумба». Мнѣ очень пріятно, что мое «хорошее» кажется г. Истомину старымъ—это лучшее ручательство за истинность: истина всегда проста и всѣмъ извѣстна, только не всякій ее формулируетъ. Не бѣда также, что г. Истоминъ издѣвается—пусть! но не слѣдуетъ искажать дѣло.

Г. Истоминъ пользуется извѣстнымъ приемомъ (не новымъ): выхватываетъ отдѣльныя мысли, чтобы сказать: это хорошее не ново. Но вѣдь эти старыя мысли имѣютъ у меня такое же значеніе, какое аксіомы—въ математикѣ: важны не отдѣльныя мысли, а ихъ комбинація. Возьмемъ, напр., двѣ мысли: 1) дѣти должны учиться грамотѣ; 2) дѣти учатся грамматикѣ; комбинируемъ ихъ такъ: пусть дѣти изучать грамматику, а потомъ учатся грамотѣ—выйдетъ нелѣпость, тогда какъ при иной комбинаціи будетъ истина.

Но оставимъ въ сторонѣ неправильность приема, возьмемъ даже отдѣльно тѣ мысли, на которыя г. Истоминъ указываетъ, какъ на старыя: мысль первая

— «чтеніе имѣеть важное значеніе въ дѣлѣ воспита-  
 нія» (издѣвается г. Истоминонъ на стр. 122); мысль, дѣй-  
 ствительно, старая, но исполнѣ-ли она прошла въ созна-  
 ніе, хотя-бы, г. Истомина? На стр. 130 (въ выноскѣ)  
 онъ говоритъ, что при хрестоматіи г. Поливанова не  
 нужно другой, потому что она исполнѣ пригодна «для  
 изученія слога образцовыхъ писателей и литературныхъ  
 формъ вообще»; то-же говорится и на стр. 114 (во 2-й  
 выноскѣ). Развѣ одно и то-же воспитаніе и изученіе  
 формъ? Правда, тамъ прибавляется, что для нравствен-  
 наго воздѣйствія должны быть литературныя бесѣды,  
 взглядъ на которыя г. Истоминонъ выразилъ въ ст. «къ  
 вопросу о практич. упражн. по русскому языку» (Р. Ф.  
 В. 1883 г. № 3). Я уже имѣлъ случай указать (Р. Ф.  
 Вѣстн. 1884 г. № 1), что въ этой ст. все сводится на  
 элементарныя упражненія: на извлеченія, планы, харак-  
 теристики, пересказы содержанія; но г. Истоминонъ, со-  
 славшись на заглавіе (только на заглавіе, безъ выдер-  
 жекъ), считаетъ дѣло исполнѣ поконченнымъ. Я говорю:  
 обучая, мы должны и воспитывать: одною дѣятель-  
 ностію выполнять двойное—тройное дѣло. Г. Истоминонъ,  
 не возражая на это, только указываетъ на  
 свои статьи (что онъ очень любитъ), въ которыхъ го-  
 ворится вовсе не о томъ. Тотъ же приѣмъ—и при ука-  
 заніи др. сочиненій: Водовозова, Кавелина и проч., такъ  
 что, если бы я вздумалъ доказать неосновательность  
 ссылки, то долженъ бы былъ изложить подробно содер-  
 жаніе всѣхъ указанныхъ книгъ: примѣръ достойный по-  
 дражанія! Вторая мысль—«между литературнымъ  
 чтеніемъ и письменными упражненіями должна быть тѣ-  
 сная связь». Всѣ знаютъ это, но какъ-то забываютъ:  
 чтобы убѣдиться въ этомъ, стоить только бѣгло загля-  
 нуть въ сборники темъ Весина, Холевіуса и проч., или  
 въ «Систематическій диктантъ» московскихъ педагоговъ,  
 на которыхъ г. Истоминонъ указываетъ («Старушка раз-  
 била кружку» и все въ томъ же родѣ). Г. Истоминонъ  
 ссылается и на г. Гаврилова; вотъ что г. Гавриловъ  
 рекомендуетъ для описаній: «Столъ», «Стулъ», «Ножъ»

и т. д. (Стилист. зад.). Гдѣ же здѣсь связь письменныхъ упражненій съ чтеніемъ? Третья мысль—«нужно заниматься съ цѣлымъ классомъ» (стр. 123); это сказано противъ г. Мартыновскаго, который предлагаетъ контролировать каждаго ученика отдѣльно.

Но довольно этихъ примѣровъ; обратимся къ главному. Что я высказываю «не новый взглядъ», даже не свой, у г. Истомина доказывается изложеніемъ положеній г. Мартыновскаго, высказанныхъ, будто-бы, раньше, въ 1887 г.; на стр. 123 г. Истоминъ говоритъ: Барсовъ «вслѣдъ за г. Мартыновскимъ»... На это нужно сказать слѣдующее: человеку, берущемуся за педагогическую критику въ журналѣ, претендующемъ на серьезность, кромѣ хлесткости въ издѣвательствѣ, нужно еще званіе текущей педагогической литературы, по крайней мѣрѣ, нужно читать, кромѣ своихъ статей, спеціальныя періодическія изданія; нужно знать, что все сказанное г. Мартыновскимъ (я возьму въ изложеніи г. Истомина на стр. 124 и 125) въ 1887 г., высказано мною раньше, въ 1886 году, въ «Семь и Школѣ» за мартъ—апрѣль («О преподав. рус. языка въ среднихъ зав.»). «Г. Мартыновскій отводитъ объяснительному чтенію,—говоритъ г. Истоминъ,—главное мѣсто въ младшихъ и среднихъ классахъ и подчиняетъ чтенію всѣ другія занятія по русск. языку, т. е., говоря объ объяснит. чтеніи, которое, вообще, должно вести по цѣлымъ сочиненіямъ авторовъ, а не по отрывкамъ изъ хрестоматіи, указываетъ, во-первыхъ, связь чтенія съ изученіемъ грамматики, во-вторыхъ, уясняетъ важность подробнаго логическаго анализа литературныхъ произведеній (скажу отъ себя: отвергаетъ), въ-третьихъ, показываетъ возможность сообщенія учащимся, при объяснит. чтеніи, свѣдѣній, касающихся теоріи словесности и исторіи литературы, въ-четвертыхъ, говоритъ о вліяніи объяснительнаго чтенія на правильное, нравственное формированіе учащихся». Для сравненія приведу очень краткія выдержки изъ моей статьи 1886 г.: «Нужно прежде всего обогатить учащихся знаніями, познакомить съ худо-



жественною формою... этого можно достигнуть только чтеніемъ авторовъ, подобранныхъ сообразно съ возрастомъ учащихся» (стр. 199). «Грамматика при-мыкаетъ къ чтенію» (тамъ же). «Нужно показать развитіе мыслей, ихъ послѣдовательность, показать планъ статьи и раскрыть главную мысль» (стр. 202), т. е. сдѣлать логическій разборъ. «Къ объяснительному чтенію относятся и нѣкоторыя свѣдѣнія по словесности»... (стр. 202). Говоря о выборѣ чтенія, я указываю на возможность сдѣлать приложеніе морали, высказанной въ сочиненіи (стр. 200). Ко всему этому прибавлю, что я предполагаю начинать чтеніе съ басни (стр. 200); по странному совпаденію г. Мартыновскій началъ чтеніе въ женской прогимназіи съ басни. Такое же совпаденіе замѣчается во взглядѣ на веденіе письменныхъ работъ.

Но положимъ, г. Истомина не читаетъ «Семью и Школу», то долженъ бы читать, по крайней мѣрѣ, Р. Ф. Вѣсти.; а тамъ—за 1883 г., въ ст. «Къ вопросу о преподаваніи рус. языка», я говорю также о необходимости чтенія авторовъ, «развивающаго лучшія стороны человѣческаго духа, т. е. мышленіе, волю и чувствованіе»; я говорю, что «сообразно съ этимъ должны быть переработаны хрестоматіи: для чтенія нужно цѣлесообразно подобрать сочиненія лучшихъ авторовъ»... Это осуществлено г. Мартыновскимъ въ 1887 г. Думаю, что послѣ этихъ выписокъ нельзя сказать, что Барсовъ чужую идею называетъ своею.

Можно-бы поговорить и о психологіи г. Истомина, и вообще—о его педагогическихъ взглядахъ, отрицающихъ всякое педагогическое движеніе [слѣдов.—и его, г. Истомина, статьи; а если г. Истомина продолжаетъ писать, то «умысль другой тутъ есть»] на томъ основаніи, что существуютъ опытные начальники (стр. 117), учебные планы (стр. 117), что московскіе педагоги что-то сказали (стр. 118); можно-бы поговорить и о томъ, что при наличности преподаванія словесности исключается непосредственное отношеніе къ литературнымъ

произведеніямъ; но все это безъ пользы увлекло бы насъ слишкомъ далеко—не переувличивать-же! Не буду также доказывать, что мое «новое хорошо», потому что нѣтъ основательныхъ возраженій, да и г. Мартыновскій доказываетъ, что это «новое хорошо».

Но все-таки идея моя осталась не понятою. Можетъ быть, это только извѣстный пріемъ, рекомендующій рецензента... а если нѣтъ? на всякій случай объяснимся:

Заставьте человѣка, не двигая руками, итти на гору, не сгибаясь и проч.—и вы создадите для него каторгу; наши педагоги давно ухитрились создать подобную каторгу для дѣтей, напр. отъ 9—10 ч. идетъ изученіе латинскихъ словъ, а мысль и чувство не шевельнутся; отъ 10—11 ч. ученикъ пишетъ подъ диктовку до того, что у него заломить плечи; отъ 11—12 ч. безостановочно выкрикивается—„подлежащее, сказуемое... существительное, прилагательное“ и т. д. Это—систематическое мученіе, ломка нравственная; въ этомъ причина безпорядковъ въ классѣ, отвращенія отъ занятій... Во избѣжаніе этого я предлагаю „матеріальное разнообразіе“, предлагаю читать статьи, вліяющія на умъ, чувство и волю, и такія, которыя служатъ только къ изученію „языка и литературныхъ формъ“; въ каждой статьѣ нужно отыскивать элементы, вліяющіе нравственно; я не могу согласиться съ тѣмъ, что на урокъ нужно заниматься только „учобой“, а нравственно воспитывать только литературными бесѣдами: нужно—уча воспитывать.

Въ заключеніи г. Истомина не упустилъ бросить въ меня грязью: «идея представляется только мыслью о распространеніи приготовляемой къ печати хрестоматіи»; но г. Истоминъ постоянно пользуется этимъ пріемомъ. Онъ уже заранѣе груститъ о будущей моей хрестоматіи: спасибо за сочувствіе!

А. Барсовъ.

## О Т Ъ Р Е Д А Ц І И

## ДВА СЛОВА ВЪ ОТВѢТЪ НА ОТЗЫВЪ Г. ИСТОМИНА.

Замѣтка г. Истомина на ст. Барсова сильно возмутила насъ своимъ беззащѣтчивымъ тономъ. Теперь кстати за отвѣтомъ г. Барсова и мы скажемъ отъ себя два-три слова.

Мы считали г. Истомина педагогомъ передовымъ, интересующимся движеніемъ науки впередъ, дорожающимъ всякимъ новымъ проявленіемъ движенія въ области родного языка и литературы, но, къ сожалѣнію, крайне ошиблись въ своемъ мнѣніи о немъ. Отзывъ его о новой методѣ преподаванія языка и словесности обнаружилъ всю его односторонность и узкость взгляда. Если г. Истоминъ не понялъ взгляда Барсова, сомнѣвался въ его состояніи (это дѣло другое), тогда можно бы высказаться помягче, повоздержаннѣе, — сказать, что изъ краткаго очерка представленнаго плана нельзя видѣть еще самаго дѣла, изложенія метода, подождемъ-дескать, увидимъ, и скажемъ послѣ свое мнѣніе, — это было бы и честно и благоразумно. Нѣтъ, ему хотѣлось посмѣяться надъ этой программой. Вся его статья отъ начала до конца носить на себѣ характеръ какого-то злобнаго глумленія, и надъ чѣмъ-же? надъ словами „Новый взглядъ“ на преподаваніе рус. языка. Какъ-дескать смѣлъ авторъ назвать новымъ взглядомъ то, что уже давно поднималось когда-то на сѣздѣ учителей (но ничѣмъ не кончилось)? Мало ли что поднималось, или обсуждалось, но не рѣшено, — развѣ оттого оно сдѣлалось старымъ? Ахъ, г. Истоминъ, какъ у васъ достало духу говорить это, и можно ли было отъ васъ ожидать такой выходки! Вамъ, какъ преподавателю родного языка и литературы нужно бы порадоваться, что г. Барсову пришла счастливая мысль предложить такую методу, а не бить ее, не топтать въ грязь! Вѣдь подобнымъ суровымъ отношеніемъ можно убить въ человѣкѣ благородное стремленіе къ чест-

ному, полезному труду, оскорбить труженика науки. Хорошо, что авторъ не обратилъ вниманія на ваши рѣзкости. Вѣдь вы еще не видѣли и не знаете, какъ это можно соединить преподаваніе языка и литературы вмѣстѣ? Одинъ изъ сотрудниковъ нашихъ тоже прислалъ намъ замѣтку, въ которой говорить, что трудно совмѣстить подобное ученіе и т. под. Редакція отвѣтила, что „мнѣніе это преждевременно, — подождите“. За-то другой сотрудникъ нашъ г. Желтовъ высказался въ письмѣ своемъ такъ: „Вотъ, еслибы побольше такихъ преподавателей, какъ бы дѣло пошло хорошо“. Мы не понимаемъ, какъ г. Истоминоу, прежде чѣмъ глумиться, не обратилъ вниманія на слѣд. слова, выраженные въ письмѣ къ Редактору: „Когда въ комиссіяхъ я сталъ излагать свой взглядъ учителямъ, никто не могъ согласиться со мной, но послѣ годового опыта мои противники стали ревностными поборниками моей идеи. Они говорили, что такая постановка дѣла внесетъ разнообразіе и жизнь въ ихъ уроки, что подобныя литерат. свѣдѣнія и объясненія легче даются ученикамъ, чѣмъ грамматическія“.

Что же, г. Истоминоу, неужели для васъ были не убѣдительно эти краснорѣчивыя слова преподавателей, какъ другой живой голосъ?! Неужели эти преподаватели ниже васъ? Не думаемъ. А какъ хотите, вамъ слѣдовало бы согласиться съ ними, какъ съ корпораціей преподавателей средне-учеб. заведеній. А вотъ вамъ и третій голосъ, голосъ преподавателя, статью котораго „Замѣтка о преподаваніи русскаго языка“ представляемъ ниже сего, но ужъ не изъ средней школы, а одного дѣятеля, — учителя уѣзднаго училища: прочтите-ка его статью повнимательнѣй и вамъ навѣрно придется покраснѣть.... и пожалѣть за свой скороспѣлый ОТЗЫВЪ.

## ОБРАЗОВАНИЕ СЛОВЪ.

Одна изъ существенно важныхъ сторонъ словопроизводства, которую необходимо имѣть въ виду при объясненіи слова—это согласіе съ духомъ языка и характеромъ народныхъ представленій и поэтическихъ образовъ.

Если мы въ словѣ рясть—зелень, ясный—густолиственный, обильно-цвѣтушій, обильный плодами видимъ корень—ряд—нарядный, ряса, то такое объясненіе, можетъ ли оно быть доказано исторически, или нѣтъ, тѣмъ не менѣе будетъ совершенно въ духѣ народной русской поэзіи въ лицѣ ея лучшихъ представителей, въ произведеніяхъ которыхъ цвѣты и зелень дѣйствительно представляются нарядомъ, убранствомъ дерева. Такъ въ народной поэзіи—«садъ золотомъ ризеній» (Потебня).

У Кольцова:

«Густолиственный твой зеленый шлемъ»

«Буйный вихрь сорвалъ.»

«Плащъ упалъ къ ногамъ и разсыпался». (Дѣсь).

У Лермонтова:

«Растеній радужный нарядъ хранилъ слѣды небесныхъ слезъ» (Мцыри).

«Одежду ихъ сорвали малыя дѣти». (Три пальмы) и т. п.

Такая этимологія, объединяя языкъ и словесность, вноситъ большую содержательность и ясность въ первый, опредѣленность и законченность поэтическихъ образовъ и представленій во вторую.

Примѣнимъ сказанное къ этимологіи слова — подушка; это тѣмъ болѣе будетъ кстати, что объясненіе этого слова приведено въ высшемъ курсѣ грамматики г. Стоюнина (изданіе второе, стр. 42) и, по нашему

миѣнію, представляетъ крупную ошибку въ названномъ сочиненіи автора.

По этимологіи г. Стоюнина, слово «*подушка*» образовано изъ предлога—подъ и им. сущ.—ухо, ушко т. е. то, что кладется подъ ухо. Такое представленіе этого предмета совершенно противно дѣйствительному представленію, существующему въ языкѣ.

«*Подушка*», если не вообще постель, то въ частности то, что кладется въ головы—«изголовье крутешенько», «зголовьицо круто складно» (Гильферд. Онежскія быliny стр. 170). Святославъ «ни шатра имяше, ни подкладъ постилаше, а сѣдло въ головахъ» (Лѣтопись Нестора стр. 41).

«У насъ воля виростала  
Дніпром умивалась,  
У головы гори клала  
Степомъ укривалась» (Шевченко).

Выраженіе—послать подъ уши не гармонируетъ съ духомъ языка и въ языкѣ не встрѣчается. Это во первыхъ. Во вторыхъ самымъ лучшимъ опроверженіемъ, какъ въ данномъ случаѣ, такъ и въ другихъ подобныхъ можетъ служить новое болѣе удовлетворительное объясненіе слова.

По нашей этимологіи, корень слова *подушка*—под; ушка, какъ и въ словахъ—верхушка, боковушка, полушка и т. п. есть просто суффиксъ—уха, ушка. Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ съ ухомъ произошло тоже самое, что раньше случилось съ окомъ въ словахъ высоко, далеко, высь-око, даль-око и т. п. по этимологіи Шишкова.

Предлогъ *подъ* въ значеніи имени существительнаго употребляется въ настоящее время въ малорусскомъ языкѣ; *піддомъ* (під) называется подстилка изъ перебившей соломы, на которой складываютъ въ стоги хлѣбъ (снопы). Ближе къ нему по образованію также малорус. *спідъ*—нижняя часть предмета, низъ, *подъ* печи.

Поцѣлуй, цѣловать. Корень слова—цѣл=чел; отъ слова чело.

Замѣна другъ другомъ звуковъ *ц* и *ч* является, во-первыхъ, характерной особенностью кривичскихъ говоровъ—Новгородскаго, Псковскаго и Полоцко-Смоленскаго. Въ договорной грамотѣ Новгорода съ в. к. Михаиломъ Ярославичемъ, 1317 года встрѣчаемъ это самое слово въ такомъ видѣ: «или кого къ челованью привель, а съ тыхъ челованье на землю». Во-вторыхъ, спорадически эта замѣна встрѣчается и въ другихъ памятникахъ; достаточно указать на Слово о полку Игоревѣ, въ которомъ имѣемъ: вѣци и вѣчи, лѣци и лѣчи, русици и русичи, чеци и др.: «луцежь бы потяту быти, нежели полонену быти»; «Были вѣчи Трояни»; «а храбрии Русици преградиша чрълеными щиты»; «о моя сыновчя Игорю и Всеволоде»; «на Немизѣ снопы стелють головами, молотять чеци харалужными»; «въ полѣ безводнѣ жаждею имъ лучи съпряже» и т. п.

Въ основаніи значенія слова—поцѣлуй заключается, слѣд. представленіе о привѣтствіи лицомъ (челомъ) къ лицу (*osculum dare*); и въ настоящее время слово чело имѣетъ болѣе общее значеніе, чѣмъ его синонимъ—лобъ; чело (челюсть) приближается къ понятію—лицо; на челѣ въ болѣе широкомъ значеніи—во главѣ, съ фронту, съ лицевой стороны. Бить челомъ—просить о чемъ, кланяться, преклонять чело. Древнерусское цѣлованіе или цѣлованье или челованье—крестное цѣлованье, клятвенный договоръ. Малорусское «оддавать чолом»—цѣловать руку; «та вчить сняка пузаника чолом оддавати» (Шевченко).

Чоломкаться—вообще цѣловаться; «Ну, здоровъ, сынку! Почоломкаемся «И отецъ съ сыномъ начали цѣловаться» (Т. Бульба).

Образованіе этихъ словъ аналогично славянскому лобзанію, лобзати, отъ слова—лобъ. Лобзаніе, лобзати образовалось отъ слова—лобъ также какъ и дергать,

дерзнуть, отъ—драть, деру; ср. «драть за волосы» и выраженіе—«и я дерзнувь за волосы» (показаніе одного изъ обвиняемыхъ въ окружномъ судѣ по дѣлу о крестьянскомъ самосудѣ).

Хорь—вонючій. Корневая морфема слова въ нынѣшнемъ его видѣ равна—О (нулю); х—орь—суффиксы. «Хорь изъ дѣхорь; сравни польск. *chórz*, чешск. *tchoř*». (Лекціи по исторіи русскаго языка проф. А. И. Соболевскаго). Предпочитая объясненіе словъ на почвѣ родного языка иноязычнымъ, хотя бы даже и славянской семьи, считаемъ болѣе умѣстнымъ для сравненія привести малорусское—тхір.

Отпавшіе звуки—дѣ=тѣ=т и есть первоначальный корень слова; корень этотъ—ду=ды=до=дѣ, какъ въ словѣ—ду-ти, ду-хъ, въ данномъ случаѣ въ значеніи запахъ. Хорь или дѣхорь, тхір, слѣд. издающій запахъ (вонючій), затхлый, тухлый (см. Образование словъ отд. отд. стр. 34).

Съ этимъ же значеніемъ и образованный отъ существительнаго малорусскій глаголь—натхорить—испортить запахъ, навонять или же выраженіе—підлустити тхора.

Обратимъ вниманіе еще на одинъ случай соотношенія словопроизводства и поэзіи; это такъ называемая игра словъ, основанная на общемъ ихъ происхожденіи.

Слова, образованныя отъ одного корня и отдалившіяся другъ отъ друга съ дальнѣйшими его развѣтвленіями даютъ возможность различнаго ихъ пониманія и умышленнаго перетолкованія смысла словъ съ цѣлью остроты и каламбуровъ. Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвони своими острыми мечи о шеломы литовскія; притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ литовскими мечи (Слово о полку Игоревѣ).



Такого рода игра словъ особенно часто встрѣчается у Шекспира.

Гамлетъ. Чья это могила пріятель?

Гробокопатель. Моя, баринъ.

Гамлетъ. Не потому-ли, что ты сидишь въ ней? — Но кто здѣсь ляжетъ? Для кого это ложе.

Гробокопатель. Это ни для кого не ложь, не во гнѣвъ вамъ, баринъ! Я могилу копаю, такъ она моя; вы ее не копаете, такъ она не ваша — стало это не ложь.

Гамлетъ. Ты говоришь ложь, говоря, что это не ложе: это ложе мертвыхъ, хотя и не ложе живыхъ.

Гробокопатель. Да мертвые не лгутъ, баринъ! И если это не ложь живыхъ, то вы сами живую ложь сказать изволили.

Производя слово ложь (сложенное) отъ корня лаг — слагать, (см. Образов. словъ стр. 18) въ этомъ разговорѣ можно видѣть игру словъ, основанную на ихъ смыслѣ и гораздо болѣе значительную, чѣмъ случайное совпаденіе созвучій.

Наконецъ, примѣръ этимологія Шекспира имѣемъ въ его объясненіи слова Коріоланъ — жалостливый, сердечный — отъ латинскаго cor — cordis — сердце.

«Коріоланомъ прозванъ онъ, но гордость —

Не жалость — съ этимъ именемъ сроднилась».

1889 г.

Февраля 21 дня.

Гр. Линникъ.

## ЗАМѢТКА О ПРЕПОДАВАНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА.

Въ 1-мъ выпускѣ «Фил. Зап.» за 1888 годъ помѣщена была статья: «Новый взглядъ на преподаваніе русскаго языка», составляющая введеніе въ учебную хрестоматію А. Барсова и письмо его съ замѣткой редакціи, приглашающія учителей дать отзывъ объ этомъ «новомъ взглядѣ».

Но до сихъ поръ, кажется, никто изъ преподавателей русскаго языка не удостоилъ г. Барсова своимъ отвѣтомъ. Изъ этого можно заключить, что или г.г. преподаватели не хотятъ отрѣшиться отъ вѣковыхъ традицій объ излюбленномъ ими старомъ легкомъ способѣ преподаванія, или же новый взглядъ не стоитъ ихъ вниманія? Нѣтъ, ни то, ни другое, потому что всякое разумное улучшеніе способа преподаванія отечественнаго языка и изведеніе его, можно сказать, изъ прежняго хаотическаго состоянія на свѣтъ Божій стоитъ вниманія и общаго о немъ совѣщанія. Языкъ, какъ главнѣйшее и необходимѣйшее достояніе человѣка, долженъ быть предметомъ внимательнаго изученія. Поэтому и преподаваніе роднаго языка, какъ достояніе цѣлаго народа, должно быть живо и дѣйствительно. Новый же способъ, предлагаемый г. Барсовымъ, и въ этомъ отношеніи заключаетъ въ себѣ несомнѣнныя достоинства. Слѣдовательно упорное молчаніе преподавателей, по моему мнѣнію, или—признакъ сомнѣнія, или же «знакъ согласія».

И я, скажу откровенно, въ общемъ взглядѣ на преподаваніе русскаго языка вполнѣ согласенъ съ г. Барсовымъ, но въ нѣкоторыхъ частностяхъ, наталкивающихъ меня на сомнѣнія, расхожусь съ нимъ. Поэтому считаю нелишнимъ высказать и свой взглядъ на это.

1) Начинать съ «литературныхъ высокохудожественныхъ произведеній первостепенныхъ нашихъ поэтовъ» (стр. 2) по меньшей мѣрѣ рано \*). По моему, въ началѣ

\*) Это говорить вообще.

могутъ быть пригодны только коротенькія басни, напр. «Цѣтухъ и жемчужное зерно» Крылова, или художественныя сказки, какъ-то: «Золотая рыбка» Пушкина, или же «Конекъ-Горбунокъ» Ершова. Пользу предлагаемаго г. Барсовымъ разбора подобныхъ упомянутымъ сочиненій я понимаю.

2) Напрасно г. Барсовъ не объяснилъ, съ какою цѣлью на первыхъ порахъ нужно передавать дѣтямъ о внѣшней и внутренней сторонѣ литературнаго произведенія, индукціи и дедукціи и другіе термины? И какую пользу можетъ это принести такимъ маленькимъ ученикамъ?! \*) Этимъ, впрочемъ, я ничуть не отрицаю, что это возможно и необходимо въ высшихъ классахъ гимназій (начиная съ V кл.).

3) Г. Барсовъ, кажется, не совсѣмъ точно и ясно опредѣлилъ генезисъ (стр. 5 и 6), а отъ этого легко можетъ произойти сбивчивость и при самомъ преподаваніи. Слово генезисъ озпачаетъ возрожденіе или перерожденіе, а въ грамматикѣ—новое явленіе въ значеніи ли слова, или въ наращеніи его звуковъ.

Впрочемъ, и я пользовался и пользуюсь при объясненіяхъ своихъ терминами литературными, но осторожно и при нужныхъ случаяхъ. У меня въ училищѣ курсъ двухлѣтній: много ли я могу удѣлить времени на разборъ литературныхъ произведеній?! и не долженъ ли, при помощи болѣе легкаго способа, свѣшить изученіемъ правописанія и вообще всей грамматикѣ? При этомъ мнѣ всегда хорошо служили свою службу и генезисъ и эвристика. Да и въ I классѣ гимназій нужно свѣшить съ русскимъ языкомъ: тамъ онъ по программѣ долженъ быть подготовляющимъ и руководящимъ предметомъ къ изученію латинскаго языка. Стало быть, генезисъ нуженъ (и возможенъ) съ самаго начала обученія. И самъ г. Барсовъ признаетъ это, говоря далѣе (стр. 11 п. ж.):

\*) На это авторъ отвѣчалъ Редакціи, что термины эти обязательны для учащихся въ младшихъ классахъ, пока просто для наглядности, а приведены для учащихся.

«По грамматикѣ каждый урокъ долженъ представлять непременно шагъ впередъ. По свойству самаго предмета здѣсь должно быть болѣе системы, постепенности, и потому въ подборѣ статей приходится (на первыхъ порахъ) часто сообразоваться съ тѣмъ, что нужно сообщить по грамматикѣ». Вотъ съ этимъ нельзя не согласиться: это непреложная истина, выработанная учебной практикой. И я къ этому, на основаніи собственнаго опыта, долженъ добавить, что такое сообразованіе необходимо въ продолженіе всего курса изученія грамматики.

Впрочемъ, незначительныя, какъ я думаю, недомолвки г. Барсова, которыя навели на меня сомнѣнія своею новизною и неизвѣстностью этого дѣла, по немнѣнію подъ руками самой хрестоматіи, можетъ быть, совершенно сглаживаются прочими осмысленными и цѣлесообразными положеніями новаго его взгляда на преподаваніе русскаго языка.

Но чтобы доказать явныя достоинства и преимущества новаго способа г. Барсова предъ прежними, изложу вкратцѣ веденные мною прежде и теперь уроки русскаго языка и полученные отсюда результаты. Прежде этого считаю нужнымъ оговориться, что при преподаваніи я строго держался, пока еще единственно вѣрнаго, руководства г. Говорова и, благодаря ему только, могъ достигать успѣховъ въ двухгодичный курсъ въ двухклассномъ уѣздномъ училищѣ.

Прежде для первоначальныхъ упражненій, нѣсколько близкихъ къ упражненіямъ г. Барсова, въ 1-мъ классѣ уѣзднаго училища я бралъ коротенькія басни Крылова, вродѣ указанной выше, и выводилъ изъ нихъ чрезъ анализъ и синтезъ, индукцію и дедукцію сначала части сочиненія и главную мысль его, простѣйшіе элементы рѣчи—простыя предложенія, главные слова въ нихъ, потомъ морфемы, фонемы и звуки, постепенно переходя генетическимъ способомъ къ болѣе сложнымъ комбинаціямъ. Продиктовавъ подобранныя народныя пословицы для выясненія, примѣнительно къ приня-

нятому у насъ учебнику Кирпичникова, правописанія сомнительныхъ буквъ, употребленія и сочетанія ихъ, сообщалъ необходимыя правила. Для домашнихъ же упражненій диктовалъ прочтенную или выученную низусть басенку, подъ которой уже сами ученики дѣлали разборъ словъ съ сомнительными буквами, разлагали ихъ на составныя части и писали подходящія правила, а позже уже излагали его содержаніе и дѣлали сравненія и выводъ главной мысли и значенія басни. Такимъ образомъ сообщая знанія практическимъ путемъ, я ежедневно шагъ-за-шагомъ подвигался далѣе по грамматикѣ, генетически переходя отъ членовъ предложенія къ частямъ рѣчи и, при посредствѣ наращенія представокъ, подставокъ, флексій выясняя измѣненія словъ и ихъ правописаніе, закрѣплялъ все это въ памяти учащихъся опять таки диктантомъ и сообщеніемъ грамматическихъ правилъ. Разборъ частей рѣчи, съ выясненіемъ правилъ, склоненія и спряженія писали сами ученики дома, отдавая въ томъ отчетъ на другой день въ классѣ.

Во 2-мъ классѣ программа упражненій синтаксическихъ и литературныхъ уже значительно расширилась. И опять я генетическимъ способомъ изъ разбора лирическихъ литературныхъ произведеній выводилъ части ихъ, связь между ними, идею, сложные предложенія, члены ихъ, согласованія и отношенія ихъ другъ къ другу, постепенно переходя отъ простѣйшихъ оборотовъ рѣчи къ болѣе сложнымъ, замѣняя ихъ синонимами, выяснял далѣе управленіе и подчиненіе словъ и предложеній, знаки препинанія и, наконецъ диктуя образцы литературно-художественныхъ главнѣйшихъ періодовъ, сообщалъ построеніе періодической рѣчи. Ученики же въ домашнихъ упражненіяхъ продѣлывали все это самостоятельно въ изложеніи содержанія изученныхъ ими низусть историческихъ стихотвореній первостепенныхъ нашихъ поэтовъ, въ описаніяхъ по данному плану и безъ него и въ переложеніяхъ рѣчи простой въ періодическую. Результаты такихъ занятій были къ концу курса довольно утѣшительны.

Но еще утѣшительнѣе стали они теперь, когда я съ началомъ 188<sup>8</sup>/<sub>9</sub> учебнаго года ихъ урегулировалъ по новому взгляду г. Барсова на преподаваніе роднаго языка. Приведу здѣсь нѣсколько отрядныхъ фактовъ изъ моей учебной практики.

Въ началѣ настоящаго учебнаго года для первоначальнаго разбора въ 1-мъ классѣ я выбралъ сказку Пушкина: «золотая рыбка», хорошо для этого раздѣленную на части съ необходимымъ ихъ краткимъ содержаніемъ и объясненіемъ въ которыхъ словъ въ употребляемой нами книгѣ для чтенія «Родина» Радонежскаго. Ученики въ пять дней переписали ее, по прочтеніи, подѣ мою диктовку, сдѣлали свои пересказы, раздѣлили на предложенія, самостоятельно подыскивали къ нѣкоторымъ сказуемымъ свои подлежащія и опредѣленія, а къ подлежащимъ сказуемымъ съ дополненіями и обстоятельствомъ, указали сомнительныя буквы, написали объ нихъ правила. Обучаясь далѣе по вышеизложенному способу, улучшенному по указаніямъ г. Барсова, до сихъ поръ основательно прошли по Кирпичникову уже всю этимологию включительно до буквы ѣ въ корняхъ, отлично знаютъ полный грамматическій разборъ и почти не дѣлаютъ ошибокъ въ правописаніи.

Съ учениками же 2-го класса предварительно была разобрана въ три дня бѣлорусская поэма въ стихахъ: «Тарась», переведенная мною съ бѣлорускаго нарѣчія на русскій литературный языкъ. Чтобъ вполнѣ судить объ успѣхѣ этого дѣла, надобно было видѣть, изображавшуюся на лицахъ учениковъ, живѣйшую радость и охоту разбирать это, такъ сказать, родное имъ народное произведеніе. И они живо раздѣлили его на части, нашли связь между ними, выразили идею сочиненія и частей, сдѣлали по частямъ пересказы, на другой день написали самостоятельный сжатый пересказъ и на третій день, списавши подѣ мою диктовку весь русскій текстъ, раздѣлили его на предложенія, подыскивали синонимическія слова для поясненія нѣкоторыхъ, несомнѣнъ имъ понятныхъ оборотовъ рѣчи и, записавъ соотвѣтству-

юція бѣлорусскія слова, на третій день принесли довольно правильный и близкій къ подлиннику переводъ сочиненія на бѣлорусскій говоръ. О сочинитель вѣдѣли, что онъ народный поэтъ—бѣлоруссъ, хорошо знакомый съ произведеніями Жуковскаго, Лермонтова, Пушкина и Гоголя—вродѣ Тараса Шевченки—малоросса. Отъ этого «съ легкой руки» почина (правду говорили древніе, что «хорошее начало половина дѣла») легко пошли мы и далѣе изучать синтаксисъ и между прочимъ отчасти литературу. Теперь уже мои ученики хорошо знаютъ синтаксическій и этимологическій разборъ всякаго предложенія съ указаніемъ связи его съ предъидущими мыслями, отношенія, управленія и подчиненія словъ, замѣны ихъ и оборотовъ рѣчи синонимическими. Умѣютъ уже самостоятельно изложить содержаніе высокохудожественныхъ стихотвореній, дѣлаютъ описаніе историческихъ событій или извѣстныхъ имъ предметовъ, перелагаютъ отрывистую рѣчь въ періодическую, съ соблюденіемъ всѣхъ знаковъ препинанія; переводятъ съ церковнославянскаго и древнерусскаго языка на новорусскій. Собираютъ они еще и пословицы, поговорки, прибаутки, пѣсни, былины на бѣлорусскомъ жаргонѣ и переводятъ ихъ на русскій языкъ.

Такіе успѣхи, какіе сдѣлали учащіеся, по родному языку, подъ моимъ руководствомъ, убѣждаютъ меня въ мысли, что новый методъ г. Барсова совершенно вѣренъ и непременно произведетъ благодѣтельный переворотъ въ преподаваніи отечественнаго языка. Да не падаетъ духомъ г. реформаторъ! Дай Богъ ему силъ поскорѣе окончить задуманное имъ изданіе хрестоматіи. Въ содѣйствіи вамъ, г. Барсовъ, не сомнѣвайтесь. Когда г.г. преподаватели увидятъ вашъ добросовѣстный трудъ и провѣрятъ его своимъ опытомъ, то, навѣрное, пошлютъ свои отзывы о замѣченныхъ ими недостаткахъ. Я первый тогда сообщу вамъ свои наблюденія.

А Николаевскій.

20 февраля, 1889 г.

г. Себежъ.

## ПАМЯТИ И. П. КОТЛЯРЕВСКАГО ПО СЛУЧАЮ 50-ЛЕТ- НЕЙ ГОДОВЩИНЫ СО ДНЯ ЕГО СМЕРТИ <sup>1)</sup>.

(† 29 окт. 1838—29 окт. 1888 г.)

«Не говорите мнѣ: онъ умеръ,—онъ живетъ;  
Пусть жертвенникъ разбитъ,—огонь еще пылаетъ,  
Пусть роза сорвана,—она еще цвѣтетъ,  
Пусть арфа сломана,—аккордъ еще рыдаетъ».

Надсонъ.

(М.м. Г.г.—ни и М.м. Г.г.—ри!

Унесемся мыслью лѣтъ за шестьдесятъ въ самое сердце Полтавщины! Предъ нами небольшой уединенный домикъ на горѣ близъ крѣпостныхъ полтавскихъ окоповъ, съ небольшимъ же, чисто малорусскимъ вишневымъ садикомъ. Направо отъ него—огромное зданіе Института и садъ по взгорью, налѣво—широкіе луга, и по нимъ, извиваясь, блеститъ рѣка Ворскла, о которой народная пѣсня поетъ:

„Тече ричка невеличка,  
Ворскломъ прозываютъ:  
Про ту ричку невеличку  
Старци й дити знаютъ“.

Далѣ видны темные лѣса, синія манящая взоръ даль, и мѣстами бѣлѣются малороссійскія слободы... Картина такъ хорошо извѣстная всякому украинцу! Особенно очаровательный видъ открывался съ крылечка этого уютнаго и мирнаго „будиночка“. А вотъ и владѣлецъ его. Онъ съ зрительною трубою цѣлые часы лѣтняго дня проводитъ на крыльцѣ своего домика и наблюдаетъ вѣзжающихъ по сосѣдней горѣ поселянъ <sup>2)</sup>. Кто же онъ, этотъ владѣлецъ?—Мало-

<sup>1)</sup> Читано въ одномъ изъ очередныхъ собраній членовъ Нѣжинскаго музыкально-драматическаго общества.

<sup>2)</sup> На свою рѣчь авторъ желалъ бы смотрѣть, какъ на самый скромный вѣнокъ, возложенный на полувѣковую могилу



россійскій писатель, Иванъ Петровичъ Котляревскій, который уже 50 лѣтъ мирно почиваетъ на Полтавскомъ городскомъ кладбищѣ, расположенномъ по кобелякской дорогѣ, 50-лѣтней памяти (со дня смерти) котораго посвящена будетъ наша нынѣшняя бесѣда.

Въ характерѣ покойнаго писателя, природнаго малоросса, гармонично соединились всѣ лучшія черты украинца: горячая любовь къ своей народности и народной поэзии, юморъ и чувствительность.

Если пѣсни нашей милой Украины чарующе дѣйствуютъ на всякаго, кто ни знакомился съ ними, будь то не только великороссъ, но полякъ, чехъ, даже нѣмецъ<sup>3)</sup>, то какъ было не увлекаться ими Ив. Петровичу, который по происхожденію былъ близокъ къ народу<sup>4)</sup>, создавшему эти пѣсни. Онъ былъ страстнымъ любителемъ родного языка, народныхъ обычаевъ, пѣсенъ и преданій. Когда онъ проживалъ, въ качествѣ домашняго учителя, въ домахъ разныхъ помѣщиковъ, то не рѣдко переодѣтый ходилъ на на-

поэта отъ его поклонниковъ—украинцевъ. Рѣчь составлена на основаніи слѣд. трудовъ: 1) Пыпинъ и Спасовичъ: Исторія слав. литературы, т. I, 1879 г.; 2) Н. П. Петрова: Очерки исторіи украинской литературы XIX ст. и 3) Н. П. Дашкевича: Отзывъ о сочиненіи г. Петрова: Очерки исторіи украинской литературы. Отчетъ о двадцатьдевятомъ присужденіи наградъ гр. Уварова и Отд. оттиски.

Описаніе домика Котляревскаго см. у Пассека, Москвитянинъ, 1841 г. № 4, стр. 562. Ср. Дашкевича стр. 68 отд. отт.

<sup>3)</sup> См. кн. Дашкевича стр. 77 и д., гдѣ приведены доказательства, насколько иногда вліяли на поляковъ и др. пѣсни Украины.

<sup>4)</sup> Мѣстный біографъ, который, по мнѣнію г. Дашкевича, заслуживаетъ полнаго довѣрія, говоритъ, что отецъ Котляревскаго «служилъ въ Полтавскомъ городскомъ магистратѣ канцеляристомъ, дѣдъ былъ дьякономъ въ Полтавской соборной Успенской церкви». Такимъ образомъ, несправедливо мнѣніе, будто родители Ивана Петровича принадлежали къ дворянскому роду. См. соч. Петрова стр. 22; ср. кн. Дашкевича 22 стр.

родныя гулянья, игры и вечерницы и здѣсь изучалъ народную украинскую жизнь. <sup>5)</sup> Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, если онъ зналъ наизусть бездну пословицъ, народныхъ поговорокъ, сказокъ, присказокъ и пѣсенъ украинскихъ <sup>6)</sup>. Тутъ же, на этихъ народныхъ игрищахъ и вечерницахъ, Котляревскій развивалъ присущій ему, какъ малороссу, юморъ. У него былъ замѣчательный талантъ острить и рассказывать забавные анекдоты, приче́мъ въ его простомъ малороссійскомъ словѣ сказывалась подъ часъ замѣчательно-поразительная сила <sup>7)</sup>. А насколько глубоко-чувствительнымъ сердцемъ обладалъ онъ, лучше всего видно изъ того, что онъ безъ слезъ не могъ пѣть ни одной пѣсни насчетъ какой-нибудь былиночки-сиротиночки. Къ сказанному о характерныхъ чертахъ личности нашего писателя остается прибавить, что онъ былъ челове́къ свѣтлыхъ и гуманныхъ убѣжденій и безукоризненныхъ правилъ.

Съ такими задатками вступилъ Ив. Петровичъ сперва въ преддверіе жизни—школу, а потомъ и въ самую жизнь. Подъ вліяніемъ этихъ двухъ руководителей указанные задатки должны были окрѣпнуть, развиться и получить то или другое направленіе.—Суровая школа выпала на долю покойнаго писателя. То была Полтавская семинарія. Последняя, какъ и другія семинаріи въ концѣ XVIII ст. (годы ученія Ив. Петровича въ полтав. семинаріи падаютъ именно на это время), представляла не особенно отрадную картину и въ учебно-воспитательномъ и матеріальномъ отношеніяхъ <sup>8)</sup>. Хорошо всѣмъ извѣстенъ типъ школяра—семинариста стара-

<sup>5)</sup> См. соч. Петрова 22 стр., Дашкевича 31.

<sup>6)</sup> Объ этомъ говоритъ Стеблинъ-Каменскій въ св. «Воспоминаніяхъ объ И. П. Котляревскомъ» ср. Петр. *ibid.* и Дашкевича стр. 79, пр. 3.

<sup>7)</sup> См. ст. В. Науменка: «Къ пятидесятилѣтію со дня смерти И. П. Котляревскаго», Киев. Старина, 1888 г. № 11, стр. 390—394. Дашкевича 22.

<sup>8)</sup> О состояніи семинарій въ концѣ XVIII в. см. кн. Е. Шмурло: Митрополитъ Евгеній, какъ ученый. Ранніе годы жизни. 1767—1804. Спб. 1888 г., гл. I.

го времени. При одномъ этомъ имени такъ и рисуется въ воображеніи нашемъ вѣчно оборванный и вѣчно голодный семинаристъ, изъ-за подачекъ славящій Христа подъ окнами, — типъ, получившій безсмертіе въ мѣткѣмъ прозвищѣ „курохвата“<sup>9)</sup>. Учились плохо, потому что часто не было не только книгъ, но и учителей. А пресловутые нравы бурсы едва-ли могли дать много назидательнаго въ нравственномъ отношеніи.

Итакъ, безъ сомнѣнія, школа для Ив. Петровича была плохимъ учителемъ. Неужели она ничему не научила его? Ужели не натолкнула даже на приобрѣтеніе какихъ-либо свѣдѣній? Отвѣтъ на поставленные вопросы даютъ слѣдующія дошедшія до насъ извѣстія. Намъ извѣстно, во 1-хъ, что Котляревскій, предавшись чтенію Вергиліевой Энеиды, еще въ первой молодости написалъ три части Энеиды на малороссійскомъ языкѣ, во 2-хъ, что, вѣроятно, подъ влияніемъ господствовавшей въ семинаріяхъ моды писать вирши, онъ еще на школьной скамьѣ писалъ много разныхъ стиховъ на малороссійскомъ языкѣ. Мы тѣмъ охотнѣе должны вѣрить этимъ извѣстіямъ, что, безъ сомнѣнія, въ 1795 году уже была написана имъ часть Энеиды, за которую онъ принялся, очевидно, ранѣе этого года.<sup>10)</sup> Кромѣ того въ семинаріи же, вѣроятно, Котляревскій знакомился съ известною до него малорусскою литературой, напр. съ сочиненіями Григорія Савича Сковороды, двѣ пѣсни котораго вставилъ онъ

<sup>9)</sup> Ом. Огоновскій въ Исторіи литературы русской (ч. I, Львовъ 1887 г., стр. 409), говоря о соч. Климентія Зѣновѣва, замѣчаетъ, что послѣдній описываетъ также въ своихъ сочиненіяхъ бурсу. «Бурсаковъ въ такихъ школахъ звано «нищунами», пока-якъ они були круглыми сиротами, що поступали подѣ опѣку церкви. Подѣ проводомъ дячковъ и пономаровъ ти бурсаки часто ходили до дворовъ на добычу, изъ за чога звано ихъ «курохватами». Ср. Писання И. П. Котляревскаго» Спб. 1862 г. Объ Энеѣ говорится на стр. 24:

«Прибігъ къ Троянцямъ засапався,

Обмокъ въ поту, якъ-би кунався.

Мовъ съ торгу въ школу курохвату».

<sup>10)</sup> Подробнѣе объ этомъ см. у Дашкевича 23 стр. и д.

въ „Наталку Полтавку“<sup>11)</sup>. Тутъ же, быть можетъ, читаль онъ много книгъ на русскомъ, польскомъ и французскомъ языкахъ, такъ какъ слѣды знакомства съ литературами—русской, польской и французской сказываются въ его произведеніяхъ<sup>12)</sup>.

Но если школа, какъ она ни была плоха, не осталась безъ благотворнаго вліянія на задатки нашего писателя, то жизнь внѣ школы, въ обществѣ оказала на него, безспорно, громадное вліяніе. Необходимо особенно подчеркнуть тотъ фактъ, что въ Полтавѣ, благодаря содѣйствію генераль-губернатора кн. Лобанова-Ростовскаго, большого любителя изящныхъ искусствъ, образовался театръ любителей и директоромъ его былъ Ив. Петровичъ. На этомъ театрѣ давались его драматическія произведенія, возникновеніе которыхъ, безъ сомнѣнія, тѣсно связано съ нимъ<sup>13)</sup>.

Тутъ же, въ жизни, испыталъ Ив. Петровичъ и горе, которое нельзя ничѣмъ поправить и которое кладетъ слѣдъ на всю жизнь человѣка. То было горе неудавшейся любви. Оно сильно поразило чувствительное сердце поэта, заставило его искать утѣшенія въ тревоженіяхъ военной службы и навсегда сдѣлало его одинокимъ: онъ такъ и не узналъ счастья семейной жизни!<sup>14)</sup>

Я позволилъ себѣ, М.м. Г.г—ни и М.м. Г.г—ри, такъ долго удержатъ Ваше вниманіе на свѣдѣніяхъ изъ жизни Котляревскаго, потому что многое, что онъ получилъ отъ природы и что приобрѣлъ житейскимъ опытомъ, чему научился, нашло яркое выраженіе въ его произведеніяхъ.

Пора обратиться къ нимъ.

<sup>11)</sup> Пѣсни эти «Всякому городу нравъ и права» и «Ой доля людская—доля есть слипая». Ср. Петрова 32 стр. О вліяніи Григорія Савича Сковороды на Котляревскаго Ом. Огоновскій говоритъ такъ: «Онъ бо навчивъ Котляревскаго ити мѣжь народъ и просвѣщати своихъ земляковъ наукою здоровою, що основуеся на переказахъ батьковскихъ» (ibid. 415 стр.).

<sup>12)</sup> Объ этомъ въ разныхъ мѣстахъ кн. Дашкевича и кн. Петрова стр. 22, 30.

<sup>13)</sup> Ср. соч. Петрова 23.

<sup>14)</sup> Тоже соч. 24 стр., Дашкевичъ 22.

Извѣстность и славу украинскаго писателя Ив. Петровичъ приобрѣлъ, главнымъ образомъ, тремя произведеніями—Энеидой, Наталкой-Полтавкой и Москалемъ-Чаривныкомъ, о которыхъ я теперь и поведу рѣчь.

Первымъ по времени произведеніемъ Котляревскаго, приобрѣвшимъ чрезвычайный успѣхъ, который не умеръ и въ наши дни, была „Виргиліева Энеида на украинську мову перелицована“<sup>15)</sup>. Появленіе поэмы вызвало всеобщій восторгъ. „Ее читали всѣ сословія, отъ грамотнаго крестьянина до богатаго попа“. Чѣмъ же объяснить такой необыкновенный успѣхъ Энеиды Котляревскаго? Оригиналъ ея—Энеида Вергилія въ 12 пѣсняхъ повѣствуетъ о странствованіяхъ Энея, царя Троянскаго. По разрушеніи Трои, онъ отправляется въ Италію, гдѣ по опредѣленію боговъ, долженъ былъ положить основаніе новой державѣ. Супруга Юпитера Юнона, питая гнѣвъ на троянцевъ еще со времени суда Париса, воздвигаетъ на пути Энея много препятствій, которыя онъ въ концѣ-концевъ счастливо преодолеваетъ.

Къ оригиналу нашъ писатель отнесся довольно самостоятельно: изъ 12-ти пѣсень его онъ сдѣлалъ 6 частей, опустивъ излишнія подробности<sup>16)</sup>. Но суть дѣла и заслуга нашего писателя не въ этомъ сокращеніи оригинала, а въ томъ, что онъ воспользовался странствованиями троянцевъ, чтобы представить рядъ смѣшныхъ картинъ изъ жизни со временныхъ ему украинцевъ.

И въ самомъ дѣлѣ, сколько смѣху въ „перелицовой“ Энеидѣ, того здороваго и задорнаго „региту“, которымъ умѣетъ смѣяться только малороссъ. Передъ нами, точно въ калейдоскопѣ, мелькаютъ картины одна другой ярче, одна другой поразительнѣе. Тутъ всѣмъ достается: и простому мужику и вельможному пану, и ученымъ съ ихъ испещренною латинизмами рѣчью, и педагогамъ, дерущимъ своихъ учениковъ, и школярамъ, достается хохламъ и москалямъ,

<sup>15)</sup> Объ Энеидѣ см. подробнѣе кн. Дашкевича стр. 26 и дал., Петрова 29 и д., Науменка Кіев. Стар. 389 и д. и др. соч.

<sup>16)</sup> Напримѣръ онъ опустилъ въ описаніи ада Кентовровъ. Грифовъ и т. п.

мужчинамъ и еще больше женщинамъ; достается взяточникамъ, старшинамъ и всякому другому начальству <sup>17)</sup>. Читая, просто теряешься, какой картинѣ отдать преимущество: такъ всѣ онѣ ярки и прекрасны! Не осмѣливаюсь утомлять Ваше вниманіе и не привожу ни одной изъ нихъ; но укажу, какъ на лучшія, на мой взглядъ, на сцену въ аду, на жаркую схватку Венеры съ Юноной, на приходъ Венеры къ Вулкану съ цѣлью просить его выковать для Энея вооруженіе на часто встрѣчающіяся попойки троянцевъ.

<sup>17)</sup> Вотъ нѣсколько примѣровъ для подтвержденія сказаннаго:

1) Зібравшись всі паненята,  
Изновъ кружати почали,  
Пилю якъ брагу поросята,  
Горілку такъ віни тягли.

Писання И. П. Б.

стр. 35 2) Якісь мучились тамъ птахи  
Съ куделями на головахъ,—  
Се чесинія, не потіпахи,  
Були тендітні при людяхъ;  
А безъ людей—не можна знати  
Себе чимъ мали забивляти...  
Імъ тяжко въ неклі докоряли...  
Бо щоки терли манією,  
А блейвасомъ и нісь, и лобъ...  
Изъ ріни підставляли зуби,  
Язозили все смальцемъ губи...  
Піндючили якнісь бочки,  
Мостили въ пазусі платочки... *ibid.* 94—95

3) *ibid.* 130 стр. Еней тутъ заразъ всявъ догадку:  
Велівъ побігти до дяківъ,  
Купить Піярськую граматку,  
Полуставцівъ, октоіхівъ...  
Троянське племя все засіло  
Коло книжокъ, що ажъ потіло,  
И по-Латинському гуло.  
Еней відъ нихъ не одступався,  
Тройчаткою всіхъ приганявъ;  
И кто хотъ трохи ліновався,  
Тому субітки вінъ дававъ.

Всѣ эти картины живѣемъ выхвачены изъ малорусской дѣйствительности и вызываютъ невольный смѣхъ. Впрочемъ, не одинъ смѣхъ возбуждаетъ въ читателѣ Энеида нашего писателя: въ ней не мало разбросано авторомъ глубокихъ и гуманныхъ мыслей, которыя въ состояніи навести на читателя горькое раздумье. Часто среди шума и крика перепившейся ватаги троянцевъ вы слышите кроткій и нѣжный голосъ любви и глубокаго сочувствія къ бѣднякамъ. Припомните хоть ту сцену, когда Эней, при видѣ блаженства праведныхъ, спрашиваетъ Сивиллу, свою спутницу, кто такіе эти праведные. Послѣдняя отвѣчаетъ:

„ Не думай, щобъ були чиновні,...  
 Або щобъ грошей скрині повні,  
 Або въ якихъ товстий живіть;  
 Не ті се, що въ цвітнихъ жупанахъ,  
 Въ кармазинахъ, або сапьянахъ;  
 Не ті жъ, що съ книжками въ рукахъ;  
 Не рицарі, не розбішаки;  
 Не ті се, що кричать и паки,  
 Не ті, що въ золотихъ шапкахъ.  
 Се бідні, нищі, навиженні,  
 Що дурнями счисляли їхъ,  
 Старці, хромі, сліпорожденні,  
 Зъ якихъ бувъ людський глумъ и сміхъ.  
 Се, що съ порожніми сумками  
 Жили голодні підъ тинами,  
 Собакъ дражили по дворахъ;  
 Се ті, що бігъ-дасть — получали,  
 Се ті, якихъ випровожали  
 Въ потилицю и по плечахъ....

(Писання И. П. Котляревського. Спб. 1862 г., стр. 108—109).

Всѣмъ картинамъ своей Энеиды Котляревскій сумѣлъ придать народный колоритъ до того, что даже Сивилла вышла у него настоящей украинской вѣдьмой съ Лысой горы. Правда, картины авторъ рисуетъ иногда слишкомъ густыми красками; онѣ ярки, рѣжутъ глаза, и Малороссія

встаетъ предъ нами не въ особенно привлекательномъ видѣ; но за всѣмъ этимъ скрываются честныя побужденія и горячая любовь къ народу, и не для одной забавы и глумленія нарисовалъ все это авторъ! Нѣтъ сомнѣнія, что у него иногда комическое изображеніе украинскаго быта переходитъ въ каррикатурное, но оно совершенно въ духѣ народнаго малороссійскаго юмора. Не даромъ же Энеида и ея картины такъ нравились тѣмъ изъ народа, которые читали ее. Не могъ не понравиться читателямъ и языкъ поэмы. Онъ энергиченъ, выразителенъ, въ высшей степени характеренъ и мѣтокъ, хотя иногда и не лишенъ грубоватости.

Новостью былъ для малорусскихъ читателей и стихъ Энеиды: извѣстныя до того времени въ малороссійской поэзіи неуклюжія силлабическія вирши Котляревскій замѣнилъ гармоническимъ ямбомъ<sup>18)</sup>. Именно тѣмъ и цѣнна Энеида, что въ ней Ив. Петровичъ выказалъ въ блестящемъ видѣ и богатство языка малорусскаго и богатство юмора, таящагося въ душѣ украинца. Паны съ удивленіемъ внимали чудному слову своей родины и по прочтеніи поэмы возымѣли къ нему болѣе сильную и сознательную любовь.

Если въ рамки чуждой Энеиды Котляревскій сумѣлъ вмѣстить много картинъ изъ жизни современной Малороссіи, то еще больше народнаго элемента въ его драматическихъ произведеніяхъ, гдѣ онъ является въ болѣе чистомъ видѣ. Въ двухъ его драматическихъ пьесахъ сильно отразилась любимая поэтомъ, родная и близкая его сердцу Полтавщина. Содержаніе обѣихъ пьесъ взято, по словамъ одного полтавскаго старожила, изъ мѣстныхъ преданій. Особенно это нужно сказать о Москаль-Чаривныкъ<sup>19)</sup>. Тутъ предъ нами

<sup>18)</sup> Что въ этомъ случаѣ на Котляревскаго оказала вліяніе русская литература, видно изъ его «Оды до князя Куракина» (см. *ibid.* стр. 443—451). Вопросъ о томъ, насколько Котляревскій подражалъ вывороченной наизнанку Энеидѣ Осипова и подражалъ ли ей—остается открытымъ. Во всякомъ случаѣ, мнѣніе г. Петрова о подражаніи со стороны Котляревскаго не можетъ быть принято безъ доказательствъ.

<sup>19)</sup> О «Москаль-Чаривныкъ» подробно см. Дашкевичъ 40, 46—47 стр., Петрова—32 и д.



фигурируетъ жена чумака, Михайла Чупруна, Тетяна, угощающая судебного паньча „Финтика“, который объясняется ей въ любви и поетъ романсъ: „Тобою восхищенный“... Они уже собирались было ужинать, какъ имъ помѣшали— сперва подвигившій Москаль, поставленный къ Тетянѣ на квартиру, а потомъ неожиданно возвратившійся домой самъ Чупрунъ. Финтику пришлось для охлажденія любовныхъ чувствъ прятаться подъ припечокъ, откуда онъ выходитъ, принявъ на себя, благодаря шуткѣ Москаля, роль чорта.— По словамъ того же старожила, происшествіе съ Финтикомъ взято Ив. Петровичемъ изъ дѣйствительности и только нѣсколько измѣнено имъ. Въ этой комедіи нашъ писатель коснулся нѣкоторыхъ темныхъ сторонъ современной ему деревенской малорусской жизни. Финтикъ съ одной стороны является отрицательнымъ типомъ, типомъ тѣхъ помазавшихся цивилизаціей пустыхъ паньчей, которымъ стыдно появиться вѣстѣ съ родителями, людьми честными, но простыми и неодѣтыми по модѣ. Съ другой стороны тотъ же Финтикъ представляетъ собою типъ паньча-ловеласа, сводящаго не рѣдко въ нашихъ деревняхъ съ ума молодлицъ. Хорошо, что въ комедіи все такъ благополучно оканчивается; но вѣдь Татьянъ Чупрунихъ и въ деревняхъ, къ сожалѣнію, бываетъ не особенно много! Впрочемъ, не будемъ предаваться грустнымъ размышленіямъ и послѣшимъ перейти къ пьесѣ, которая имѣла громаднѣйшій успѣхъ, которая и въ наши дни не сходитъ со сцены не только провинціальнахъ, но и столичныхъ театровъ и привлекаетъ въ театръ множество публики, которая еще такъ недавно давалась на скромной сценѣ нашего музыкально-драматическаго кружка. Я говорю, конечно, о Наталкѣ-Полтавкѣ<sup>20)</sup>. Появленіемъ своимъ въ свѣтъ пьеса обязана слѣдующему случаю. Въ 1815 г. была напечатана и имѣла громадный успѣхъ (главн. образ. въ столицѣ) опера-водевиль

<sup>20)</sup> О «Наталкѣ-Полтавкѣ» подробно у Петрова 31, у Дашкевича 36 и д. У послѣдняго прекрасно указана связь между пьесами Котляревскаго и театральною рецензіей, явившеюся въ декабрьской книжкѣ «Украинскаго Вѣстника» 1817 г.

„Казакъ-стихотворецъ“, написанная кн. Шаховскимъ. Авторъ никогда не бывалъ въ Малороссіи не зналъ и языка малорусскаго, а между тѣмъ въ своей оперѣ заявлялъ претензію на знаніе украинскаго быта. Понятно, что подобная фальшь не могла не быть замѣчена украинцами. Пьеса, будучи поставлена въ Полтавѣ и Харьковѣ, вызвала критику. Слѣды критики замѣтны и въ оперѣ Котляревскаго. Припомните то мѣсто въ Наталкѣ-Полтавкѣ, гдѣ Петро рассказываетъ о видѣнной имъ комедіи въ Харьковѣ. Онъ называетъ дѣйствующихъ лица оперы кн. Шаховскаго—Прудыуса, Грыцька, Клымовскаго и др.—и указываетъ на порчу языка малорусскаго словами: „...а що говорили, то трудно розібрати, бо сю штуку написавъ Москаль по-нашому и дуже попервертавъ слова“. На незнаніе же авторомъ быта украинскаго указываетъ „Виборний“, говоря: „Отто тилько не чепурно, що москаль взявся по-нашому и про насъ писати, не бачивши зъ-роду края, и не знавши звичаївъ и повирья нашого“.... (Писання И. П. Котл. 1862 г. 357 и 358 стр.) Такъ разные случаи жизни возбуждали поэтическую дѣятельность покойнаго писателя! Въ героинѣ оперетки авторъ съ теплымъ сочувствіемъ раскрываетъ предъ нами прекрасную душу малороссійской дивчины. Такъ просто и такъ глубоко любить можетъ одна украинка. Вы помните хорошо содержаніе этой несложной оперетки, поэтому не буду излагать его. Я только остановлюсь на нѣкоторыхъ сценахъ, которыя особенно сильно дѣйствуютъ на зрителя или читателя пьесы. Тутъ все полно неприкрашенной украинской дѣйствительностью, все такъ близко нашему украинскому сердцу, что мы съ живѣйшимъ интересомъ слѣдимъ за горемъ Наталки, и слезы неволью выступаютъ изъ глазъ, когда мы читаемъ или смотримъ поразительно трогательную и вмѣстѣ необыкновенно простую сцену свиданія Петра и Наталки послѣ долгой разлуки. Вы чувствуете, какой порывъ сильнѣйшей радости охватываетъ влюбленныхъ, если они при свиданіи только и могутъ сказать: „Петро!“—„Наталка!“ А сцена съ матерью, когда Наталка подъ наплывомъ безысходнаго горя подбѣгаетъ къ ней и поетъ:

„Ой, мати, мати! сердце не вважає:  
Кого разъ полюбить, зъ тимъ и помирає“!.. (ibid.  
стр. 325 и 363).

Да, Наталка—перлъ не только Полтавщины, но всей Украины! Намъ кажется такъ естественнымъ, что она подъ конецъ пьесы скромно, но въ тоже время съ сознаниемъ своего достоинства поетъ:

„Ой, я дивчина Полтавка,  
А зовуть мене Наталка,—  
Дівка проста, некрасива,  
Зъ добримъ сердцемъ, неспесива“... (ibid. 376 стр.)

Мы понимаемъ также, почему съ такимъ восторгомъ отзывается о ней Микола: Ай Наталка! ай Полтавка! Отъ дівка, що и на краю пропасти не тільки не здригнулась, а и другого піддержує!...“ (ibid. стр. 367—68). А Петро чѣмъ не Полтавецъ, достойный Наталки? Чѣмъ у него не золотое сердце? Ужели можно безъ слезъ читать или смотрѣть ту сцену, когда онъ для спокойствія „Терпілихи“ рѣшается пожертвовать своей глубокой любовью къ Наталкѣ и уйти куда глаза глядятъ?! Намъ кажется, наконецъ, что въ монологѣ Петра, когда онъ съ горечью говоритъ, какъ горько ему „слухати, що Терпілиху зоветь другій“, а не онъ тещей, слышится собственное горе автора, чувствительное сердце котораго узнало горе неудовлетворенной любви. Безысходнымъ горемъ, щемящей грустью вѣетъ отъ словъ пѣсни, которую поетъ при этомъ страдающій Петро:

....„Другимъ даешъ лишне, мене жъ обижаешъ,  
И що мині миле, и те однімаешъ!... (ibid. 359 стр.)

Прекрасную и трогательную картину любви Наталки и Петра, этихъ простодушныхъ людей, нарушаютъ „Возний“ — „юриста завзятий и хапунъ такой, що и зъ рідного батька злупить“ и „Виборний Макогоненко“, который „человічокъ и добрый бувъ би, такъ біда,—хитрий якъ лисиця; и на всі сторони мотаєтця... И уже де и чортъ не зможе, то пошли Макогоненка, заразъ докаже“. Но и эти отри-

цательные типы, эти дерекенскіе грѣховодники, увлеченные добрымъ порывомъ сердца, оказываются настоящими полтавцами. „Оттокові-то наши Полтавці! Коли діло піде, щобъ добро зробити, то одинъ передъ другимъ хопаютця“, съ восторгомъ говоритъ Микола. А „Виборний“ добавляетъ: Наталка — по всему Полтавка, Петро — Полтавець; та й „Возний, здаеця, не зъ другої губернії“ (ibid 375 стр.).

Что сказать мнѣ, наконецъ, про чудныя пѣсни, которыя вставлены авторомъ въ Наталку Полтавку? Однѣ изъ нихъ чисто-народныя — украинскія пѣсни, какъ пѣсня „Гоминъ, гоминъ, гоминъ по діброві“...; другія составлены Котляревскимъ въ подражаніе народнымъ, какъ извѣстная пѣсня „Віють вітри...“ Но и народныя и сочиненныя авторомъ пѣсни такъ трогательны, чувства въ нихъ представлены такъ правдиво, что ни о какой сентиментальности не можетъ быть и рѣчи. Потому-то „Наталка-Полтавка“ и увлекаетъ всѣхъ такъ сильно, потому-то эта пьеса и „вѣчно юна“, что она глубоко правдиво затрогиваетъ нѣжныя струны чувствительнаго сердца украинцевъ!

Итакъ, въ разсмотрѣнныхъ произведеніяхъ И. П. Котляревскій раскрылъ предъ всѣмъ свѣтомъ сокровища народной души и народного слова украинцевъ; онъ первый обратилъ вниманіе на собраніе сокровищъ народной словесности; онъ глубоко и искренно любилъ свой народъ и сразу сталъ какъ бы народнымъ поэтомъ. Своими произведеніями онъ обратилъ вниманіе всей Россіи на Малороссію. Послѣ него выступили на литературное поприще другіе писатели, произведенія которыхъ вызвали много толковъ и споровъ о малорусскомъ языкѣ, малорусской литературѣ, — о правѣ послѣдней на самостоятельное существованіе. Споръ вышелъ жаркій, продолжительный, страстный; противники въ пылу схватки не всегда были безпристрастны и справедливы. Только въ наши дни хладнокровная и безпристрастная наука разрѣшила этотъ безконечный споръ въ томъ смыслѣ, что малорусскій языкъ не есть какой-либо особый языкъ, а только нарѣчіе общерусскаго языка; что малорус-

ская литература не будетъ никогда общенародною, даже въ земляхъ, населенныхъ исключительно малорусскою народностью; но что она, какъ литература провинціальная, можетъ имѣть мѣсто рядомъ съ литературой общерусскою, потому что имѣетъ свою особую область для наблюденія и вдохновенія и можетъ на языкѣ своемъ разказать всему свѣту про свои горе и радость <sup>21)</sup>.

Уже тотъ фактъ, что И. П. Котляревскій своею дѣятельностью и успѣхомъ своихъ произведеній вызвалъ другихъ дѣятелей на поприще украинской литературы и былъ виновникомъ возникшаго позднѣе спора о малорусскомъ языкѣ и литературѣ, уже этотъ фактъ говоритъ о важномъ значеніи его, какъ писателя. Не даромъ же съ него начинаютъ новый періодъ украинской словесности, называютъ его родоначальникомъ новѣйшей украинской литературы <sup>22)</sup>. Но если бы Иванъ Петровичъ Котляревскій и не произвелъ такого крупнаго переворота въ близкой намъ литературѣ своими произведеніями, ужели его неподобная пьеса „Наталка-Полтавка“, которая такъ восторгаетъ насъ, которая вызываетъ на глазахъ нашихъ слезы, которая нѣжной и глубокой любовью двухъ полтавцевъ сладостно волнуетъ наше сердце, говоря о лучшихъ дняхъ нашей жизни, ужели эта вѣчно юная пьеса не оправдываетъ словъ нашего великаго

<sup>21)</sup> О спорѣ и его рѣшеніи см. гл. VI не разъ названной кн. г. Дашкевича.

<sup>22)</sup> См. Огоновскій съ Котляревскаго начинается пятый періодъ исторіи малорусской литературы. Онъ говоритъ (исторія л. р. стр. 5): «періодъ пятый—одъ Ивана Котляревскаго до нашихъ часовъ. Сей періодъ уважается чисто-русскимъ (читай малорусскимъ) або народнымъ». Г. Дашкевичъ исторію украинской литературы XIX ст. сводитъ къ тремъ основнымъ теченіямъ или направленіямъ—юмористическому, романтическому и украинфильскому народничеству. Котляревскаго онъ причисляетъ къ первому теченію. См. кн. г. Дашкевича, 248 стр. и слѣд.

(Ни одно изъ примѣчаній не было читано при произнесеніи рѣчи).

лирика, нашего батька Тараса Шевченка, сказавшаго въ стихотвореніи „На вічну пам'ять Котляревському“:

...„Будешъ, батьку, пануваты,  
Поки живуть люды;  
Поки сонце зъ неба с'яе,  
Тебе не забудуть“!...

(Т. Г. Шевченко. „Кобзарь“. Спб. 1884 г., стр. 94).

С. Брайловскій.

## БИБЛІОГРАФІЯ.

### „Русское правописание“. П. Иванова.

Раннее прекращеніе занятій по грамматикѣ русскаго языка и вообще малонаучная его постановка въ нашей средней школѣ — сказываются, между прочимъ, въ не вполне удовлетворительной и устойчивой грамотности оканчивающихъ эту школу: одна изъ важнѣйшихъ задачъ изученія отечественнаго языка оказывается такимъ образомъ не всегда выполненною.

Устранить какъ названное явленіе, такъ и вообще смутность и сбивчивость грамматическихъ свѣдѣній нашихъ учениковъ по русскому языку — могутъ, разумѣется, лишь коренныя измѣненія въ обычной постановкѣ этого предмета — поднятіе его на степень главнаго предмета курса средней школы.

Въ частности, что касается затронутого вопроса объ успѣхахъ нашей средней школы въ правописаніи, достигнуты они могутъ быть, конечно, лишь подъ условіемъ возможно полнаго ознакомленія учащихся съ историко-этимологическими основами русскаго правописанія, т. е., съ происхожденіемъ, составомъ и исторіей формъ роднаго языка.

Для всего этого необходимы: и продленіе историческаго изученія отечественнаго языка до послѣднихъ классовъ школы, и болѣе научный характеръ этихъ занятій.

Съ этой точки зрѣнія, и средняя школа нуждается не въ краткихъ конспектахъ для повторенія, не въ „элементарныхъ руководствахъ“, но въ пособияхъ, съ надлежащей полнотой соединяющихъ и строгую научность, т. е., согласіе съ послѣдними данными историческаго и сравнительнаго языковѣдѣнія.

Переходя изъ области желаній въ область дѣйствительности и обращаясь къ труду, заглавіе котораго выше выписано, мы, хотя и относимъ его къ названнымъ краткимъ конспектамъ для повторенія, признаемъ однако его,

при настоящемъ statu русскаго языка, пособіемъ пригоднымъ и полезнымъ.

Въ пользу систематическаго повторенія \*) всѣхъ свѣдѣній, касающихся правописанія, едвали можно сомнѣваться: получаютъ они, что называется, урывками, приобрѣтаются чаще всего разнымъ механическимъ (нашколиваніемъ) и не могутъ, конечно, при такихъ условіяхъ, быть ни основательными, ни прочными, что и обнаруживается постоянно и въ школь, и внѣ ея. Какъ попытку дать противовѣсъ и этой отрывочности, и этой механичности въ обученіи правописанію, и рассмотримъ мы книжку г. Иванова.

Всѣ внѣшнія особенности книги, какъ учебника, въ ней соблюдены: стройное, со стороны системы, изложеніе матеріала, краткость и большею частію точность правилъ, простота изложенія и т. п. Что—до самыхъ правилъ правописанія, мы скажемъ пока только, что они строго согласованы съ академическимъ руководствомъ.

Обращаясь къ частностямъ, не можемъ не указать на нѣкоторыя стороны, на которыя автору слѣдовало бы обратить вниманіе при послѣдующихъ изданіяхъ книги.

1) Авторъ совершенно безъ нужды нарушаетъ признаваемые имъ самимъ требованія точности и, внося въ дѣло путаницу, употребляетъ вездѣ вмѣсто термина „звукъ“ терминъ „буква“.

2) Термины „тихій“, „шопотный“ „громкій“, справедливо отвергнутые въ академическомъ руководствѣ, удержаны почему-то г. Ивановымъ; здѣсь мы вообще замѣтимъ, что фонетику, въ виду особой ея важности въ данномъ во-

\*) Мы вообще думаемъ, что рѣчь здѣсь можетъ идти лишь о повтореніи, а не о выдѣленіи отдѣла о правописаніи въ самостоятельный предметъ для систематическаго его прохожденія: такое дробленіе предмета едва ли можно признать желательнымъ, не говоря уже о такъ называемыхъ практическихъ затрудненіяхъ; авторъ, впрочемъ, очень неясно говоритъ въ предисловіи о роли своего руководства:—для систематическаго ли прохожденія, или только для повторенія знаній, приобрѣтенныхъ при общемъ курсѣ предмета, оно назначается.



прось, слѣдовало бы изложить ближе къ акад. руководству, гдѣ этотъ отдѣлъ изложенъ съ надлежащей полнотою.

3) Обстоятельнѣе слѣдовало бы изложить и ученіе о составѣ слова, проведя, напр., точнѣе разницу между суффиксомъ и флексіей, между основой и корнемъ слова; суффиксъ, напр., опредѣляется въ руководствѣ г. Ивановымъ чисто механически („часть слова, слѣдующая за корнемъ“).

4) Не мало механическаго \*) и въ правилахъ о переносѣ словъ; между тѣмъ авторъ преслѣдуетъ, какъ цѣль, именно сознательность въ орфографіи.

5) Не совсѣмъ удачно изложенъ отдѣлъ объ обобщающемъ *ни* и отрицающемъ *не*; вмѣсто термина „обобщающій“ нарѣчію *ни* приданы терминъ (и значеніе) „усиливающій“ (качество или дѣйствіе).

6) Недостаточно выяснены основанія правописанія именъ собственныхъ и словъ иностранныхъ. (Стр. 27).

7) Въ ученіи о знакахъ препинанія не достаточно опредѣленно выставленъ и раскрытъ основной принципъ въ этомъ вопросѣ: знаки препинанія должны служить какъ бы отраженіемъ теченія мысли съ ея изгибами и отгѣнками.

8) Безъ ущерба для цѣлей книжки можно бы выбросить—на стр. 8—особенности народнаго говора („общество“); на стр. —40—нар. „горѣ“, „индѣ“, на стр. 67—3-е правило.

9) Къ опечаткамъ относимъ написанія безыизвѣстный, безыименный—на стр. 22 й.

Что до самаго правописанія, мы уже упомянули, что авторъ неуклонно держится академическаго руководства, оставаясь вполнѣ вѣрнымъ ему и въ случаяхъ, далеко не общепризнанныхъ.

Къ такимъ, кромѣ спорнаго—ого, относимъ, напр., написанія: „расчетъ“ при „разсчитывать“ („я на это разсчитываю, и мой расчетъ представляется мнѣ вѣрнымъ“) разбѣвать, разинуть, разореніе (сущ. и глаголъ

\*) Напр. о сочетаніяхъ *бл*, *пл*, *мл*, *жд*, о роли плавныхъ звуковъ.

„зорить“, напр. „зорить гнѣзда“) гостиная, есимоны (вм. мееимоны), и нѣк. др.

Зачѣмъ дѣлать уступки произношенію (далеко не общему для стомилліонной Россіи) въ этихъ формахъ, не дѣлая ихъ въ другихъ и настаивая, напр., на писаніи: тароватый, наважденіе, итти и др.?

Какъ книгѣ, роль которой скорѣе всего будетъ ролью справочной книги, не достааетъ руководству г. Иванова справочнаго указателя, и вообще, со стороны полноты свѣдѣній—(условіе, необходимое для справочной книги)—не слѣдовало бы, думается, допускать здѣсь сокращеній сравнительно съ академическимъ руководствомъ.

### С. Воскресенскій.

1889 г.  
Марта 28-а.

Библиотека греческихъ и римскихъ классиковъ въ русскомъ переводѣ. VI. Эпиктетъ. Основаніе стоицизма. Съ греческаго перевелъ В. Алексѣевъ. Спб. 1888.

Въ „Филологическихъ Запискахъ“ прошлаго года мы говорили уже объ этомъ изданіи. Въ настоящее время вышелъ изъ печати новый выпускъ его—переводъ, пользующійся широкою популярностью „основаній стоицизма“ Эпиктета. Какъ философъ-стойкъ Эпиктетъ все играетъ въ исторіи греческой философіи выдающуюся роль, и произведенія, дошедшія до насъ подъ его именемъ и составленное Арріономъ изъ различныхъ мѣстъ сочиненій своего учителя, представляютъ *compendium* ученія Зенона и позднѣйшихъ стоиковъ, выраженный въ краткихъ и мѣткихъ афоризмахъ и сентенціяхъ. Въ оригиналѣ оно называется *Ἐγχειρίδιον*—*Manuale*, *Manuel*, *Handbuch*, по русски—„карманная книжка“, „руководство“ \*). Неудобство этихъ заглавій и застави-

\*) Рукопись, по своей неразборчивости и крайне мелкому письму, затруднила насъ возстановить точный смыслъ текста.

ло, вѣроятно, г. Алексѣва перевести „Εὐχαιρίδιον“ — словомъ „основанія“. Во веденіи переводчикъ въ краткой формѣ, но не безъ ошибокъ, излагаетъ сущность стоическаго ученія и переходитъ затѣмъ къ біографіи Эпиктета. Намъ кажется первую часть введенія можно было бы совершенно выпустить и подробнѣе остановиться на личности самаго Эпиктета и значеніе его въ исторіи греческой философіи вообще. Въ остальномъ, новый трудъ г. Алексѣва представляетъ тѣже неоспоримыя достоинства, какъ и предъидущія, — вѣрную передачу текста и мысли подлинника и прекрасный, вполне литературный языкъ. На примѣчанія переводчикъ въ этомъ выпускѣ не поспешилъ, — они встрѣчаются почти на каждой страницѣ, хотя, повидимому, г. Алексѣевъ предназначаетъ свои труды если и не для специалистовъ, то во всякомъ случаѣ для людей, знакомыхъ съ особенностями древней жизни. Съ одной стороны взглядъ этотъ вѣренъ, такъ какъ обиліе примѣчаній неизбѣжно отозвалось бы на цѣнѣ книги.

Внѣшность изданія, при не дорогой его стоимости, чрезвычайно изящная. На обложкѣ книги г. Алексѣевъ объясняетъ цѣль и программу своего изданія. Первая серія „библіотеки“ будетъ состоять изъ переводовъ девяти классиковъ; напечатаны пока шесть. Принимая во вниманіе дешевизну выпусковъ и вполне добросовѣстную передачу на русскій языкъ оригинала, можно надѣяться, что изданіе г. Алексѣева будетъ имѣть заслуженный успѣхъ въ средѣ нашихъ филологовъ, для которыхъ она представляетъ отчасти единственное средство познакомиться съ произведеніями древнеклассической литературы, не имѣя подъ рукою подлинника.

## ВУКЪ КАРАДЖИЧЪ И ЕГО СБОРНИКЪ НАРОДНЫХЪ СЕРБСКИХЪ ПЪСЕНЬ.

(Окончаніе).

### VIII.

Послѣдній отдѣлъ сербскихъ народныхъ пѣсенъ составляютъ пѣсни о гайдукахъ. Послѣ Косовской битвы сербы утрачиваютъ свою политическую самостоятельность. Скоро побѣдители ихъ турки превратили всѣхъ сербовъ въ райю, низвели ихъ на степень рабовъ и деспотически царили надъ ними вплоть до недавнихъ дней, до того времени, пока, наконецъ, Русскій народъ, не будучи въ состояніи долѣе слышать стоны и вопли своихъ братьевъ по крови и видѣть ихъ мученія, не освободилъ славянъ Балканскаго полуострова отъ тяжелаго и позорнаго ига турецкаго.

Въ тяжелые годы рабства, нѣкоторыя отдѣльныя личности не могли выносить турецкаго ига; эти лица выходили изъ общества, удалялись въ горы, лѣса и ущелья и отсюда производили нападенія и набѣги на турокъ. Общее названіе этихъ частныхъ враговъ турокъ — гайдуки. Первые гайдуки происходили, по большей части изъ древнихъ, богатыхъ и сильныхъ родовъ. Затѣмъ, когда сербская нація обращена была турками въ райю, когда всѣ сословія были сглажены, гайдуки ничѣмъ не отличаются отъ остального населенія. Мы уже сказали, что первыми гайдуками руководила идея мести туркамъ. Первоначально они, сколько возможно, стараются наносить вредъ туркамъ: грабятъ ихъ, отнимаютъ подати, которыя тѣ собирали и выжимали изъ покореннаго населенія, нападаютъ на дома ихъ, рѣжутъ и убиваютъ своихъ притѣснителей; затѣмъ, мало-по-малу, гайдуки не довольствуются исключительно этою идеею мести только туркамъ, они начинаютъ нападать уже и на своихъ, начинаютъ производить набѣги на селенія и на зажиточныхъ поселянъ, безъ различія національности и вѣроисповѣданія. Однако нужно замѣтить, что истинный гайдукъ рѣдко нападалъ на своего же серба; нѣтъ страшнѣе обиды для него, какъ если бы кто назвалъ его воромъ или мошенникомъ. Идея мести туркамъ всегда была въ сознаніи и никогда не забывалась истиннымъ

гайдукомъ: поэтому всегда, когда только народонаселеніе поднимало оружіе противъ своихъ притѣснителей, гайдуки приставали къ общему дѣлу и сражались противъ турокъ въ первыхъ рядахъ.

Родоначальникомъ гайдуковъ можетъ быть названъ упоминаемый въ пѣсняхъ Старина Новакъ. Что побудило его сдѣлаться гайдукомъ, объ этомъ разскажетъ намъ пѣсня: «Старина Новакъ и кнезъ Богославъ». Пьютъ вино князь Богославъ и гайдукъ Новакъ. За рюмкой вина Богославъ и спрашиваетъ Новака о причинѣ, побудившей его сдѣлаться гайдукомъ. «Лютая нужда», отвѣчаетъ Новакъ, «заставила меня уйти въ гайдуки. Когда Ирина строила Смедерево, нарядила она меня на работу. Работалъ я честно три года, а не получилъ отъ нея даже на овучи. И это, пожалуй, я простилъ бы ей, да тутъ подоспѣло другое горе. Построивши городъ, начала она ставить башни, золотить ворота, окна и наложила подать на весь округъ: съ каждой избы по триста дукатовъ. Я былъ человѣкъ бѣдный, заплатить не могъ: взялъ заступъ, которымъ работалъ, и пошелъ въ гайдуки. Когда я проходилъ близъ Романіи, попались мнѣ на встрѣчу турецкіе сваты съ женихомъ и невѣстою. Всѣ они прошли мирно, но женихъ, проѣзжая на конѣ мимо меня, ударилъ меня плетью, съ мѣднымъ наконечникомъ, по спинѣ. Три раза я его умолялъ пощадить меня, но онъ не внялъ моимъ просьбамъ и продолжалъ хлестать меня. Я вышелъ изъ терпѣнія, хватилъ его заступомъ такъ, что изъ него и духъ вонъ вышелъ. Я подскочилъ, сунулъ руку въ карманъ, нашелъ три кошелька съ деньгами, взялъ все это, потомъ отвязалъ саблю его, сѣлъ на его коня и поѣхалъ прямо къ Романіи, а заступъ оставилъ, чтобы туркамъ было чѣмъ зарыть его въ землю. Вотъ ужъ сорокъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, и я привыкъ къ горѣ и лѣсу Романіи, полюбилъ ихъ больше, чѣмъ собственный дворъ. Sterегу себѣ дорогу черезъ гору, отнимаю у Сараевской молодежи серебро, сукно, бархатъ; одѣваю себя и товарищей; всегда готовъ и преслѣдовать, и

убѣгать, и постоять на страшномъ мѣстѣ. Не боюсь никого, кромѣ Бога!» Такъ закончился разсказъ.

Такимъ образомъ, причина, побудившая Новака сдѣлаться гайдукомъ, была чисто личнаго свойства: онъ не могъ заплатить дани, наложенной Приной на его область. Вообще, нужно замѣтить, что у каждаго была своя частная, личная цѣль, и такихъ причинъ, по которымъ народъ шелъ въ гайдуки, было очень много самаго разнообразнаго характера. Часто побудительною причиною являлась бѣдность и надежда разбогатѣть въ гайдукахъ. Такая причина заставила сдѣлаться гайдукомъ Пивлянина. Часто шли въ гайдуки и изъ за дѣвушки, когда въ ней откажутъ или кто заранѣе завладѣетъ ею. По такой причинѣ сдѣлался гайдукомъ Павелъ Плетикоса. Ему понравилась одна дѣвица; мать не хотѣла отдать ее за него. Павелъ сдѣлался гайдукомъ. Съ дружиной своей онъ избиваетъ въ послѣдствіи всѣхъ сватовъ и отнимаетъ ту дѣвушку, которую прежде не выдавала ему ея мать. Какъ ни разнообразны причины, заставлявшія нѣкоторыхъ уходить въ гайдуки, нельзя однако не замѣтить, что всѣ эти причины не что иное, какъ развѣтвленія и различные отгѣнки одной общей причины—господства турокъ и возникшаго отсюда новаго гнетущаго порядка вещей.

Другимъ замѣчательнымъ гайдукомъ, часто прославляемомъ въ сербскихъ пѣсняхъ, является Стоянъ. Въ пѣснѣ «женидба од Задра Тодора». Мустафа-ага, врагъ Стояна, такъ описываетъ его: «усы у него черные, доходятъ они до плечъ, и съ плечъ падаютъ на пистолеты до взводовъ; на груди у него сквозь усы сіяетъ бляха, словно пятнадцатидневный мѣсяцъ сквозь вѣтви ели; на головѣ перья и султаны, девять перьевъ, двѣнадцать султановъ, а тринадцатый крыло птицы страуса, крыло это повертывается и указываетъ, откуда дуетъ вѣтеръ. При взглядѣ на него, оказывается, что онъ не таковъ, какъ другіе юмаки. Старый онъ боець, змѣя лютая подъ камнемъ, насолилъ и надоѣлъ онъ уже и султану, и кесарю, и ватинскому кралю. Плохо дѣло: дожидаться,—

всѣмъ безъ исключенія погибнуть, не дожидаться—срамъ и позоръ; надъ нами будутъ издѣваться краишники.» Въ пѣснѣ «Роиство Іанковића Стојана», Стоянъ и братъ его Илья послѣ взятія турками ихъ роднаго города Котора, были отведены въ Стамбуль. Жили они здѣсь девять лѣтъ и семь мѣсяцевъ, потомъ украли ключи, награбили денегъ и убѣжали на родину въ Котаръ. Когда они были уже въ Котаръ, Стоянъ предложилъ Ильѣ итти прямо въ свой дворъ, а самъ направился туда же мимо своего виноградника. Въ виноградникѣ увидѣлъ Стоянъ свою мать. Она рѣзала свою косу и взяла виноградъ, слезами своими поливала виноградныя лозы, вспомнила при этомъ своего Стояна:

«Ой, Стояне, яблоко золотое!

Мать уже позабыла тебя,

Не могу лишь забыть я снохи Елицы;

Сноха Елица, злато не ношеное.»

Стоянъ привѣтствуетъ ее и молвитъ ей такія слова: «старая сиротина! Развѣ нѣтъ у тебя кого-нибудь помоложе, чтобы покопать виноградникъ; ты вѣдь, спотыкаешься, бѣдная! «Нѣтъ, кормилецъ, удалецъ незнакомый, нѣтъ у меня никого помоложе, кромѣ Стояна, единого сына, да и того турки въ плѣнъ взяли; его и Илью моего, Стояна брата. Послѣ Ильи осталась молодая люба, пятнадцать только дней съ нимъ жила, а отъ моего Стояна осталась жена еще моложе, недѣлю лишь жила съ нимъ. Сноха моя адамское колѣно: ждала она его девять лѣтъ и семь мѣсяцевъ; а теперь ее опять выдаютъ замужъ. Я съ горя смотрѣть не могла и убѣжала въ виноградникъ». Услышавъ эти слова, Стоянъ быстро направляется къ двору бѣлому и застаётъ тамъ сватовъ нарядныхъ. Они отлично приняли его, сейчасъ же усадили за столъ. Выпилъ Стоянъ вина и проситъ дозволенія у сватовъ спѣть что-либо. Ему позволяютъ. Онъ заводитъ такую пѣсню:

«Вила гнѣздо птица-ласточка,

Вила его девять лѣтъ,

А сегодня утромъ развивать начала;  
 Прилетѣлъ къ ней сивъ-зелень соколь  
 Отъ столицы царя честнаго  
 Да и не даетъ ей гвѣзда развивать.»

Сваты не поняли значенія этой пѣсни. Догадалась жена Стояна. Она выпускаетъ руку деверя, уходитъ въ свѣтлицу и сообщаетъ сестрѣ Стояна радостную вѣсть о прибытіи ея брата и своего господина. Является въ свѣтлицу сестра и отыскиваетъ глазами брата. Отыскала и давай цѣловаться; цѣлуются въ щеки, щека щеку слезами моютъ, отъ радости, отъ трепета сердечнаго. А сваты говорятъ: государь, Стоянъ Янковичъ! А что же получимъ мы за деньги наши? Много мы истратили денегъ, пока выпросили твою жену. «Постойте, сваты, говоритъ Стоянъ, дайте на сестру наглядѣться, а потомъ мы легко расчитаемся, вѣдь мы люди». Насмотрѣвшись на сестру, Стоянъ началъ подарки раздавать сватамъ, кому платокъ, кому тонкую рубаху, а жениху свою милую сестрицу. Разошлись сваты нарядные. Подъ вечеръ возвращается домой мать; она идетъ и, какъ кукушка, причитываетъ, своего сына Стояна вспоминаетъ. Услыхала звуки голоса жена Стояна, вышла она на бѣлый дворъ, принимаетъ матушку и говоритъ ей таковы слова: ты не причитай, моя старая матушка! Тебя старую солнце обогрѣло: вотъ тебѣ Стоянъ, сынъ твой! Старуха мать, увидя своего сына, отъ радости упала мертвою на черную землю. Стоянъ схоронилъ свою мать хорошо, по-царски. — Въ пѣснѣ «Два Куртића и Бончић Алил» Стоянъ является избавителемъ своей любимой сестры, которую похитилъ было Тала. Пѣсня эта обращаетъ на себя вниманіе въ высшей степени поэтическимъ описаніемъ наружности сестры Стояна. Мы приведемъ это замѣчательное по силѣ народнаго поэтическаго сравненія описаніе:

«А какова она, дай ей Господи!

«Она лучше бѣлой вилы!

«Очи у ней—два дорогихъ камня;



«Двѣ щеки—двѣ румяныхъ розы;  
 «Брови—пьявицы морскія;  
 «Рѣсницы—крылья ласточки;  
 «Бѣлые зубы—двѣ нитки бисера,  
 «А тонка она, какъ лоза,  
 «Высока—какъ сосна;  
 «Играетъ когда, словно павлинъ гуляетъ,  
 «Говоритъ когда, словно голубъ воркуетъ.  
 «Засмѣется, солнце словно грѣетъ».

Упомянувши о двухъ главныхъ гайдукахъ, часто прославляемыхъ въ сербскихъ пѣсняхъ, скажемъ нѣсколько словъ объ особенностяхъ быта гайдуковъ, какъ онъ представляется по пѣснямъ. Возымѣвшій желаніе сдѣлаться гайдукомъ, уходитъ изъ своего роднаго города или селенія и если только онъ извѣстенъ храбростью, удалюю, отвагой, то самъ собираетъ вокругъ себя дружину, въ противномъ случаѣ примыкаетъ къ какой-нибудь уже существующей дружинѣ. Въ каждой дружинѣ есть свой начальникъ, который называется или воеводой, или харам-башей, или чето-башей. Начальникъ этотъ играетъ роль предводителя дружины, никакихъ правъ надъ личностью гайдука своей дружины онъ не имѣетъ. Каждый гайдукъ всегда и во всякое время можетъ оставить своего начальника и свою дружину и перейти въ другую дружину. Если начальникъ извѣстенъ или прославился своею доблестью, что и бываетъ въ большинствѣ случаевъ, то онъ пользуется глубокимъ уваженіемъ и привязанностью своей дружины. При раздѣлѣ добычи, начальникъ не пользуется никакими преимуществами. Вся добыча дѣлится всегда поровну между всѣми участвовавшими въ стычкѣ или простомъ грабежѣ. Начальникъ обыкновенно испытываетъ желающихъ вступить въ его дружину. Въ пѣснѣ «Сењанин Тадија» упоминаются нѣкоторые способы этого испытанія. Тадија, собравъ дружину, обращается къ ней съ такими словами: «Не найдется ли между вами юнака, который бы отправился къ пастуху и ста-

щилъ у него къ ужину дружинѣ девятигодоваго барана и хорошаго семилѣтняго козла»? Всѣ юнаки потупили глаза въ землю. Одинъ только Иванъ Которецъ не задумался. Онъ вскочилъ съ своего мѣста и быстро принесъ барана и козла. Тадія съ обоихъ животныхъ сдираетъ кожу и пускаетъ ихъ на рубленые еловые сучья; козелъ зацѣпится за сукъ и кричитъ благимъ матомъ, баранъ зацѣпится—молчитъ. Которецъ, не понимая значенія поступка Тадіи съ животными, спрашиваетъ начальника, зачѣмъ онъ ободранныхъ барана и козла пустилъ на еловые сучья. Тадія ему такъ пояснилъ: «Какія мученія испытываютъ эти животныя, еще большія предстоитъ испытать юнакамъ у турокъ, если только кто-нибудь попадется имъ въ руки, а потому, если кто можетъ перенести подобныя мученія, пусть спокойно идетъ, какъ этотъ ободранный баранъ, а кто не въ состояннн, пусть вернется лучше домой». Сказавъ эти слова, Тадія вскочилъ на коня и поскакалъ въ гору. Оглянулся Которецъ, а десяти друзей, какъ не бывало. Вотъ онъ и говоритъ Тадіи: «Зачѣмъ, Тадія, напугалъ ты дружину? Десять друзей убѣжало». «Пусть ихъ бѣгутъ», отвѣчаетъ Тадія, если испугались они живого ободраннаго козла, что стали бы они дѣлать, если бы завтра встрѣтили Хасанъ-агу-Куну и его тридцать крайшниковъ, пылкихъ, какъ огонь. Черезъ нѣсколько шаговъ, еще десятка не стало, прошли еще нѣсколько шаговъ, осталось всего только трое. «Не бойтесь, дорогіе братья, сказалъ имъ Тадія: что сдѣлаютъ тридцать юнаковъ, то могутъ сдѣлать три добрыхъ юнака, если судьба будетъ благоволить намъ». Изъ этой пѣсни видно, какими качествами должны отличаться гайдуки. Они должны быть храбрыми, мужественными, неустрашимыми, готовыми въ огонь и въ воду, на висѣлицу и на колъ, должны быть крѣпкаго и здороваго тѣлосложенія и обладать сильными вервами. Каждый гайдукъ смотритъ на гайдучество, какъ на особый подвигъ, которымъ онъ гордится. Гайдуки очень религіозны, они соблюдаютъ посты, говѣютъ, уважаютъ праздники, мо-

лятся, считают необходимымъ передъ началомъ подвига «помянуть Бога истиннаго». Они всегда поминаютъ умершихъ; добычу обыкновенно дѣлятъ между живыми и мертвыми: за того изъ погибшихъ гайдуковъ, у кого есть на дому родные, долю его изъ добычи получаетъ ближайшій родственникъ, у кого же изъ павшихъ нѣтъ дома родственниковъ, доля его идетъ на поминъ его души. Обычай побратимства соблюдается гайдуками въ высшей степени свято. Таковъ нравственный обликъ хорошаго гайдука. Гайдуцкія дружины обыкновенно совершаютъ свои подвиги весною и лѣтомъ. Зимой дѣйствія ихъ прекращаются; они передъ наступленіемъ зимы расходятся, условившись, въ какой день и гдѣ они опять сойдутся. Нѣкоторые изъ нихъ возвращаются зимой въ свое родное село, къ своимъ родственникамъ, но здѣсь они скорѣе рискуютъ попасть въ руки турокъ; послѣдніе смотрятъ на нихъ, какъ на разбойниковъ и при поимкѣ кого-нибудь изъ нихъ наказываютъ смертною казнію самаго ужаснаго вида—сжигаютъ на колѣ. Избѣгая турокъ, гайдукъ обыкновенно находитъ себѣ пріятеля, который и принимаетъ его у себя въ селѣ. Такіе пріятели называются ятаками. У ятака гайдукъ остается всю зиму, днемъ онъ прячется отъ посторонняго глаза, а ночью пируетъ и распѣваетъ пѣсни. Въ случаѣ, если ятакъ измѣнитъ гайдуку и предастъ его въ руки турокъ, ятака ожидаетъ страшное мщеніе, хотя бы черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ. Вотъ какъ передаетъ одинъ случай мести Сербская пѣсня: «Раде од Сокола и Ашин - бег». На зеленомъ лугу посавскомъ пьютъ вино три побратима, три гайдука. Одинъ назывался Сава, другой—Павель, третій—Янко. Съ ними пируютъ и тридцать ихъ друзей. Напившись вина, Сава и говоритъ: «Братья мои и моя дружина! Прошло лѣто, прошелъ Дмитріевъ день, выпалъ снѣгъ, одѣлись снѣгомъ планины, нельзя ходить по лѣсу. Поищемъ себѣ зимованья, гдѣ кому зиму провести». «Далеко отсюда», говоритъ Павель, «у меня есть во Влахѣ Старомъ отецъ и мать, у нихъ я три зимы зимовалъ, тихо

и мирно вино распивалъ, перезимую и эту зиму, да возьму съ собой пятнадцать еще товарищей». А у меня, говоритъ Сава, «есть въ Митровицѣ Богомъ побратимъ, перезимую я у него съ остальными друзьями и товарищами». «У меня только милые братья и дорогіе други», говоритъ Янко, «никого нѣтъ родныхъ, есть только турчинъ, Богомъ побратимъ, въ городѣ Коницѣ. Три зимы зимовалъ у него, мирно вино попивалъ, перезимую и эту зиму, буду себѣ вино пить. Только вотъ что, братья: когда наступитъ Юрьевъ день, лѣсъ украсится листвою, а земля травой и цвѣтами, сойдемся мы опять на этомъ мѣстѣ, а если кто не придетъ, будемъ искать его всѣ вмѣстѣ: пожалуй, случится, быть можетъ измѣна». Переговоривши между собою, они дружески простились, поцѣловались и разошлись каждый въ свою сторону. Днемъ лежать, а ночью расхаживаютъ. Пришелъ Янко въ Коницу, къ побратиму Али-бегу, подошелъ къ его двору и шелкнулъ кольцомъ на воротахъ. Услыхала жена Али-бега и говоритъ мужу: «кто-то кольцомъ шелкаетъ, мнѣ кажется, что это деверь мой Янко. Выбѣжалъ Али-бегъ, отворилъ ворота и какъ увидѣлъ своего побратима, принялъ его въ свои объятія. Отвелъ Али-бегъ своего гостя въ верхнюю часть жилья и угостилъ, какъ слѣдовало. Вечеромъ Янко передалъ побратиму два шелковыхъ пояса, наполненныхъ дукатами; одинъ ему въ подарокъ, а другой просилъ сберечь. Потомъ Янко подарилъ женѣ Али-бега три нитки, двѣ золотыхъ, и одну изъ бисера. Наступила ночь, всѣ улеглись спать и заснули. Одинъ только Али-бегъ не спалъ. «Слушай, жена», говоритъ Али-бегъ, «хочу я убить побратима своего Янка; съ какой стати я стану держать въ своемъ домѣ гайдука». «Не смѣй», отвѣчаетъ жена, «дѣло это неправое и кончится не добромъ; Янко тебѣ Богомъ побратимъ и ты ему въ этомъ клялся; а если ты зарышься на деньги, то ихъ хватить и для тебя и для него, пока живъ Янко». Не послушался Али-бегъ хорошаго совѣта жены, поднялся съ постели, вытащилъ ножъ, пошелъ и зарѣзалъ своего по-

братима Янко. Вотъ проходитъ зима, наступаетъ весна. Павелъ и пишетъ письмо своему побратиму Саввѣ: «побратимъ мой, Сава изъ Посавля! зеленѣютъ ли луга посавскіе? Кукуютъ ли кукушки? Есть ли трава на берегу Савы? Ходятъ ли ладьи по Савской водѣ? Сбѣютъ ли турки свои дыни? Можно ли ходить уже по лѣсу?» Савва ему отвѣчаетъ, что все готово, пора собираться и сходить въ Юрьевъ день. Подошелъ и Юрьевъ день, день сходокъ гайдуцкихъ. Собрались въ этотъ день тридцать товарищей, одного лишь Янко не было. Ждали его въ продолженіе недѣли, его не было. Вотъ и говорить Савва: «братья мои и моя дружина! Что-то нѣтъ нашего Янка? Не измѣнилъ ему турчинъ побратимъ? Пойдемте, братья, поищемъ». Двинулись въ путь два побратима, а за ними тридцать человѣкъ гайдуковъ. Подошли къ воротамъ Али-бега. Ворота оказались затворенными. Щелкалъ Павелъ кольцомъ на воротахъ, никто не выходитъ отворять. Тогда онъ перескакиваетъ черезъ каменную ограду и отворяетъ ворота дружинѣ. Входитъ въ домъ и спрашиваетъ Али-бега о Янкѣ. «Янко вашъ умеръ, отвѣчаетъ бегъ, я схоронилъ его по вашему христіанскому обычаю. «Гдѣ же его три пояса денегъ въ такомъ случаѣ, гдѣ его одежда и оружіе? Деньги и оружіе оставилъ Янко вамъ, когда придете спрашивать объ немъ, сказалъ Али, а одежду вмѣстѣ съ нимъ закопалъ я въ землю». Если и закопалъ ты одежду, то серебро уже, должно быть, не зарылъ. На доламѣ его зеленой тридцать пуговицъ золотыхъ». Дѣлать нечего, вынесъ Али зеленую доламу, а долама кровью закапана, на правомъ плечѣ прорѣзана. Лишь только увидѣлъ это Савва, пролилъ слезы, ударилъ себя рукой по колѣну, такъ что сукно на колѣнѣ лопнуло. Выхватили тогда сабли гайдуки, изрѣзали бега на мелкіе куски, имущество его разграбили, домъ сожгли и отправились въ зеленый лѣсъ, сожалься о гибели товарища и друга.

Таковъ въ самыхъ общихъ чертахъ бытъ гайдуковъ по пѣснямъ. Гайдуки, какъ мы выше замѣтили,

всегда присоединялись къ общему дѣлу, направленному противъ турокъ. Лишь только народонаселеніе поднимало свое оружіе, возставало противъ турокъ за свое освобожденіе изъ подъ ихъ ига, гайдуки всегда примыкали къ народному возстанію и дѣйствовали съ замѣчательною энергіею. Изъ ихъ среды вышли замѣчательнѣйшіе вожди во время послѣднихъ народныхъ возстаній сербовъ. Таковы были: Георгій Черный, Милошъ, Чупичъ и Велько. Подвиги ихъ воспѣты во многихъ народныхъ пѣсняхъ. Что касается юнацкихъ пѣсенъ послѣдняго отдѣла, пѣсенъ, въ которыхъ прославляются подвиги гайдуковъ, обрисовываются ихъ бытъ, ихъ нравы, нужно замѣтить, что пѣсни этого отдѣла ниже по эпической красотѣ и оригинальности пѣсенъ древнѣйшихъ, тѣхъ пѣсенъ, которыя мы отнесли къ тремъ первымъ отдѣламъ. Замѣчаніе это въ особенности относится къ пѣснямъ новѣйшаго времени, содержаніемъ которыхъ служатъ послѣднія дѣйствія сербскихъ гайдуковъ противъ турокъ и событія послѣднихъ народныхъ возстаній сербскихъ за свое освобожденіе изъ-подъ ненавистнаго и тяжелаго турецкаго ига. Пѣсни эти въ большинствѣ случаевъ представляютъ подражаніе древнѣйшимъ пѣснямъ въ отношеніи эпическихъ приемовъ, эпическаго склада, формы, стиха, красоты, вѣжности и мягкости.

Гайдуцкими пѣснями мы и заканчиваемъ очеркъ юнацкихъ или героическихъ народныхъ сербскихъ пѣсенъ. Намъ еще остается упомянуть о женскихъ народныхъ пѣсняхъ; указать на ихъ характеръ, на ихъ отличіе отъ юнацкихъ пѣсенъ и представить въ общихъ чертахъ ихъ содержаніе.

## IX.

Женскія народныя пѣсни, „эти гармоническія“, по выраженію Тальви, изліянія „вѣжнаго, свѣжаго, неподдѣльнаго чувства“ посвящены обрядамъ, по преимуществу, свадебнымъ, быту пастушескому и земледѣль-

ческому. Онѣ воспроизводятъ всю семейную жизнь со всѣми ея радостями и несчастіями, рисуютъ намъ домашнія отношенія, вводятъ насъ въ сербскія хижины—гдѣ происходятъ будничныя занятія и праздничное веселье, показываютъ намъ сербскую женщину со всѣмъ ея внутреннимъ міромъ, съ ея стремленіями, съ ея симпатіями и антипатіями. Женскія пѣсни могутъ быть названы лирическими, потому что почти каждая изъ нихъ проникнута извѣстнымъ господствующимъ чувствомъ, въ каждой выражается одно преобладающее душевное настроеніе. Любовь къ роднымъ и милому, разлука съ нимъ—составляютъ содержаніе очень многихъ женскихъ пѣсней. Въ противоположность юнацкимъ пѣснямъ, которыя передавая въ эпическомъ стилѣ историческія воспоминанія своего народа, заключаютъ ихъ въ неизмѣнные «десетерцы», женскія пѣсни, не будучи связаны музыкой мелодіи, отличаются большею свободой стихосложенія, какъ въ количествѣ слоговъ, такъ и въ правильномъ повтореніи ихъ двухъ, трехъ строкъ стиха; онѣ допускаютъ припѣвы и строфическое построеніе, смотрятъ болѣе, по замѣчанію Караджича, на «пјевање, него на пјесму». Поются онѣ не исключительно женщинами и дѣвушками, часто мужчинами, большею частью вдвоемъ—дѣвушкой и парнемъ. Родиной ихъ служатъ, большею частію, тѣ низменныя мѣстности, гдѣ забыты пѣсни юнацкія: деревни Срема, Баната, Бачки, нѣкоторые города Босны, тѣ, главнымъ образомъ, края, гдѣ цивилизація придала нѣкоторую утонченность общему чувству. Всѣ женскія пѣсни Вукъ Караджичъ разбиваетъ на нѣсколько отдѣловъ: свадебныя, паптровскіе за здравіе, перастскія за здравіе, паптровскія похоронныя, крадецкія или хоровыя, додольскія, колядскія, рождественскія, пѣсни слѣпцовъ, мифологическія, пѣсни распѣваемые на вечеринкахъ, жнеческія, игорныя, праздничныя, колыбельныя, любовныя и другія. Свадебныя пѣсни—это самыя замѣчательныя по древности пѣсни. Происхожденіе многихъ изъ нихъ относится къ очень древнему періоду жизни сербскаго народа. Пѣсни

этого рода приспособлены къ разнообразнымъ церемоніямъ сербской свадьбы. Традиціонныя символическія обряды и церемоніи показываютъ униженіе, въ какое ставятъ себя сербскія женщины при заключеніи брака. Всѣ свадебныя пѣсни отличаются веселостью; веселость эта переходитъ по временамъ въ тихую грусть при мысли дѣвушки о томъ новомъ положеніи, въ которомъ она должна очутиться по выходѣ замужъ. Ей придется очутиться въ новой семьѣ, при другой обстановкѣ и среди незнакомыхъ ей людей, которыхъ она должна любить и слушаться. Новою семьею ея будетъ то семейство, къ которому принадлежитъ женихъ, а находясь среди этого семейства, она должна не забывать и всегда помнить, «что чужой отецъ—ея отецъ, чужая мать—ея мать, чужой братъ—ея братъ, чужое село—ея село».

Папштровскія пѣсни за здравіе—это припѣвы на извѣстныя молитвы, которыя произносятся на пирахъ предъ тостами. У жителей Папштровскаго округа, по словамъ Караджича, существуетъ обычай провозглашать на свадебныхъ, именинныхъ и другихъ пирахъ по семи тостовъ. Первый бокаль поднимаютъ во славу Божию, второй—во славу всѣхъ святыхъ, третій—за здоровье домохозяина, четвертый—за здравіе священства, пятый—за здоровье своего начальства, шестой—за здоровье Царя и, наконецъ, седьмой—за здоровье всего присутствующаго общества. Каждому тосту предшествуетъ приспособленная къ нему молитва, а каждая молитва имѣетъ свой, такъ называемый, припѣвъ, который и поется всѣми присутствующими на пирушкѣ. Для примѣра приведемъ одну изъ молитвъ и соответствующій молитвѣ припѣвъ. Возьмемъ тость (здравицу) во славу всѣхъ Святыхъ.

#### Молитва

Во славу всѣхъ святыхъ Угодниковъ Божіихъ, которые находятся при престолѣ Бога въ царствѣ небесномъ! Да поможетъ Богъ и всѣ святые нашему брату домохозяину и всякому, кто ему добра желаетъ.



## Припѣвъ:

Еще Бога молимъ и пресвятую его Славу!

Святой Николай, всѣмъ намъ помоги!

Ты позволь намъ вино весело пить,

Весело пить и въ чести быть.

У жителей мѣстечка Пераста есть свои пѣсни, которыя они поютъ при питьѣ за здравіе. Вукъ Караджичъ записалъ нѣсколько изъ нихъ и помѣстилъ въ своемъ сборникѣ подъ общимъ названіемъ «перашке почашнице». Количество ихъ не велико, всего только двѣнадцать пѣсенъ, изъ нихъ двѣ посвящены юнаку, остальные поются при питьѣ за здоровье умнаго человѣка, хозяина дома, хозяйки, ювоши, невѣсты, дѣвушки, женщины и дитяти. Содержаніемъ этихъ коротенькихъ пѣсенъ служитъ благопожеланіе тому, въ честь кого пьютъ. За здоровье, напримѣръ, невѣсты поется пѣсня такого содержанія:

Посади (виноградную) лозу среди виноградника,

Провелъ воду съ трехъ колодцевъ,

Чтобъ лоза всегда зелена была,

Чтобъ невѣста наша всегда весела была.

Пѣсня оканчивается обыкновеннымъ припѣвомъ:

И око и чело

Све-ти, сестро, весело!

Пастровскія похоронныя—это не что иное какъ причитанья передъ покойникомъ, переданныя въ формѣ пѣсенъ.

Въ предисловіи къ этому отдѣлу пѣсенъ Вукъ Караджичъ говоритъ, что у всѣхъ сербовъ существуетъ обычай оплакивать покойниковъ, но нигдѣ, исключая Пастровичанъ, не встрѣчается постоянныхъ, опредѣленныхъ причитаній, заключенныхъ въ стихотворную форму и распѣваемыхъ надъ покойникомъ. Одни только Пастровичане имѣютъ опредѣленные пѣсни, приноров-

ленные къ погребальной церемоніи. У нихъ существуютъ опредѣленные пѣсни, распѣваемые надъ покойникомъ въ то время, когда онъ лежитъ еще въ избѣ, когда его выносятъ изъ избы, когда происходитъ отпѣваніе и когда его положить въ гробъ. Пѣсни распѣваются женщинами: обыкновенно родственники покойнаго, взявшись за руки, становятся въ кружокъ и, окруживъ такимъ образомъ покойника, поклоняются ему и распѣваютъ пѣсни. Каждый стихъ пѣсни повторяется два раза. Одна изъ женщинъ запѣваетъ, а всѣ остальные подпѣваютъ ей, какъ въ хороводѣ. Каждый стихъ оканчиваютъ еще припѣвомъ, въ родѣ:

Ајте, бане! или Куку, бане! или Леће бане!

Крадецкія пѣсни—это пѣсни распѣваемые хоромъ дѣвушекъ, совершающихъ обрядовыя игры въ Троицынъ день. Дѣвушки числомъ отъ десяти до пятнадцати, распѣваютъ пѣсни хоромъ въ день Троицы предъ домами своихъ знакомыхъ, подругъ, предъ домами высихъ лицъ, пользующихся почетомъ и уваженіемъ.

Крадецкія пѣсни распѣваются дѣвушками и при совершеніи ими въ этотъ день обрядовыхъ игръ. Для знакомства съ содержаніемъ ихъ приведемъ нѣсколько пѣсенъ этого характера.

(Предъ домомъ Короля).

Кралю, свѣтлый кралю!

Кралю, свѣтлый кралю, лелѣ!

Королева госпожа!

Королева госпожа!

Королева госпожа, лелѣ!

Встань, погулай,

Встань, погулай,

Встань погулай, лелѣ!

Отъ двора до двора,

Отъ двора до двора,

Отъ двора до двора, лелѣ!

До царева стола,

До царева стола,

До царева стола, лелѣ!

Гдѣ царь вино пьетъ,

Гдѣ царь вино пьетъ,

Гдѣ царь вино пьетъ, лелѣ

Царица ему служитъ,

Царица ему служитъ,

Царица ему служитъ, лелѣ!

(Предъ домомъ дѣвушки).

Здѣсь намъ сказываютъ

Про дѣвушку незамужнюю;

Или замужъ ее выдавайте,

Или намъ ее отдайте;

И мы ее замужъ выдадимъ

За Ивана школьника,

Попова племянника,

Который перомъ пишетъ;

Онъ записываетъ

Очи дѣвушки

И лице юнацкое.

(Юношѣ).

Здѣсь намъ сказываютъ

Про юношу неженатаго;

Или вы его жените,

Или намъ отдайте;

И мы его женимъ

На граціозной Подунавкѣ

Или Поморавкѣ

Много даетъ подарковъ Подунавка:

Одинъ подарокъ

Свекру и свекрови

Другой—куму и деверю

Третій—остальнымъ сватамъ.

Къ обрядовымъ пѣснямъ относятся такъ называемыя додольскія пѣсни. Лѣтомъ во время засухи у сер-

бовъ происходитъ празднество. Цѣль этого обрядоваго праздника испросить у Бога дождя. Въ этотъ день собираются обыкновенно дѣвицы, устраиваютъ игры и хоромъ распѣваютъ примѣненныя къ этому случаю пѣсни. Вотъ одна изъ такихъ пѣсень:

Молимся вышнему Богу!

Ой додо, ой додоле!

Да прольетъ обильный дождь!

Ой додо, ой додоле!

Да ороситъ наши поля!

Ой додо, ой додоле!

И озимую пшеницу!

Ой додо, ой додоле!

И два листа кукурузы!

Ой додо, ой додоле!

Обрядовыхъ пѣсень очень много въ Сербіи. Празнуетъ ли сербъ какогонибудь Святаго, у него есть соотвѣтствующая сему случаю пѣсня. Когда онъ постится—поетъ пѣсни въ честь поста. Выходитъ въ поле, вспахиваетъ землю, собираетъ посѣвы, совершаетъ игры въ праздничные дни—непремѣнно все это сопровождается пѣсней. Пѣсня неразрывно связана съ его жизнью. Пѣсня сопровождаетъ всякую его работу, всякій исполняемый имъ обрядъ, всякую игру.

Особый отдѣлъ, хотя и очень немногочисленный составляютъ пѣсни съ содержаніемъ миѳологическимъ. Въ пѣсняхъ этого отдѣла уцѣлѣли остатки древнихъ миѳологическихъ представленій, прежнихъ преданій и вѣрованій. Большинство этихъ пѣсень относятся къ древнему періоду, ко временамъ доисторическимъ, къ быту патриархальному. Главными дѣйствующими лицами въ пѣсняхъ этого содержанія являются существа миѳологическаго свойства, въ большинствѣ случаевъ вилы и и огненные змѣи, съ которыми люди находятся въ сношеніяхъ; далѣе—въ миѳическихъ пѣсняхъ выступаютъ, какъ живыя лица, небесныя тѣла: солнце и мѣсяць.

Последній отдѣлъ, самый большой по объему; со-

ставляютъ пѣсни любовныя. Самое названіе этой группы пѣсень указываетъ на ихъ содержаніе. Любовь со всѣми ея проявленіями составляетъ основу и содержаніе всѣхъ пѣсень этой категоріи. Любовь сестры къ брату, брата къ сестрѣ, любовь дѣвушки къ милому, разлука съ нимъ, тоска по немъ, боязнь быть выданой за-мужъ не за милого—вотъ обыкновенные и чаще всего повторяющіеся мотивы всѣхъ любовныхъ народныхъ пѣсень сербовъ. Чтобы составить себѣ нѣкоторое понятіе о нихъ, приведемъ нѣсколько любовныхъ пѣсень. Возьмемъ первую изъ помѣщенныхъ въ сборникъ Вука Караджича. Она озаглавлена: «Риба и дјевојка». Въ этой пѣснѣ выставляется та дѣтская наивность молоденькой дѣвушки, которая является иногда необходимымъ слѣдствіемъ изысканнаго, по понятію сербовъ, воспитанія. Это идеальное воспитаніе дѣвушки заключается въ томъ, что она почти до выхода за-мужъ растетъ взаперти, «не видя ни солнца, ни мѣсяца, не зная, какъ хлѣбъ родится, какъ трава растетъ, не зная, что такое мущина». Вотъ о такой именно дѣвушкѣ, получившей изысканное идеальное воспитаніе и передается въ пѣснѣ «Риба и дјевојка».

Дѣвушка у моря сидѣла

И такъ сама съ собой говорила:

Ахъ, милый и правый Боже!

Есть ли что шире моря?

Есть ли что длиннѣ поля?

Есть ли что быстрѣ коня?

Есть ли что слаще меду?

Есть ли что дороже брата?

Молвила ей рыбка изъ воды:

Дѣвушка, глупенькая ты дѣвушка!

Шире моря—небо,

Длиннѣ поля—море,

Быстрѣ коня—очи,

Слаще меду—сахаръ,

Дороже брата—милый».

Далѣе, приведемъ нѣсколько прекрасныхъ лирическихъ пѣсенъ, въ которыхъ выражается исключительно настроеніе любящаго сердца или по большей части, настроеніе двухъ любящихъ сердецъ. Часто это настроеніе передается въ формѣ драматической, въ видѣ обмѣна рѣчей между двумя дѣйствующими лицами.

### Јово и Марија.

«Вѣтеръ срываетъ въ полѣ розу и несетъ ее прямо на шатеръ Ивана. Въ томъ шатрѣ сидѣли Иванъ и Марија. Иванъ пишетъ, а Марија вышиваетъ. Не достало Ивану черныхъ чернилъ, а Маріи золотыхъ нитокъ. Вотъ Иванъ и говоритъ Маріи:

О Марија, душа моя дорогая!  
 Мила ль тебѣ моя душа?  
 Не тверда-ль тебѣ моя правая рука?  
 Мама ему тихо отвѣчаетъ:  
 Вѣрь ты, Ваня, и сердцемъ и душой!  
 Твоя душа дороже мнѣ  
 Дорогихъ моихъ четырехъ братьевъ;  
 Твоя правая рука легче  
 Четырехъ самыхъ мягкихъ подушекъ.

### Братъ и сестра и тушиика

Зазеленѣлъ темный боръ,  
 Въ немъ гуляютъ братъ съ сестрой.  
 Говоритъ сестра брату:  
 Что ко мнѣ ты, братъ, не ходишь?  
 Я бы радъ ходить, сестрица,  
 Да изъ дому не пускаетъ  
 Молода краса-дѣвица.  
 Я коня лишь осѣдлаю,  
 А подруга разсѣдлаетъ,  
 Саблю острую надѣну,  
 А подруга саблю сниметъ,  
 Не ходи мой другъ, далеко,

Мутна рѣчка, вѣдь, глубока,  
Широко, вѣдь, чисто поле  
Что, мой милый, за неволя!

Эта пѣсня приведена нами въ переводѣ Берга.

### Смртъ драге и драгого

Мать спрашиваетъ сына Михаила:

Сынъ, Миша, гдѣ ты пропадалъ всю ночь?

Не брани меня, родная матушка!

Я проводилъ время съ тремя дѣвушками:

Одна изъ нихъ тонка и высока,

Другая—бѣла и румяна,

Третья черноокая дѣвица.

Которая высока и тонка,

По той болитъ голова у меня, матушка;

Которая бѣла и румяна,

По той сердце болитъ у меня, матушка;

Которая черноокая дѣвица,

За ту хочу, матушка, умереть.

Брось меня, родная, на легкія носилки,

Пронеси меня возлѣ ея двора,

Чтобъ видала меня черноокая дѣвица.

Сказавши это, онъ испустилъ духъ. Мать уложила его на носилки, пронесла его возлѣ двора любимой его дѣвушки. Черноокая увидѣла его и говоритъ своей старой матери: Я умираю, моя старая мать! Положи меня на легкія носилки и носи меня за этимъ мертвецомъ. Выкопайте намъ рядомъ могилы и чрезъ гробы соедините наши руки.

### Смртъ Ивана и Елене.

Иванъ и Елена сильно любили другъ друга. Вотъ однажды Иванъ и говоритъ Еленѣ: «Елена, душа моя дорогая! спрашиваю тебя, хочешь ли выйти за-мужъ за меня»? Елена ему отвѣчаетъ: «Дорогой мой Иванъ! Ты меня спрашиваешь, хочу ли выйти за тебя? Да, я хочу, но нужно спросить у милой моей матери, выдастъ ли

она меня за тебя». Идетъ она къ бѣлому двору, увидѣла матушку и спрашиваетъ: «милая матушка моя, просить меня у тебя молодой Иванъ. Хочешь ли выдать меня за него?»

«Не дури, Елена! говоритъ мать, я хочу выдать тебя за болѣе лучшаго и богатѣйшаго. Идетъ Елена къ горѣ, встрѣчаетъ Ивана и рассказываетъ ему обо всемъ. Затѣмъ подаетъ ему такой совѣтъ: Иванъ мой, дорогой изъ дорогихъ! Проси племянницу мою Маиду, она меня и выше и лучше и одеждой богаче» на это Иванъ ей отвѣчаетъ: «лучше, не говори пустяковъ, дорогая моя Еля! Пусть себѣ Маида и выше и лучше и одеждой богаче, но сердцу моему она не мила. Какъ бы то ни было, онъ все-таки послѣдовалъ совѣту своей милой. Отправляется онъ къ бѣлому двору и просить Маиду; получивъ согласіе, онъ отправляетъ къ ней сватовъ. Елена увидѣла сватовъ Ивана, подозвала свою матушку и сказала, что еслибъ она согласилась тогда выдать ее за Ивана, то теперь они шли бы къ ней. Когда сваты прошли мимо двора Елены, заплакала прекрасная дѣвица: она не могла снести душевнаго горя, взошла на башню и тамъ повѣсилась. На ея могилѣ простился съ душой и Иванъ. Здѣсь подлѣ милой его Елены, похоронили и его. Пѣсня оканчивается словами:

«Да убьетъ Богъ и стараго и младого,  
«Кто разлучитъ двухъ милыхъ и дорогихъ.

Пѣсня «Драги и Недраги» выставляетъ дѣвушку, готовую переносить всѣ невзгоды, лишь бы только выйти за-мужъ за милаго. Дѣвушка эта обращается къ матери и умоляетъ ее не выдавать ее за немилаго чловѣка.

Не выдавай меня, матушка, за немилаго,  
Лучше съ дорогимъ по горѣ ходить буду,  
Питаться зернами боярышника, съ листа воду пить,  
Холодный камень подъ голову класть,  
Чѣмъ съ немымъ по двору ходить,  
Вѣсть сахаръ и на шелку спать.



Въ нѣкоторыхъ любовныхъ пѣсняхъ дѣйствующими лицами являются соловей и конь. Приведемъ двѣ пѣсни

Конь (въ переводѣ Майкова).

Свѣтлолица, черноброва

Веселѣе бѣла дня,

Водить дѣвица лихого,

Опѣннаго коня;

Гладить гриву вороного

И въ глаза ему глядитъ:

«Я коня еще такого

Не видала, говоритъ.

Чай, коня и всадникъ стоитъ.

Только онъ тебя наврядъ

Вдоволь холить и покоить

Что онъ—холость, аль женатъ?»

Конь мотаеъ головою,

Бьетъ ногою, говоритъ:

«Холость—только за душою

Думу крѣпкую таить.

Онъ со мною, стороною,

Заговаривалъ не разъ—

Не послать ли за тобою

Добрыхъ сватовъ въ добрый часъ.»

А она въ отвѣтъ, краснѣя:

Я для добраго коня

Стала бѣ сыпать, не жалѣя,

Полны ясли ячменя;

Стала бѣ розовыя ленты

Въ гриву черную вплетать,

На попону позументы

Съ бахрамою нашивать;

Въ вѣчной холѣ, безъ печали

Мы бы зажили съ тобой....

Только бѣ сватовъ высылали

Поскорѣ бы за мной».

## Соловей (въ переводѣ Берга).

Распѣвала пташка мала,  
 Пташка мала соловейко,  
 Въ темной рошѣ распѣвала,  
 Что на вѣткѣ на зеленой.  
 Три охотника проходятъ  
 Увидали соловейку;  
 Говорить имъ соловейко:  
 «Не стрѣляйте, не губите!  
 Я спою за то вамъ пѣсню,  
 Во дубровѣ, въ темной рошѣ,  
 На шиповникѣ, на розѣ!»  
 Но охотники поимали  
 Малу пташку соловейку  
 И съ собою пташку взяли,  
 Чтобы въ клѣткѣ распѣвала,  
 Красныхъ дѣвокъ забавляла.  
 Да не сталъ имъ соловейко  
 Пѣть свои лѣсныя пѣсни:  
 Онъ не пѣть, не ѣсть въ неволѣ.  
 Отпустили соловейку  
 Въ темну рощу, лугъ зеленый,  
 И затѣмъ онъ на свободѣ:  
 «Тяжко другу жить безъ друга,  
 А соловушкѣ безъ луга!»

## X.

Въ заключеніе обзора сербскихъ народныхъ пѣсенъ мы скажемъ еще нѣсколько словъ о тѣхъ пѣсняхъ, которыя составляютъ собою какъ бы особый отдѣлъ, не подходящій строго ни къ пѣснямъ юнацкимъ, ни къ женскимъ. Пѣсенъ этого отдѣла очень немного. Въ сборникѣ Вука Караджича, ихъ всего двѣнадцать. Останавливаемся на нихъ потому, что онѣ имѣютъ важное значеніе въ двухъ отношеніяхъ: съ одной стороны онѣ яркими красками обрисовываютъ нравы извѣстнаго періода

жизни сербскаго народа, съ другой характеризуютъ всю разницу между юнацкими и женскими пѣснями.

Ничѣмъ такъ ярко не опредѣляется разница между юнацкими и женскими пѣснями, какъ тѣми двѣнадцатью пѣснями, которыхъ Вукъ Караджичъ не зналъ, куда отнести, къ женскимъ или юнацкимъ. Вукъ относительно этихъ пѣсенъ говоритъ: «нѣкоторыя пѣсни находятся какъ бы на межѣ между женскими и юнацкими пѣснями, такъ что не знаешь, куда ихъ отнести, къ женскимъ или къ юнацкимъ». Эти двѣнадцать пѣсенъ, которыя можно назвать пѣснями срединнаго, промежуточнаго характера, особенно замѣчательны въ томъ отношеніи, что ими характеризуется различіе между юнацкими и женскими пѣснями и на нихъ отразилась вся грубость этой эпохи. Караджичу казались онѣ принадлежащими къ женскимъ пѣснямъ потому, что всѣ онѣ проникнуты чувствомъ любви, съ другой стороны Караджичъ могъ причислить ихъ къ юнацкимъ потому, что во всѣхъ этихъ пѣсняхъ перечисляются имена героевъ и ихъ подвиги. Необходимо замѣтить, что всякая юнацкая пѣсня содержитъ какое нибудь историческое воспоминаніе. Пѣсни промежуточнаго характера также не лишены историческаго элемента и въ нихъ есть историческое содержаніе, но дѣло въ томъ, что это историческое содержаніе имѣетъ значеніе чисто эпизодическое: изъ жизни того или другаго героя взять эпизодъ и спѣтъ исключительно съ цѣлью нравоучительною. Того идеальнаго настроенія, которое присуще каждой юнацкой пѣснѣ, нѣтъ. Во всякой юнацкой пѣспѣ сербъ представленъ непремѣнно христіаниномъ, который помнитъ свое прошедшее и вдохновляется этимъ воспоминаніемъ. Этихъ идеальныхъ чертъ въ пѣсняхъ срединнаго характера мы не находимъ: онѣ исчезли, эпизодъ ихъ развивается въ средѣ исторической современности, въ тотъ именно періодъ жизни сербскаго народа, когда турки своимъ деспотизмомъ, доведеннымъ до крайнихъ размѣровъ всякаго рода произволомъ, гнѣтомъ и насиліемъ довели сербовъ почти до обезличенія, когда большая часть сербовъ, въ

особенности, женщины представляли изъ себя мѣръ за-  
таенной грусти и тихихъ страданій, мѣръ, въ которомъ  
сложены были въ гробъ все почти проявленія человѣ-  
ческой мысли и самосознанія, въ которомъ въ силу это-  
го должны были и дѣйствительно развивались грубые и  
дикіе инстинкты, мѣръ, въ которомъ люди не жили, а  
прозябали. Въ силу этихъ именно тяжелыхъ историче-  
скихъ обстоятельствъ пѣсни срединнаго или промежуточ-  
наго характера содержать много турецкихъ словъ и  
множество чертъ, свидѣтельствующихъ о крайней грубо-  
сти нравовъ того времени. Такъ, въ пѣснѣ «Цетинька и  
юн Рядовица» дѣвушка, замѣтивъ, что одинъ изъ юна-  
ковъ очень равнодушенъ къ ней, предлагаетъ ему за  
право владѣть ея сердцемъ очень грубое условіе, а имен-  
но: переплыть во всеоружіи юнацкомъ рѣку Цетинку.  
Въ пѣснѣ «Јана Млезиница» мать извергаетъ проклятіе  
на совѣмъ ни въ чемъ неповинную, только что родив-  
шуюся дочь. Дѣло было такъ: мать, имѣвшая уже де-  
вять дочерей, ждала десятаго сына. Надежды ея не  
сбылись. Въмѣсто сына родился дочь. Когда крестный  
отецъ спросилъ у матери, какое дать имя дочери, она  
отвѣтила: «назови ее Явней, чертъ ее побери!» Выше  
мы имѣли случай замѣтить, что всякое проклятіе, равно  
какъ и благословеніе, по вѣрованію народа, сбывалось  
во всей точности. Проклятіе, произнесенное матерью, не  
осталось безъ послѣдствій и въ данномъ случаѣ. Когда  
дочь была уже совершеннолѣтнею, она однажды подош-  
ла къ рѣкѣ и услышала голосъ горной вилы. Мать,  
вспомнивъ свое проклятіе, стала удерживать дочь; она  
бѣжитъ за дочерью и зоветъ ее вернуться домой, но та  
отвѣчаетъ: «вернись ты домой богоотступница, послѣ  
того какъ ты отдала меня сюда». Во всѣхъ пѣсняхъ  
этого, такъ называемаго, срединнаго, или промежуточ-  
наго характера ярко выступаютъ нѣкоторыя черты огру-  
бленія народа подъ обезличивающею властью турокъ.

Ф. Вереvскій.



## ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Отдѣльныя изданія Редакціи, вышедшія въ последнее время.

**Баллады Шиллера.** Опытъ объясненія первой группы балладъ, 1882. Ц. 1 р. 20 к. Д. В. Цвѣтаева.

**О словахъ съ противоположными значеніями.** Проф. В. И. Шерцля, 1884. Ц. 60 к.

**О благозвучіи русскаго языка.** І. Шарловскаго, 1885. Ц. 30 к.

**Названія цвѣтовъ и символическое значеніе ихъ.** Проф. В. И. Шерцля, 1884. Ц. 70 к.

**Очерки изъ области фонетики.** 1885. Проф. В. И. Шерцля. Ц. 1 р. 20 к.

**Языкъ Пушкина въ его произведеніяхъ.** 1886. Г. Миловидова. Ц. 25 к.

**Къ вопросу о надстрочныхъ знакахъ въ древнеславян. и русскихъ рукописяхъ.** 1887. Е. Будде. Ц. 30 к.

**Основные принципы научной теоріи литературы.** 1888 г. Ц. 60 к., а на веленовой бум. съ перес. 80 к. В. Плотникова.

**Образованіе словъ въ языкѣ и задачи словопроизводства съ образцами корнесловія.** 1888. Ц. 50 к. Г. Е. Линника.

**Значенія множ. числа въ рус. языкѣ.** 1888 г. Цѣна 40 к. А. Аѳ. Потевни.

**И. М. Бѣлоруссовъ. Зачатки русской литературной критики.** Вып. II. А. Ѳ. Мерзляковъ, какъ теоретикъ и критикъ. 1888. Ц. 50 к.

**Русское слогаудареніе.** (Обстоятельныя разысканія и выводы о законахъ ударенія). 1889. (Трудъ многихъ лѣтъ по изслѣдованію даннаго вопроса). Вып. 3-й. Ц. 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 50 к. І. Шарловскаго.

**Задача и направленія романа въ историческомъ его развитіи.** Д. Рисова. 1889. Ц. 20 к.

**Двадцатипятилѣтній юбилей** изданія «Филологиче-скихъ Записокъ», Юбилейный Сборникъ. Ц. 50 в. съ перес.

**Указатель статей** за весь 25-лѣтній періодъ этого изданія. Ц. 40 к.

**Чествованіе пятидесятилѣтней** ученой дѣятельности академика и профессора **Ө. И. Буслаева**, съ дополне-ніемъ (съ статьей проф. **А. Кирпичникова**, интересной, какъ воспоминаніе о **Ө. И.** и его замѣчательное отно-шеніе къ студентамъ со стороны научной). 1889 г. Ц. 40 к.

**Основные элементы языка** и начала его развитія. Проф. **В. И. Шерцля**. (10-ти лѣтній трудъ почтеннаго ученаго) 1889. Ц. 2 р. 50 к. съ перес.

Постороннія изданія, вышедшія въ настоя-щемъ году:

**Библиографія по исторіи Римской литературы** въ Россіи съ 1709 по 1889 г. Съ введеніемъ и указате-лями. Изданіе проф. **Казан. Университета Д. И. Нагу-евского**. 1889. Казань.

**Основы библиографіи** по исторіи римской литера-туры. Пособіе для студентовъ-филологовъ. **Д. И. Нагу-евского**, Проф. **Казан. Университета**. 1889.

**Справочный указатель** по русскому и церк.-слав. языку для воспитанниковъ Учитель. Семинарій и учите-лей народн. школь. Сост. **Романовичъ**. 1888. Новгородъ.

**Наставленіе практикантамъ Учительскихъ Семи-нарій**. Сост. **Наставникъ Александровской Новгородской школы**. Новгородъ. 1889.

**Практическія занятія** по рус. языку. Отчетъ руко-водителя занятіями. **П. П. Романовича**. Новгородъ. 1889.

**О началѣ міра**. Апологическое изслѣдованіе. Рек-тора **Кіевской Духовной Семинаріи Архимандрита** **Бориса (Плотникова)**. Ц. 1 р.

**Космологія** или метафизическое ученіе о мірѣ (по **В. Воупе'ю**). Выпускъ I. О пространствѣ и времени. 1888. Ц. 60 к. съ перес. **Его же**.



## ПРОГРАММА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ.

I. ИЗСЛѢДОВАНІЯ. 1) Изложеніе и развитіе разныхъ вопросовъ по Русскому языку и Словесности; 2) пробныя и другія лекціи, или отрывки изъ нихъ по Рус. яз. и Сл., Поэзіи, Исторіи литературы;—будутъ помѣщаться также цѣлыя курсы, руководства или учебники.

II. ЗАМѢТКИ. Наблюденія надъ составомъ Рус. яз. и живымъ его употребленіемъ въ изустной рѣчи и въ литературѣ;—разныя мнѣнія, сужденія объ улучшеніи преподаванія;—разныя методы и программы;—указанія на различія и излишества, на тотъ или другой недостатокъ въ руководствахъ и проч. и проч.

III. СЛАВЯНСКІЙ ВѢСТНИКЪ. Изслѣдованія по Славянскимъ нарѣчіямъ (по языку и литературѣ), старинѣ и народности.

IV. КРИТИКА и БИБЛОГРАФІЯ. 1) Критическіе разборы статей филологическаго содержанія, помѣщенныхъ въ другихъ періодическихъ изданіяхъ; 2) библиографія учебныхъ руководствъ по Рус. яз. и Сл.; 3) разборы лучшихъ литературныхъ произведеній современныхъ нашихъ писателей относительно языка, съ указаніемъ содержанія и расположенія мыслей цѣлаго сочиненія или какой либо статьи, отличительныхъ особенностей, тонкостей, мѣткостей, силы выраженія и красота языка какъ въ словахъ, такъ и въ оборотахъ рѣчи; 4) библиографическій указатель книгъ и статей по Рус. яз. и Сл., отдѣльно вышедшихъ и помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

V. СМѢСЬ. Сюда войдутъ: 1) статьи, касающіяся свойствъ разговорнаго языка, въ особенности народнаго,—(народная словесность, народные говоры; 2) разныя филологическія и лингвистическія извѣстія, краткія замѣтки о языкѣ, письма, запросы, отвѣты, поправки и т. п.

VI. ПРИЛОЖЕНІЯ. 1) Извлеченія изъ статей филологическаго содержанія, помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, особенно чѣмъ либо замѣчательныхъ, или заимствование нѣкоторыхъ изъ нихъ; 2) переводы и извлеченія изъ произведеній извѣстнѣйшихъ филологовъ и эстетиковъ; 3) обзоръ вновь выходящихъ замѣчательныхъ произведеній иностранныхъ филологовъ и лингвистовъ и 4) изслѣдованія по изученію общей сравнительной филологіи и лингвистики, старины и народности, классическихъ древностей, этнографіи, сравнительной мифологіи и народной психологіи.



## Филологическія Записки издаются

въ **ВОРОНЕЖѢ**. Выходятъ безсрочными выпусками—  
по шести выпусковъ въ годъ.

Цѣна годовому изданію **6** руб. **50** коп. съ пересылкой.  
За границу **7** руб.

Подписка преимущественно принимается:

въ **ВОРОНЕЖѢ** въ Редакціи Филологическихъ  
Записокъ; также въ извѣстныхъ столичныхъ книжныхъ  
магазинахъ и въ другихъ городахъ.

Въ Редакціи также можно получить:

Годовое изданіе «Филологическихъ Записокъ» и  
за прежніе годы, а равно и нѣкоторыя отдѣльныя изданія,  
а именно:

**О происхожденіи языка**, Э. Ренана. Пер. съ фр.  
А. Н. Чудинова. 1865. Цѣна съ перес. 1 р. сер.

**Обзоръ Исторіи Чешской Литературы и Языка**. Съ  
Чешскаго. Переводъ К. Медвѣдева и Н. Артемьева. 1866.  
Цѣна 40 к. съ пересылкою.

**Наука о языкѣ**. Новый рядъ чтеній Макса-Мюллера.—Шесть лекцій. Выпускъ I. Перев. съ Англ. Д. Лавренча и Г. Кайзера. 1868 г. Цѣна 1 р. 40 к. съ перес.

**Наука о языкѣ**. Выпускъ II, заключающій въ себѣ  
послѣднія шесть лекцій Макса-Мюллера—VII—XII. Пер.  
съ Англ. Г. Кайзера. Цѣна 1 р. 10 к. съ перес.

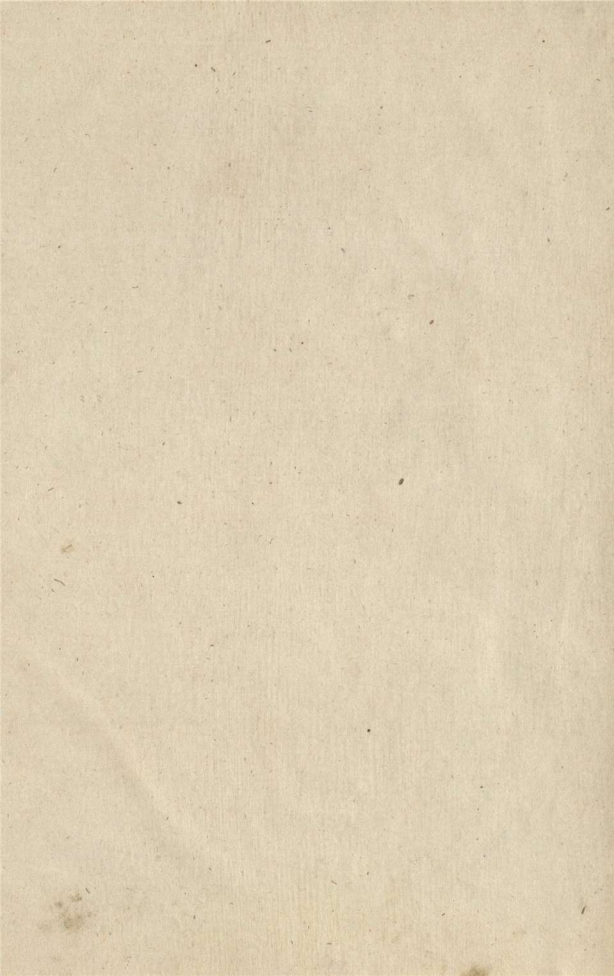
**Искусство въ Италиі и Нидерландахъ**. Лекціи Тэна.  
Выпускъ II. 1871 г. Перев. съ франц. А. Н. Чудинова.  
Цѣна 1 р. за экз. съ пер.

**Сборникъ классическихъ иностранныхъ произведеній**  
въ переводахъ русскихъ писателей, I томъ котораго состав.  
ляютъ **Образцовыя произведенія Скандинавской поэзіи**,  
изд. подъ редакціей А. Н. Чудинова 1875 г. Ц. 2 р. за экз.

Редакторъ-Издатель **А. Хованскій**.

---

Дозволено Цензурой. Москва, 3 Мая 1889 г.





1865

1000

